

Зиборов Евгений Александрович

Завтра придёт Иван

Роман

Часть первая

Когда мы были мальчишками

ИЗ ГАЗЕТНОЙ ГРОНИКИ

Москва (ТАСС). Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями большую группу участников Великой Отечественной войны, проявивших мужество и героизм в борьбе с немецкими захватчиками.

Посмертно награждены орденом Ленина Иван Яковлевич Да-нилов-Котюков, Александра Георгиевна Богатырева, выполнявшие особо важные задания советского командования на оккупированной врагом территории в период 1941—1943 гг. и другие.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

— Кто вы!..

Я смотрел на его прямой, с мягкой горбинкой нее, на гладкие, разделенные белым пробором блестящие волосы, выдающийся вперед подбородок и молчал. Вдруг, я пакую-то долю секунды перед глазами встало мое детство, я опять увидел черную собачонку, машину с мертвым Лешкиным отцом, перевернутую лодку и скрывающуюся в темной воде голову человека, одетого сейчас в строгий мундир абверовца.

— Кто вы такой! Я все слышал... Садитесь! — Он явно не узнавал меня.

Я продолжал стоять. Он все слышал. Ну да, через микрофон, спрятанный где-то здесь. Вот сейчас он что-то выдернул, я услышал стук упавшего на пол предмета. Штепсель... Значит, он предпочитает разговор без свидетелей. Догадка диктовала мое дальнейшее поведение.

Я сел и спросил:

— Как поживает фрау Роза, Пауль!..

Он вздрогнул, сдвинул брови и пристально взгляделся в мое лицо. Затем неуверенно и тихо произнес;

— Громов!..

— Так точно, Пауль.

Он с минуту все тем же пристальным взглядом смотрел на меня, покачивая головой, словно сомневаясь в моем существовании, и вдруг нажал кнопку, белевшую в правой части стола.

Дверь отворилась, на пороге встал обер-лейтенант.

— Машину!

— Яволь!..

— Возвратите Брауну пистолет!..

— Сию минуту, господин майор! — Обер-лейтенант быстро приблизился и подал мне «парабеллум». — Вызываю машину!

— И можете быть свободны, Крайзер. Когда понадобится, я вас вызову.

— Яволь! — Крайзер исчез. В кабинете наступила тишина. Стало слышно, как на подоконнике чирикали и возились

воробьи, Я мельком посмотрел на часы — шел девятый час вечера.

Где-то раздался протяжный сигнал автомобиля. Он встал, аккуратно надел фуражку и

кивнул:

— Поедем, Громов... То есть, Браун.

Он так и не научился правильно произносить мое имя. И я опять вспомнил то, что происходило задолго до этой встречи...

ДЕЛА, ДЕЛА...

Вчера я простудился, а сегодня

сиду дома, на окне, и гоняю злых кусачих мух, бьющихся о мутные стекла.

Во дворе, напротив меня, взгромоздившись на штабель теса, сидят Лешка Гришин и Светка Лукина. Я знаю — они мне сочувствуют, но, увы! — помочь ничем не могут.

Это вместе с ними я вчера нырял до синевы, до одурения за ракушками. Как-никак, конец августа, еще несколько дней — и мы пойдем в школу. Поэтому-то мать и не выпускает меня из комнаты.— Чего доброго,— говорит она,— схватишь осложнение — и пропала учеба. Запустишь с самого начала, потом не наверстаешь.

В общем-то правильно, да не совсем. Она и не подозревает, что ни один порядочный мальчишка — кроме зубрилок, конечно! — весь первый месяц не берет за книжки. Есть дела поважнее. Вот когда четверть к концу пойдет — тогда да, прощай футбол и все такое прочее. Тогда мы пыхтим.

Меня поташнивает. Наверно, от ракушек. Дернуло меня их попробовать!..

Мы собрали целый мешок этих беззубок и разделили на три кучи. Только Светка и я отдали свою долю Лешке. Потому что у него еще есть младший братишка Юрка — курносый белоголовый пацан, который ревет, когда хочет есть.

Есть мы всегда хотим. Теперь, правда, легче — пошли огурцы и помидоры, и в садах можно добыть хоть и зеленых еще, но уже вкусных яблок.

От зелени у нас трещат животы.

Я смотрю на унылого Лешку и удивляюсь. Все-таки противная эта лягушатица! Ее варишь, варишь, мясо получается белым, пахнет сырой водой, а когда ешь, во рту приторно.

Тем более, если есть без соли. А соли нет. Она на базаре, как говорят, кусается. Однако, что делать, ежели, жрать нечего!.. Вон, Лешка щепкой стал. Да и Светка не толще. Я, правда, ничего, я ещё выгляжу прилично. Потому меня и закормленным считают. Что ж, может, это верно. У нас еще полмешка картошки есть. Клейкая, черная, однако картошка, У Лешки и Светки и этого нет.

Плохо мы живем. Голод. Засуха.

С прошлой осени Светка а диетическую столовую ходит. Мать у нее сторожем на заводе, зарплата маленькая, поэтому Светку в диетстоловую и определили. Завком определил, А меня и Лешку нет. У меня отец — ответработник, секретарь парткома. А у Лешки мать и отец квалифицированные токари.

Вот и ест Лешка ракушек. Да разве он один!.. Считай, вся наша Речная слобода ими кормится. Утром и вечером в реке полно люду — по дну ползают и большие и маленькие.

Только не все так живут.

Я знаю, у кого сейчас есть и сливочное масло, и мясо, и белый хлеб, да еще и конфеты. Я их вижу каждый день. Это — испецы. Иностранные специалисты. Их в нашем доме полно. Живут семьями.

Ежели я вырасту — буду тоже инспектом. Ну, не у нас, конечно, не в России, а в Австрии или Германии. Я тоже буду носить красивое, не нашего покроя платье, есть самое вкусное и свысока глядеть на всех прочих.

Впрочем, все это трёп. Никаким инспектом я не буду. И плевать мне на заграничный хлеб и сласти. Я буду есть воблу и грызть сухари — как мой батя. И бороться с контрреволюцией и всякими шпионами и предателями.

И обязательно отомщу Паулю.

Кто он!.. Это немец. Ему четырнадцать лет. Живет он в одном коридоре со мною, в

трехкомнатной квартире. Отец Пауля — фатер Гайнрих Шмидт — старший мастер нового механического цеха. Здоровый, с моего отца, только в два раза толще. По-русски он км бум-бум. Мать — под стать отцу Пауля. Фрау Роза. Она добрая все-таки. Иногда выносит русским ребятишкам горбушки с маслом и медом.

А Пауль — дрянь. Однажды... О, об этом стоит рассказать!..

Однажды мы сидели на штабеле теса. Шел дождь, дул холодный ветер, и мы были, как всегда, голодными. От крапивных щей у меня урчал желудок. И вот Пауль наполнился во дворе с огромной горбухой, намазанной вареньем. Был он в брюках-гольф, теплом, крупной вязки, шерстяном свитера и голубой шелковой рубашке. Да еще на поясе белый, с никелированными обедами, барабан. Барабан отличный, такого даже в нашей школе ив было. Стоило Паупю забить кленовыми палочками в барабан — маленькие немцы мигом собирались в кучу, строились и затем начинали вышагивать с песней — точь-в-точь, как пионеры. Только красных галстуков у них не было.

На этот раз Пауль вышел с паршивой собачонкой Эльзой — кривоногой, лопухой и весьма брехливой.

Пауль подошел к штабелю, посмотрел на нас и начал ломать кусочки белой горбушки, бросая их Эльзе.

Мы-то сразу поняли, что к чему. Он травил нас, глотающих голодную слюну. Мы сразу отвернулись. Но Пауль и не думал уходить. Он подозвал собачонку, потрепал ее (мы все видели, хоть и притворились безразличными), потом бросил ей весь кусок. Эльза брезгливо обнюхала хлеб и вдруг подняла заднюю лапу. Через минуту хлеб плавал в черной лужице, а Пауль смеялся и, указывая на горбушку, говорил:

— Комм, комм! Иди, кушай!

Это он Лешке говорил, который не удержался и повернул голову. Конечно, Лешка не пошел. Зато Юрка шариком скатился со штабеля и заковылял к горбушке, повторяя:

— Клеб, клеп!..

Тогда со штабеля спрыгнул Лешка. Он даже посинел от злости. Светка мотнула рыжей головой:

— Дай ему, Лешка!

Лешка подскочил к Паулю и вцепился в его свитер, Зоя он это сделал, конечно. Пауль был вдвое сильней. Он сгреб Лешку, наклонил его к земле и начал всыпать барабанной палочкой. Этого было достаточно. Мы не выдержали и с ревом бросились на Пауля. Мы его все-таки свалили в коричневую лужицу, оставленную лопухой Эльзой. А когда начали тузить — нам неожиданно помог Антошка — низенький, голубоглазый крепыш-австриец. Он наблюдал за нами, стоя поодаль.

Мы отлупили Пауля по всем правилам, изодрали его рубаху, вывозили в грязи. Может, это не честно — четверо на одного. Но в тот момент все было правильно. Терпенье наше лопнуло и наступил миг возмездия.

Потом возмездие настигло и нас.

Нас выдрали отцовскими ремнями. В другое время мы бы вопили от тирании старших, но на этот раз мы молчали, повергнув в изумление наших матерей. Мы были упрямы. Разве догадывались взрослые, что иначе и быть не могло!..

С тех пор я откровенно ненавидел Пауля. Фашист — кличка прочно пристала к немцу. И когда маленькие «инспекты» начинали маршировать по двору — мне казалось, что это маршируют всамделишные фашисты.

Теперь-то я на все это смотрю иначе. Но тогда... Тогда шел тысяча девятьсот тридцать четвертый год, в Берлине горел рейхстаг и штурмовики расчищали дорогу Гитлеру.

Однако вернусь к прерванному рассказу.

Я все-таки удрал из дому, обманув бдительность матери. На пустыре, превращенном в склад стройматериалов и древесины, меня уже поджидали Светка и Лешка.

— Пошли к Гор-Горычу! — спросил Лешка, морща усеянный золотчиками веснушек облупленный нос.

— Пошли!

И мы макнули прямо через забор на соседский двор, поросший чертополохом. Здесь жил Гор-Горыч, командир Красной Армии. Жил он в одноэтажном флигельке с дочкой — высокой, очень тоненькой и молчаливой Сашей. Мы были ровесниками, но Саша казалась старше своих лет, что вообще-то для девочек не удивительно. Как бы там ни было, я в душе робел перед этой светлополосой, длинноногой девчонкой, в глазах которой прятались кусочки летнего неба.

Гор-Горыч — это мы так зовем Сашиного отца для сокращения, А полностью — Георгий Георгиевич Богатырев. Росту он высоченного, телосложение — под стать фамилии, Гор-Горыча знает мой отец. Они еще в двадцатом году вместе белополяков били. Тогда Гор-Горыч был комэском, командиром эскадрона. У него и сейчас на стене, поверх ковра, висит старая кривая шашка. Ножны ее поражают удивительными узорами. А сбоку, на эфесе шашки, краснеет, мерцающая искорками, звездочка.

Гор-Горыч — рассказчик, каких мало. Иногда я думаю, взять бы, да напечатать все истории, которые нам довелось услышать от него, — вот была бы книжка! Вроде «Чапаева», только, наверно, интереснее.

С Гор-Горычем у нас приятельские отношения. Во всяком случае, он говорит с нами как равный, без сюсюкания и превосходства, хотя мы, конечно, еще сопляки.

Сегодня Гор-Горыча дома не было. В Сашиной комнате сидела вертлявая черненькая девчонка с двумя косичками и очень гладко причесанный мальчишка с розовым лицом. Мальчишку я знал — он учился со мной, только в параллельном классе. Это Колька Гребенюк.

Когда мы вошли, они пили чай. Я сразу понял, что мы — лишние.

— Проходите, мальчики, — сказала Саша. — Знакомьтесь. Это Галя, а это... — Она не договорила, потому что я перебил:

— Знаем, кто такой. Гор-Горыча нет!.. Саша пожала плечами.

— Уехал папа. На учения.

Мальчишка сощуренными глазами бесцеремонно разглядывал меня, словно дикообраза в зверинце. Не знаю, почему, но злость, желание наругать овладело мной. Наверно, лицо мое передернулось, ибо Саша недоумевающе подняла брови, а чернявая прощбетала:

— Вы нервный, да!..

На выручку мне пришел Лешка, который, дернув носом, сказал:

— Он больной. Простудился. Пошли, Лень...

— А вы пирамидону примите. Очень помогает! — опять защебетала чернявая, поблескивая влажными карими глазами. Колька Гребенюк усмехнулся.

Я молча повернулся и вышел из комнаты. За мной плелся Лешка.

— Ишь, чай распивают! — ворчал он, увертываясь от высоких стеблей крапивы. — Как всамделишные!..

Мы перелезли через забор на пыльную улицу. Солнце накалило пыль, и мы с удовольствием пошли по дороге, поднимая серые клубы, пугая квохчущих кур.

— Слушай, — Лешка внезапно остановился. — Давай отлупим этого, Гребенкжа?..

Удивительное дело! Лешка угадал мои мысли.

— Чтоб к Гор-Горычу не ходил, — продолжал Лешка, — давай!., Вон там, у трансформаторной будки подождем.

Мы тотчас направились к углу улицы и спрятались в тень старых раки. По мостовой ехали подводы, лошади фыркали и отмахивались хвостами от слепней, колеса дребезжали, а загорелые дочерна возчики равнодушно дымили самокрутками.

— Гляди, усатый. — Лешка толкнул меня под бок, В самом деле, на одной из подвод сидел рыжеусый, похожий на разбойника, возчик, знаменитый тем, что носил на груди и спине целую картинную галерею. Когда он приходил купаться, вокруг возчика собиралась толпа ребят и девчонок, разглядывавших невиданную татуировку. Говорили, что он был когда-то матросом и все эти рисунки ему сделали в Японии.

Между прочим, Лешка однажды тоже заставил меня нарисовать нечто подобное, но после того, как я только один раз ткнул его в мягкое место тремя связанными иголками — он лягнул меня, опрокинул пузырек с тушью и с воем запрыгал по чердаку.

Наше увлечение татуировкой закончилось раз и навсегда. Впрочем, это не мешало нам смотреть на возчика с прежним восхищением,

Подводы проехали, улица обезлюдела. Я уже раздумал марать руки о Кольку Гребенюка, когда хлопнула калитка и он появился вместе с чернявой девчонкой.

Мы подпустили их поближе и вышли из-за будки, загородив дорогу. В этот момент из ворот нашего двора вышли несколько мальчишек. В самом рослом из них я узнал Пауля.

Драться мне сразу расхотелось. Ради чего ж мы будем давать представление немцам! Я сунул кулаки в карманы, но... Лешка наскочил на Гребенюка, тот отшатнулся, а чернявая с неожиданной радостью сказала:

— Будете драться!.. Ой, интересно!

Потом случилось непонятное. Почему-то Лешка кувыркнулся с ног и упал лицом в колючий татарник, росший в кювете.

— Так,— сказал я, поняв, что отступать некуда.— Так, значит, наших бить! Ну, держись! — Я петухом бросился к Гребенюку.

Самое поразительное во всей этой истории то, что я опять ничего не понял. Мне показалось, что я с разбегу наткнулся на дышло. Дыхание мое остановилось, я выпучил глаза и, очутившись на корточках, пополз к Лешке под дружный хохот приблизившихся немцев.

Гребенюк усмехался своими тонкими губами и повернулся к чернявой.

— Бокс,— сказал он и, высоко подняв голову, отправился как ни в чем не бывало дальше.

Я получил первый урок бокса. И еще, корчась в репьях, хватая ртом воздух, поклялся: изучить этот чертов бокс во что бы то ни стало. Завтра же пойду на стадион «Рот-фронт» и запишусь у тренера Беликова в младшую группу.

Так кончился этот августовский день тысяча девятьсот тридцать четвертого года.

А на следующий день...

ГРУЗОВИК ВО ДВОРЕ

А на следующий день произошло событие, которое заслонило все другие.

На заводской трехтонке привезли мертаого Лешкиного отца. Шел десятый час утра, земля парила — ночью прошел легкий дождичек. Мы сидели на бревнах и смотрели, как в широко распахнутые ворота медленно вкатывался грузовик. Он осторожно проехал по двору, оставляя на влажном песке рубчатые ленты, и остановился у нашего подъезда.

Трое мужчин, сидевших в кузове, спрыгнули на землю и опустили борт.

Лешка первый подскочил к машине и вдруг застыл на маата, Лицо его побелело, глаза расширились; он что-то хотел сказать — и вдруг заплакал — захлеб, не вытирая слез...

На машине, на ворохе мешков лежал дядя Петя — Лешкин отец. Голова его была покрыта белым тюрбаном бинтов, а на груди, на старой рабочей рубахе, темнели коричневые пятна высохшей крови.

Кто-то вышел из кабины и обнял Лешку, негромко говоря слова утешения, а потом повел его за собой в квартиру. Светка сморщила лицо и тоже заплакала, но тотчас же умолкла, непонимающими глазами глядя то на дядю Петю, то на меня...

Дядю Петю унесли в дом, грузовик фыркнул синим дымом и быстро укатил. Мы еще не успели толком обсудить происшедшее, когда во дворе появился сверкающий черным лаком»,легковой директорский автомобиль. Щелкнули дверцы, и среди вышедших я увидел своего отца, двух женщин, под руки взявших тетю Настю — мать Лешки, и какого-то незнакомого военного с красными петлицами на вороте гимнастерки.

Все они вошли в Лешкину квартиру.

А между тем двор уже заполнился людьми, которые негромко разговаривали и скорбно вздыхали. Мы пристроились около входной двери и жадно ловили каждое слово.

Через несколько минут я узнал все,

В первом механическом цехе произошла авария. На новом станке обрабатывали какие-то двухдюймовые трубы, работа не ладилась, и дядя Петя подошел, чтоб исправить неполадку. Вместе с ним шел и Фефер — отец Антошки-австрийца. Станок был немецким и Фефер отвечал за его работу.

И вот, когда они подошли, труба почему-то вырвалась из патрона и, мгновенно описав полукруг, ударила дядю Петю по голове... Фефер упал вслед за Лешкиным отцом — конец трубы стукнул его по бедру...

Дядя Петя умер, не придя в сознание, Фефера увезли в больницу.

В этот день мы так и не увидели Лешку. Его вместе с Юркой забрали какие-то женщины. С тетей Настей было плохо, ей терли виски нашатырным спиртом и давали валерьянку, но все равно у нее глаза раскрыты, как у безумной, губы искусаны, в лице — ни кровинки...

-Дядя Петя лежал на столе во всем чистом. У ног его и возле изголовья стояли люди — рабочие из первого механического. Были они хмуры и злы, и нас, после того, как мы обошли вокруг стола, сразу выгнали на улицу.

Я все порывался к отцу, но видя его насупленные брови, уме-ривал свою прыть: отцу было не до меня. Побродив по двору, послушав пересуды и ахи соседей, я пристроился на штабеле и предался размышлениям.

Мертвых я уже видел. «Жмуриков» — как их называют музыканты — на нашей улице было немало. Однако все они умирали или от хвори, или от старости. Я и самоубийцу однажды видел в доме, что рядом с флигелем Гор-Горыча. Молодой двадцатилетний парень застрелился среди дня. Я еще тогда удивлялся — как это так: взял и застрелился. Так только дураки могут. Между прочим, я до сих пор так думаю, Говорили, что этот парень от ревности застрелился. Тем более!..

Но вот дядя Петя... И надо же тому случиться! Лешке и Юрке и так жрать нечего, а тут... Лучше Пауля бы хватило или его фате-ра... Плохо будет и тете Насте, и Лешке с Юркой. И почему это так: хороший человек гибнет, а дрянь в ус не дует!..

На досках я просидел долго. Светка от меня убежала к девчонкам — ей надоело мое молчание. Уже смеркалось, когда мать позвала меня домой.

Не спеша, забравшись на свой второй этаж, я тихонько приотворил дверь и остановился, услышав голос отца.

Он с кем-то разговаривал вполголоса, словно размышляя.

— Может быть всякое, Андрей Петрович... Но не будем спешить. Легче всего сказать — это диверсия. А если от неумения! Хотя, скорее, это — преступная небрежность. Да, надо присмотреться...

Человек заговорил низким голосом: я прикрыл дверь, защелка звонко хлопнула, и разговор в комнате оборвался. Когда я вошел в комнату, и отец, и человек в военной форме уже стояли. Я сразу узнал собеседника отца — это был тот самый военный, что приехал днем на директорской легковушке.

Он надел фуражку с светло-голубым верхом и протянул отцу руку.

— Ну, на сегодня закончим,— сказал он.— Мои координаты вам известны, в случае чего — прошу...

Отец проводил его и возвратился задумчивый, ероша темный, с промельком седины, чуб.

— Пап,— спросил я,— чего этот из энкаведе говорил! Правда вредительство на заводе, да?..

Отец искоса посмотрел на меня. Я ждал, что он скажет мне примерно следующее: не суй свой нос в дела взрослых. Или — помалкивай, любопытной Варваре нос оторвали... Однако на этот раз я ошибся.

— Да, брат, что-то необычное... — сказал отец.— В общем, надо посмотреть...

Всякий раз, когда предстояло сделать что-то очень важное, отец говорил именно так — надо посмотреть. И это обычно предвещало, что в ближайшие дни я отца почти не буду видеть — опять начнет днем и ночью пропадать на работе. К подобным чезневениям я уже привык с той поры, когда отец работал в Г В самом деле, могло ли быть иначе! Недобитой контры

много, и надо брать за горло. Как ее берут — я примерно знаю. У отца правом бедре красноватый желвак шрама. Это — след вражеской пули. Такой же шрам и на левом плече. В двадцать девятом году в него стреляли поздней ночью, когда он шел один по пустынной улице. Так что тут мне все понятно. А вот с матерью у меня явное расхождение мнений. Она считала, что отцу следует меньше соваться в пекло. Что кроме него есть и другие. И что ему следует помнить о том, чтобы я не вырос сиротой. В понятии мамы сирота — это базарная шпана или настоящий бандит...

Теперь мой отец работает на заводе. И мать успокоилась. Однако я-то знаю — батя не из тех, кто сдает оружие в каптерку. Он был чекистом и остается им доньне. Недаром его не забывают старые друзья — тот же Гор-Горыч, Мокроусов — огромный черноусый человек с орденом Красного Знамени, Матвеев, живший в Москве, Григорьев из Ленинграда... Если всех переписать не хватит и страницы...

Пока все эти мысли беспорядочной чередой проносились моей голове, отец спрятал в стол какие-то бумаги и замкнул ящик.

Пристально посмотрев на меня, он вдруг сказал:

— Ты, Ленька, не оставляй одного Лешку... Трудно ему буде Жизнь у нас еще, брат, колючая. Знаешь, каков солдатский закон, нет!..

— Какой, пап!..

— Сам погибай, а товарища выручай. Вот так и у друзей должно быть. У настоящих, конечно.

— Будь уверен, папа! Да я и так... — Торопясь, сбиваясь, я рассказал отцу и о причинах драки с Паулем, и о ракушках.

Выслушав меня, отец усмехнулся,

— Что же, случается и так... Однако знай: в жизни будут пс ворота круче.— Он помолчал и переменял разговор:

— Иди-ка ужинай. Мать там чибриков нажарила. А я пойду. На заводе дело есть.

Так и остались мы вдвоем с матерью. Чибрики — картофельные оладьи с красноватой хрустящей корочкой, жаренные на подсолнечном масле — были теперь редкостью. Я налег на них и тайком от мамы спрятал целых три штуки — для Лешки. Сам погибай, а товарища выручай — это я хорошо запомнил.

Однако оладьи мои удалось отдать Лешке только наутро. И, честно говоря, мы их съели втроем: Лешка, Юрка и я.

В тот же день похоронили дядю Петю. Мы долго шли за гробом, который везли две черных лошади, прикрытые кружевной накидкой. Если бы не она, все увидели бы худобу коняг, едва переступавших мосластыми ногами. Катафалк скрипел, играл оркестр, женщины плакали, а позади всей процессии ехала черная легковушка директора, в которой сидела обеспамятевшая мать Лешки. Впереди, рядом с шофером, сидел Юрик. Он был доволен тем, что сидит в настоящем автомобиле и даже смеялся. Ну, что с него взять! Несмышленный еще. Вместе со всеми я стоял у могилы, взгромоздившись на крутой холм выкопанной глинистой земли, слушал речи выступавших. Когда начал говорить мой отец, я было хотел протиснуться к нему, но какая-то тетка сжала мое плечо и так выразительно посмотрела на меня, что я безропотно остался на месте.

Потом гроб опустили на толстых веревках в сырую яму. Взрослые начали горстями бросать землю на крышку заколоченного гроба, я тоже схватил комок и бросил его вниз. В это время меня нашла мать и, взяв за руку, вывела на соседнюю аллею.

— Стой рядом. Пойдем вместе.

И когда над могилой вырос аккуратный холмик, она повела меня домой.

В Лешкиной квартире после похорон начались поминки. Мать меня туда не пустила, хотя я и пытался выскользнуть из комнаты. Заперев меня на ключ, она спустилась вниз и через несколько минут явилась неожиданно с Лешкой и Юркой.

— Садитесь, ребятки, да помяните... — Она принесла целых две тарелки еды — нарезанной кружочками колбасы и сладкого риса, пересыпанного изюмом,

У меня сразу заныла в желудке, и я первым протянул руку, Юрка последовал моему примеру, а Лешка сбычился, заморгал и тихонько заплакал.

— Ешь, Лёха! — сказал я. — Ну, что теперь сделать!.. Ешь, рис — прелесть. И колбаса тоже!..

Мать отвернулась к окну, краем фартука вытирая глаза.

— Ты, Лёшь, не робей. Мы же друзья, понимаешь! На всю жизнь. Знаешь, как у солдат!.. Сам погибай, а товарища выручай. Ешь, Леша!.. — Я придвинул к Лешке тарелку.

Мы очистили обе тарелки. Юрка, впервые наевшийся досыта, уснул тут же, на стуле. Мать отнесла его в спальню. А мы с Лешкой еще долго сидели у окна, глядя на чистеньких немецких ребятишек, начавших маршировку под стук барабана. Им-то было все равно, что случилось с Лешкиным батей. А взрослые немцы курили свои фарфоровые трубочки и играли в крокет на ровной площадке, что была расчищена в одном из углов двора. Их тоже это не касалось.

Легли мы спать вместе, на полу, где мать постелила для нас старый овчинный полушубок. И пака я засыпал, Лешка часто вздрагивал и тихонько посапывал, вытирая рукавом слезы. Я его не утешал. Я не знал, да и теперь не знаю, чем можно утешить человека, схоронившего своего отца.

Говорят — лучший лекарь — это время, жизнь.

ПАУЛЬ И ДРУГИЕ

Лучший лекарь — это время, жизнь. А жизнь шла своим чередом. Давно начался учебный год, мы ходили в школу, играли на переменах в футбол, дрались с ребятами из параллельного класса и регулярно получали «неуды»

Во время драк я всегда старался найти Гребенюка, но тот почему-то в этих скоротечных потасовках не участвовал. Наверно, побаивался своего отца — учителя физики. Еще бы! Подорвать авторитет учителя — ого!.. И несмотря на то, что словесно я безжалостно уничтожал Гребенюка, где-то в глубине души чувствовал справедливость поведения своего противника. В самом деле, окажись я на его месте — разве не так повел бы себя!.. Разве я мог уронить достоинство своего отца!.. Разве я посмел бы подвести его!.. Хватит и того, что случилось у нас с Паулем.

Между прочим, с Паулем мы как-то незаметно подружились, к огорчению Лешки. Я даже не знаю, как это произошло. И началось все с того, что однажды, еще в конце сентября, мы пошли на реку, туда, где около дощатого переходного мостика всегда качались плоскодонки — неглубокие, облитые смолой, лодки.

На этой стороне, под крутым известняковым берегом высились белые стены бывшего монастыря, а под обрывом водились большие окуни. И Пауль вместе с другими ребятами часто плавал на лодке удить рыбу.

Так было и на этот раз. Пауль, стоя в плоскодонке, удил, э на корме сидел Антошка. Мы отвязали свою плоскодонку и, тихонько подгребывая, поплыли мимо рыбаков. День стоял не по-осеннему теплый, солнце даже припекало, и наверно поэтому Пауль разделся до трусов.

Мы уже проплыли дальше, вверх по течению, когда сзади раздался крик, всплеск воды и испуганные возгласы.

Лодка, в которой стоял Пауль, была перевернута, а возле нее, поднимая брызги воды, барахтались Пауль и Антошка.

Я тотчас же развернул нашу лодку к барахтающимся. Успели мы вовремя. Оказывается не Антошка, а Пауль успел нахлебаться воды. Возле него беспомощно кружился Антошка, что-то крича по-немецки.

— Тащи его! — заорал я. — За волосы, понимаешь!

Пауль, наверно, здорово Перепугался, потому что схватился руками за лодку, которая опять перевернулась и подмяла его под себя.

Тогда я, не раздумывая, прыгнул в воду, сразу обдавшую меня ледяным холодом. Вот тебе и жара!..

Я ухватил Пауля за темный чуб и е усилием приподнял его голову над водой. Он выпучил глаза и уцепился за мою руку, отчего я окунулся с головой. Однако, хлебнув, я тотчас же вынырнул на поверхность.

Пауль опять уцепился за меня, и я испугался,

Места здесь глубокие, с донными ключами, утонуть можно запросто. Если Пауль, обезумевший от страха, на выпустит меня, насядет — утонем вдвоем...

Я сделал рывок в сторону, ругаясь и отплевываясь. Потом, изловчившись, я все-таки вновь ухватил Пауля за чуб и потянул его к лодке, с которой Лешка уже протягивал мне весло, и вовремя: я почувствовал, как судорога свела мои ноги.

Спустя несколько минут, мы сидели на берегу — мокрые, посиневшие, вымазанные илом и стучали зубами. Выжав одежду и отогревшись, мы уже вчетвером направились домой. Сначала решили никому ничего не говорить о происшествии, однако вся одежда Пауля уплыла, и ее исчезновение ничем нельзя было объяснить.

Поэтому-то я вдруг на целую неделю стал популярной личностью у всех жильцов нашего дома. А мать Пауля — фрау Роза — та вообще меня закармила сладостями. И Фефер — отец Антошка, толстый, неповоротливый, еще прихрамывающий, от которого всегда несло как от пивной бочки — даже он почему-то проявил телячьи нежности — облапил меня, поднял и расцеловал, уколов при этом щетинистым ежиком рыжих усов.

С этого дня Пауль и подобрел ко мне. В общем-то я ничего не имел против — у Пауля было много любопытных, никогда не виданных мною вещей. Я, конечно, вышел из того возраста, когда еще занимаются игрушками, но... Вот легковой автомобиль, сияющий никелем и стеклами. Он как настоящий, мог повернуть в любую сторону, дать сигнал, засветить фары. Или взять другое — радиоприемник с проигрывателем. Роскошная вещь! Такого нет даже у директора завода. А книги с чудесными иллюстрациями!.. Хоть они и на немецком языке, зато картинки я рисунки в них редкостные: рыцари на конях, воины с мечами и шпагами, виды старинных городов, парусные корабли — всего не перечислить.

А помимо всего прочего Пауль, оказывается, знал и приемы джиу-джитсу. Это такая японская борьба с вооруженным противником. Он на тебя с ножом, а ты раз — хватаешь его, делаешь подсечку — и твой противник на земле. Этих приемов Пауль знал немало. Кое-что я перенял от него.

Пауль сказал, что научился этому еще в Германии, в спортивной школе. Жаль, что у нас нет такой школы. Разные спортивные кружки, конечно, есть, но настоящей школы...

Вот я говорю о Пауле, Антошке и других немцах. Как же мы с ними объяснялись, на каком языке! Сначала, конечно, на русском. Это мы. Они — на- немецком. Однако через полгода я лично уже понимал все или почти все, что произносилось по-немецки. А потом и сам начал говорить, иногда даже целыми фразами. Между прочим, то же было и с Паулем. Так что мы превосходно понимали друг друга. И уже если говорить честно — в школе, у преподавательницы немецкого языка я считался отличником. Учительницу мы прозвали «Мари Ванна — щи кипят — каша подгорела», почему именно так — не знаю, но Мари Ванна даже начала со мной заниматься отдельно от других. Эта обрусевшая немка чуть не доконала меня дополнительными занятиями, и мое счастье, что язык действительно давался мне легко. Разве лишь склонения, всякие там футурумы, партицип цвай и перфекты досаждали.

В общем, я стал частым гостем в квартире Пауля. И Лешка, как я уже говорил, ревновал меня.

— С фашистами сдружился,— презрительно бурчал он.— В Германии фашисты наших режут, а ты...

В самом деле, вести из Германии вызывали массу толков. О них говорили все взрослые. Имена Гитлера, Рема, Шлейхера повторялись все чаще и чаще. А мы рисовали карикатуры с гнусными харями и свастикой и торжественно жгли их на переменах. Черную собачонку

инженера Хеше, который жил в небольшом особняке на нашем дворе, мы прозвали Гитлером. Собачка почему-то охотно откликалась на прозвище, что приводило в восторг не только одних моих сверстников. Зато кличка эта доводила инженера Хеше до ярости. Однажды он даже выдрал кого-то из ребят за уши и пожаловался родителям, дескать, такое прозвище оскорбляет не только кривоногую таксу, но в его чувства как иностранного подданного. Нас поругали, но мы на это ноль внимания. Каше все ребята убежденно считали настоящим фашистом.

С Паулем я теперь был, как говорится, на одной ноге. В конце концов, даже Лешка с этим примирился. Только Светка продолжала фыркать, ну да это меня не трогало. Тем более, что мысли мои оказались занятыми Сашей, дочкой Гор-Горыча. Наверно, это было детской влюбленностью. Но если бы кто в ту пору позволил бы даже намекнуть на это — я бы истребил его, как злейшего врага.

Бежали дни. В школе мы учились так называемым бригадным или групповым методом. Не знаю, кто из педагогов первый подал об этом сверхгениальную мысль, но ему бы следовало поставить памятник, если не от благодарного человечества, то от всех школьных лодырей и неучей. Мы бездельничали, соблюдая очередность. Раз в десять дней кто-то из нас по очереди отвечал по тому или иному предмету. Его оценка ставилась всем остальным. Правда, длилось это недолго. Групповой метод вскоре отменили, и поскольку мы сразу же начали сыпаться, пришлось приналечь на занятия.

Пауль, которого я посвящал в школьные дела, только усмехался и пожимал плечами. Все ему казалось в диковинку. Между прочим, он всерьез взялся за русский язык, и я оказался его первым помощником в этом деле. Мы вслух читали русские книги — библиотека моего отца была хоть и разношерстной, но довольно обширной. Пауль сначала слушал, потом спрашивал непонятное и в заключение старался читать вслух сам. Это — когда он бывал у меня. То же самое повторялась и в его квартире. В роли ученика здесь выступал я.

А вечерами все ребята нашего дома собирались в темном кутке возле котельной. Над нами сипели трубы парового отопления, поскрипывали ступени лестницы, а мы рассказывали истории, одна страшнее другой. Когда запас слышанных или прочитанных историй кончался, мы начинали импровизировать и ввали напропалую. Прерывать рассказчика запрещалось. Нарушитель немедленно получал комплект «шейных» и тотчас изгонялся. Зато каждая история обсуждалась самым демократичным образом. И ежели слушатели находили, что рассказ чересчур шит белыми нитками — рассказчик обязывался подготовить новую историю к следующему вечеру.

Странное дело! Хотя я помнил массу прочитанного, но этим запасом никогда не пользовался. Обычно я импровизировал тотчас, на ходу. Шерлок Холмс и Нат Пинкертон в моих рассказах действовали вместе и совершали такие невероятные дела, что будь это, в самом деле, вся полиция мира могла со спокойной совестью идти на пенсию.

Однажды весной случилось нечто, из-за чего я целую неделю ходил угрюмым, переживая случившееся.

У меня загадочным образом исчезла книга. Я отлично помнил, что она лежала на этажерке, под толстым томом энциклопедического словаря. Если сказать точно — пропала книга отца. И называлась она «Противовоздушная оборона железнодорожного транспорта». Книге шел уже третий или четвертый год с момента издания. Для меня она, в общем-то, интереса не представляла. Но на ней, на ее обложке была наклейка с надписью «секретно».

Вам должно быть понятно мое состояние, когда о книге вдруг вспомнил отец. Я перерыл всю этажерку, облазил шкафы — и тщетно.

— Ну и неорганизованный ты, парень, — сделал мне выговор отец. — Ведь засунул куда-нибудь, не иначе. Ищи! Завтра она должна быть не моем етоле.

Как я ни бился, перевертывая груды книг, старых журналов — поиски ни к чему не привели. Тогда я начал вспоминать, что произошло в день пропажи. Я читал Жюль Верна, сидя у окна, рядом с лопухим кустом фикуса. Потом пришел Пауль, Я ему отдал «Приключения Шерлока Холмса» на немецком языке, которую, при всем старании, так и не одолел из-за

готического шрифта. Пауль стоял около стола, вот там. Потом он ушел, а через полчаса вышел и я, замкнув на ключ квартиру. При мне Пауль не подходил к этажерке. Взять книжку он не мог. Я бы увидел, да и он никогда без разрешения не брал книг.

Значит, все-таки, виноват я. В самом деле, я машинально ее сунул куда-нибудь. Но куда!..

На всякий случай спросил Лешку, он хоть и не книголюб, но кто знает, может, видел ее. Лешка только округлил глаза и сделал жест — мол, у тебя не варит. А на другой день пропажа неожиданно нашлась. В квартире Пауля. Да, да, у него. И лежала она вместе с «Айвенго» Вальтера Скотта на столике.

Пауль подал мне ее и сказал: — Это неинтересная книга. Вот у фатера есть, смотри...

И он начал перелистывать толстую книгу с фотографиями самолетов. Однако я почти не слушал — моя книжка нашлась!.. Но как она попала к Паулю!..

— Как! — удивился Пауль, — А ты сам мне ее дал еще позавчера. Вспомни. Когда «Айвенго» искал...

Напрасно я силился вспомнить то, что говорил Пауль, Наступил какой-то провал памяти. Черт его знает, может, я и впрямь отдал ее Паулю. Я выбежал от него успокоенный. Самое главное — книга нашлась.

Отец, чем-то раздраженный, пришел в этот день поздно; он кое-как пообедал и тотчас же сел за письменный стол. Когда я указал ему на книгу, он только кивнул. Инцидент был исчерпан. и все-таки смутная мысль не давала мне покоя, Беспокойство овладело мной, я бесцельно слонялся по квартире, пока отец не поднял голову,

— Ты что, как маятник, туда-сюда мечешься!

— Папа, знаешь что... — Я виновато опустил голову,

— Что! Опять набедокурил!

— Нет... Не набедокурил. Знаешь, я эту книжку Паулю давал.

— Какую! — Лохматые брови отца недоуменно поднялись.

— Так... — Отец внимательно посмотрел в мои глаза.— Ну, рассказывай...

А что было рассказывать!.. Через минуту я умолк, ожидая приговора.

— Иди сюда... — Голос отца против ожидания звучал вовсе не зло.

— Садись и слушай... — Он задумался на миг и продолжал: — На нашем заводе не все ладно. Вчера было арестовано несколько людей. Помнишь аварию, когда погиб дядя Петя! Так вот, эти люди — причина происшедшего. Действует классовый враг. И пока неизвестно, с кем они были связаны...

— С немцами!.. — Это невольно вырвалось у меня.

— Погоди... Так легче всего сказать. Между прочим, запомни: не все, далеко не все немцы такие фашисты, как ты это думаешь. Среди них большинство честных людей. И работают они на совесть. Больше того: среди них есть и коммунисты.

— А фатер Пауля!..

— Как сказать... — Отец пожал плечами.— Подозревать его не в чем... Но я не об этом. Ты сын чекиста и сам уже понимаешь, что значит быть бдительным. В данном случае ты сплеховал. Сплеховал принципиально. Понимаешь!.. Книга — не так важно. Она уже устарела. Но... Я бы хотел, чтобы сын чекиста был осмотрительным. В знакомствах, в разговорах... Враг может оказаться совсем рядом, для него болтун — ценная находка... Однажды сказанное назад не воротишь. А враг умный, хитрый, догадливый. Кстати, ты читал сегодня газету!

— Нет, папа,

— Прочитай... Существуют в нашей стране троцкисты, сын.— Злейшие враги коммунистов. Вот они и сговорились с зарубежными разведками вредить нам на каждом шагу. Часть их была выловлена чекистами, и они предстали перед судом... Враг не дремлет, сын, и об этом надо помнить. Так вот, пусть этот случай будет для тебя наукой впредь. И — запиши себе для начала выговор,— Отец замолчал и усмехнулся.— А с Паулем продолжай дружить. И не напоминай ему об истории с книжкой.

— Могила, папа!..

— Ну, ну! могила! Иди, побегай...

Так я получил первый урок и первый выговор от своего отца. Тогда шел тысяча девятьсот тридцать пятый год и было мне четырнадцать лет.

ТРИ ТОВАРИЩА

Да, тогда шел тридцать пятый

год и было мне четырнадцать лет. С тех пор минули два года. Многого произошло за это время в мире, многое изменилось и в моей жизни.

Порохом тянуло со всех сторон. Мы пели песни о Красном Веддинге и юном барабанщике, смотрели фильмы «Рваные башмаки» и «Черная Саламандра» и учились в стрелковых кружках... Мы были детьми своего времени...

Вот уже год с лишним я живу без отца. Он умер мгливой октябрьской ночью после недолгой болезни. Пуля, которую он носил в себе с гражданской войны, сделала свое дело. Теперь мы одни — ям мать.

Живем мы а новом большом доме на Трамвайной площади. У меня теперь много новых друзей. Верней — товарищей. Друзья — это совсем другое. Вот Лешка — друг, Светка — как сказать. Да и вижу я ее очень редко — она осталась в нашем старом доме. Саша, дочь Гор-Горыча... Нет, лучше промолчу. Хотя... Когда я гляжу на ее худошавое, всегда освещенное каким-то светом лицо, на чуть удлинённые глаза под темными густыми бровями — мне становится радостно и хочется почему-то отколоть какое-нибудь немислимое коленце... Бывает же такое состояние. Телячий восторг. Не дай бог это состояние заметит Никола. Уж и достанется мне от его языка!..

Саша мне кажется подлинно неземным существом. Аэлита — марсианка. Все остальные девчонки — обыкновенные. У ней — все особое. Голос, взгляд, прическа, светлые, с золотым оттенком волосы, руки — смуглые и гибкие, даже тапочки на тронутых загаром ногах — все удивительно красивое. И хрупкое. К ней нельзя прикасаться — тотчас хрупнет и зазвенит мелкими хрустальными осколками... Я героически подавляю себя, издеваюсь втихомолку над собой, но... Что поделать! От себя не убежишь, И от сознания этого я нарочито грублю — верней, стараюсь казаться этаким ухарем, выдавшим всякое, острою, когда вовсе незачем острить... Саша только удивленно смотрит на меня, а в ее глазах вспыхивает огонек, от которого я загораюсь и начинаю казнить себя за глупые выходки.

Чтобы мое состояние никому не было заметно, я все реже и реже хожу в дом Богатыревых, Наверно, я просто трушу. А, может быть, я глупею!..

Вот с чернявой Галкой дело совсем другое. С ней я смел, и ее глаза хотя иногда и смущают мою душу, но никакой магической силы не имеют. Девчонка она симпатичная, с парнями держится просто, даже по-свойски. В общем — совсем не Аэлита. Как все девчата, живущие в нашем доме. Между прочим, в нем живут и немцы. Теперь их поубавилось. Часть выехала в Германию, часть — куда-то на Урал. Пауль тоже собирается на Урал. Теперь мы видимся с ним редко. Ему восемнадцать лет, у него растёт кудрявый пушок на подбородке, и дружит он со взрослыми парнями. Они часто ходят в дом на противоположной стороне улицы.

Там девичье общежитие, Я даже видел, как Пауль в парадном целовался с Анечкой — невысокой, полной шатенкой лет двадцати двух.

В общем-то, девочки меня теперь интересуют гораздо больше. Наверно, это из-за Гребенюка. Вот давеча я говорил о друзьях. Как-то случилось, что мы вдруг близко сошлись. Гребенюк стал выше ростом, шире в плечах, лицо его возмужало. Когда он смеется — изо рта сверкает золотая фикса. Вышиб ему зуб Лешка, Мы однажды дурачились, показывая друг другу приемы бокса, и вот отбитый Лешкин кулак въехал в приоткрытый рот Николы Гребенюка... С тех пор Лешка стал тенью Николы. Даже мое воздействие — моральное, конечно, — не возымело успеха. Лешка тенью следовал за Николаем. Тем более, что они остались одноклассниками, а я перевелся в другую школу.

Так вот, Гребенюк пользовался популярностью у девочек. Что, в общем-то, для них надо!

Смазливое лицо. А у Николы к этому прилагались умение трепаться, фикса и светлые, почти льняные пышные волосы. Гребенюк, конечно, вовсе не был этаким Дон-Жуаном. Я уверен — рассказы его о некоторых минутах, проведенных с девчонками, — треп. И тем не менее, в моих глазах он выглядел мужчиной. Что было — то было.

Однажды мы пооткровенничали. Так сказать, определили свое отношение друг к другу. Никола сказал следующее:

— Я, брат, не люблю серых. Серое — значит, безликое. На серых ездили, ездят и будут ездить. А я сам наездник. Понял!.. Я тебя. Лень, уважаю за что!.. Ты, хоть и не наездник, но и не серый. Упрямый ты. Это хорошо. С упрямого коня можно сверзиться и шею сломать. На тебе не поездят. И голова у тебя на кочан. А интеллект — первое дело в человеке. Например, с меня достаточно, что ты немецкий знаешь, дай бог каждому. Серые на это не способны...

Между прочим, Гребенюк знал немецкий не хуже моего. Во всяком случае, мы иногда Лешку разыгрывали тем, что в его присутствии болтали по-немецки, чем приводили друга в ярость.

— Бросьте язык ломать, — негодовал он, — пусть немцы русский учат! Русский — он скоро на всей планете зазвучит, а вы...

Я знал — Гребенюк, не высказывая открыто, втайне считал Лешку серым. Все-таки здорово, когда знаешь иностранный язык! Помню, к инспектам в гости приехали шуцбундовцы. Шесть широкоплечих австрийцев в синих комбинезонах, наверно, в тех самых, в которых они были на баррикадах. Попав на эту встречу, я с изумлением убедился, что понимаю почти все, что говорили гости и хозяева. Д ведь это когда еще было!..

Лешка-скептии, он, например, рассказал мне услышанный от кого-то анекдот: кот гнался за мышью. Мышь, не долго думая, юркнула в первую попавшуюся щель. Кет решил; ничего, потерплю. Все равно вылезешь! Час, другой, третий прошел — мышь не показывается. Что делать! Кот от тоски взял и залаял. Мышь услышала — и наверх: собака не кот. Ну, кот ее раз — ив пасть. Вытер усы лапой и сказал: вот что значит — владеть иностранным...

Много позже, когда шуцбундовцы возвратились к себе в Австрию, фашисты посадили их в концлагерь. Кто-то из наших инспектов, как сказал мне Пауль, выдал шуцбундовцев.

Вообще, мне многое определенно не нравится в этих инспектах. Вот Крафт — сухощавый, с изборожденным лицом пожилой немец. Терпеть не могу этого старика. Он недавно женился на русской, молоденькой девушке Кларе. Самое главное, как говорят мои соседи, еще неизвестно, на ком он женился, ибо у Клары есть мать — толстая, всегда завитая и напудренная женщина с громоподобным басом.

А вот Кремер — черненький, улыбчивый, круглый, как шарик. Он женился на заводской работнице. И Олиндрик — высоченный, вечно помятый и медлительный немец — женился на музыкантше из оркестра, что играет перед сеансами в кино «Россия». Что все-таки думают каши женщины!.. Как будто у этих инспектов семей на родине нет. Держи карман шире! Например, Крафт еженедельно по три письма получает из Баварии. От жены и детей. А Кларе с мамой хоть бы хны. Дешевки они, как Лешка говорит.

Дом, в котором мы живем, — один из шести корпусов, соединенных главным подъездом. 8 нашем корпусе четыре этажа, шестьдесят квартир, Инспекты размещены на третьем этаже, а я живу на втором, рядом с лестницей, Лешка — на одном этаже со мной, только в дальнем конце коридора, В доме всегда шумно. Кто-нибудь чихнет — и его слышат соседи. Звукопроницаемость — на сто двадцать процентов. Конечно, это неудобно, и многие пригласили рабочих, чтобы сделать звукоизоляцию. А мне дом нравится. Людей много, ребят и девчат полно. Между нашим корпусом и зеленой оградой сквера разбита волейбольная площадка. Здесь вечерами разыгрываются жаркие баталии. Но наше заветное место — за домом, там пустырь, примыкающий к дворам двух школ. На пустыре мы гоняем в футбол, в котором я начал, как говорится, преуспевать. Между прочим, Лешка тоже. Мы так и играем — он левым крайним, я — левым хавбеком.

В школе у меня дела неважные. Помимо футбола я ведь еще занялся и самбо. Бокс — дело прошлое, мне в нем что-то разонравилось, так же, как и в фехтовании. Правда, Лешка,

говоря насчет бокса, утверждает, что я не имею выдержки. После того, как меня однажды послал в нокдаун инструктор бокса Беликов, я с полчаса приходил в себя, а потом категорически решил — хватит. А подставлять собственную физиономию для того, чтобы на ней ставили печати — извините! Приятного мало. А самбо — вещь, необходимая для каждого. Навалится на тебя какой-нибудь верзила, а ты прием — и привет! Вот тут у меня выдержки хватает. Так что Лешка ошибается.

Короче говоря, спорт у меня съедает все свободное от школы время. Уроки я делаю наспех по утрам, учу — на переменах. Выкручиваюсь кое-как. Хуже дело с математикой. Тут у меня голова не варит. Вдобавок у нас в первой четверти какой-то академик алгебру и тригонометрию вел. Верней, он не академик, а в академии имени Жуковского преподавал высшую математику. Этот академик имел свои методы для решения задач и попытался им обучить и нас. В итоге девяносто процентов моих одноклассников получили за четверть «неуды». «Академика» срочно убрали, вместо него пришел математик Лиходеев, он в старших классах преподавал. Легче мне не стало — гонял он нас, как сидоровых коз, и я по мере возможности стал «манкировать» — как говорил наш завуч и преподаватель литературы Федя Димыч. На контрольных спасали приятели. Служба помощи у нас в классе была поставлена с блеском.

Конечно, я понимал, что все это однажды кончится, и я с треском провалюсь, но... Такова человеческая натура. Балансируешь, пока шишку не набьешь. Что утешает — Лешка мой единомышленник. Гребенюк — о, тот весь школьный курс знает назубок. Еще бы! Был бы у меня отец физиком, разве я не щелкал бы задачки подобно грецким орехам!..

Кстати, у Гребенюка что-то произошло с отцом. Никола однажды пришел хмурый и злой, как осенняя муха. С полчаса побыл у меня, помолчал и исчез, так ни слова и не сказав. А на второй день Лешка под секретом сообщил: отец Гребенюка, Федор Борисович, уехал. Куда — даже Никола не знает. Мать его все фотографии и бумаги Федора Борисовича не то сожгла, не то спрятала. Лешка пытался было узнать, что произошло, но мать Николы так посмотрела, что он спешно ретировался.

Что ж, это бывает. Вот Илья Семеныч из восемнадцатой квартиры также исчез, а потом стало известно, что он к первой жене перебрался. У взрослых это случается.

Спустя неделю-полторы Гребенюк опять вошел в норму и однажды, когда мы остались один на один, сказал, что отца у него теперь нет, что он от отца попросту отрекся. — «Мать — как хочет, а я только так...»

Железный малый! Тан что теперь мы все трое без отцов. Безотцовщина. Ну что ж, да здравствует союз трех!.. Проживем. Хоть и трудно. Не нам, а матерям. Например, моей матери в школу даже некогда сходить. Все время в командировках, в разъездах. Работает она инспектором торговли, а в торговой системе бывают и жулики. Вот она и ездит, ревизует. В общем, я сам себе хозяин. Целыми сутками один. Научился и суп варить, и картошку чистить, и даже с иголкой обращаться. Не ходить же голодным, с продранными штанами и носками. Меня даже некоторые мамы в пример ставят: вот, мол, хороший мальчик, сам по дому управляется... Это им со стороны так кажется.

Наверно, я стал взрослее, потому что теперь начал разбираться во многих вещах. Например, что такое рубль! Прежде для меня он представлял мороженое, жареные семечки и кино. Теперь же и знаю, что рубль — это деньги, на которые можно прожить целый день даже вдвоем. Рубль — это пачка сахара, кусок вкусной чайной колбасы, французская булка и еще кое-что. Теперь не то, что было прежде. Жить стало легче. Голодовка кончилась, в магазинах полно продуктов. Даже инспектам отменили бонусы, а ихний магазин, или как его называли «закрытый распределитель» превратился в обыкновенный рабкооповский. Вот еще с промтоварами неважно, ну да это, говорят, «дело временное».

Недавно в скверике поймали вора. Выскочил он из хлебного магазина с буханкой и кинулся, куда глаза глядят от двух теток. Однако они его изловили. Тетки надрали ему уши — они даже распухли.

А мне жалко стало мальчишку. Ну, какой он вор! Он просто голодный. Я-то знаю, что это

такое.

Были у меня в кармане пятнадцать копеек. Мать оставила, чтобы я булок купил. Нащупал я их и к тетке, что постарше была,
— Возьмите, тетя. За этот хлеб.

Тетка воззрилась на меня и машинально взяла монету. А я вора за плечо дерг и за собой потянул.

Мальчишку я вывел на пустырь, и здесь мы остановились.

- Я не вор, — сказал он мне.— Я с Украины. Недород у нас. Мамка померла, братков и меня в детдом отдали, да утек я из него. В Москву, к дяде пробираюсь. Побирался на вокзале у вас, да милиция тем гоняет, того и гляди обратно в детдом угодишь... Вот и пошел в город. Есть захотел. Зашел в магазин — и сам не знаю, как случилось,,,

Когда появился Лешка, я сказал, что парня надо бы переодеть и покормить. Лешка принес полбуханки хлеба и несколько огурцов. Сбежал и я домой. Среди старой поношенной одежды выбрал крепкую еще рубаху и штаны с латкой — другого не нашлось — и возвратился на пустырь.

Мы проводили парнишку до трамвайной остановки и там распрощались. Когда он вошел в вагон, Лешка, отдавший мальчишке последний пятак, сказал:

— Вообще-то, все правильно. Лень. Недаром Лешка был моим единомышленником.

Зато, когда эта история стала известна Гребенюку, он всячески издевался надо мной.

— Филантроп,— говорил он,— паршивому жулику помог от правосудия скрыться. А он, этот жулик, еще вернется и вместо спасибо квартиру твою очистит!.. Ну, кто он тебе! Родня! Сват, брат!.. Сажать таких надо беспощадно...

Я молчал. Ни черта ты, интеллеktуал, в людях не понимаешь!.. Вообще, Никола стал чересчур занудливым по отношению к Лешке. Однажды он сказал нам:

— Вот что, братцы, сегодня идем в гости. Причешитесь, умойтесь и так далее и тому подобное. Пойдем к девочкам. Слышишь, Лешк!..

Длинный Лешкин нос стал еще длиннее. Кто-кто, а уж он-то девчонок недолюбливал.

— А к кому! — спросил я, все еще переваривая предложение Гребенюка.

— К Гор-Горычу... Что, не против! — Никола сверкнул золотой коронкой.— То-то. Будет Саша, Галка и еще одна из ихнего класса. Симпатичная девочка!

Да, у Гор-Горыча мы не были, кажется, целую вечность. Определенно, против предложения мне нечего возразить.

— Я ;не пойду.— вдруг заявил Лешка.— Терпеть не могу Галку.

— Ну, и она тебя также,— засмеялся Никола,— однако, это ничего не меняет. Ты пойдешь. Учти — у них «Си-235» новенький!..

Эти слова сразили Лешку. «Си-235» был новейшим приемником, и мало кто в городе мог им похвастаться. А Лешка последнее время увлекся радиолюбительством, так что можно было представить, что скажет он в ответ Николе.

— Ну, если так... Все косы Галке повыдергаю! — Нос Лешки воинственно поднялся кверху.

— Лады! Значит, собираемся у тебя сегодня в девятнадцать ноль-ноль.

В девятнадцать ноль-ноль Гребенюк и я одновременно пришли к Лешке. Однако он мрачно сидел в углу и отвернулся, увидев нас.

— Ну, скажи, что! — Гребенюк потряс его за ворот.

— Идите.— Лешка вывернулся и встал.— Вы вот приоделись. А я рубаху утюгом сжег... Ясно?

У Лешки была единственная белая рубашка типа тенниски. Сейчас на ее спине стояло рыжее клеймо утюга.

— Еще мать не знает, а узнает — целый тарарам сделает,— Лешка показал кулак Юрке, высунувшемуся из-за двери.

— Будем рыдать, да! — Никола покачал головой.—Сделанное не исправишь. Одевай рубаху! Ну!.. И пиджак. Ясно! Юрка, давай пиджак!

Мы все-таки одели упиравшегося Лешку и вышли. Стоял погожий майский день — теплый, солнечный. Где-то в небе басовито звенела струна, ее звук перекрывал грохот трамваев, лязг кованых тележных колес и гудки автомобилей.

— Самолет! — Лешка задрал голову.— Тяжелый бомбардировщик! Точно, вон он!..

Высоко в небе медленно плыл силуэт самолета, Лешка не ошибся — это был ТБ-3, четырехмоторный бомбардировщик дальнего действия,

— Ладно, идем!.. — Гребенюк подтолкнул приятеля.— И так опаздываем уже...

Мы двинулись дальше, а Лешка все вертел головой и вытягивал шею. Я знал,— затаенная мечта Лешки — быть летчиком.

Когда мы пришли в дом Гор-Рорыча, там гремела музыка. Приемник стоял на подоконнике распахнутого окна, и звуки разносились вдоль всей улицы.

Нас ждали — стол был накрыт и уставлен чайкой посудой, Саша хлопотала на кухне. Галка и незнакомая высокая девочка с длинной светлой косой перебирали пластинки. Но самое главное — здесь же был и Гор-Горыч.

Он сидел на кушетке и что-то насвистывал. Увидя нас, он оборвал свист и заговорщически подмигнул нам.

—Ага, гвардия прибыла! Ну, здравствуйте, братцы! И садитесь, сейчас вас будут поить узбекским чаем. Саша!.. Гости пришли.

Он поочередно сунул нам свою широкую ладонь со следами многочисленных шрамов. Никола сразу подошел к незнакомой девочке, а, Лешка присох у приемника.

— Хорош! — Гор-Горыч лукаво сощурился.— Специально, для Сашенька. Чтобы без меня не скучала. Ну, Леня, садись. Вот сюда,

Мы сели рядом. Саша внесла блестящий всеми медалями пузатый самоварчик и поставила его на стол.

— Приступаем! Никола, Соня! Пожалуйста!.. — Гор-Горыч сделал приглашающий жест и начал разливать чай.

— Ой! Я же не познакомила! — Саша развела руками и добавила: — Это Соня Звягинцева. Мы в одном классе. А это — Леша, Леня и...

— А мы уже! — Никола сделал плутовское лицо.

— Ну, и отлично! — Саша села за стол.— Вот печенье, вот конфеты. А кто хочет с сахаром!..

Сначала чай пили церемонно, стараясь не звякать ложечками, молча слушая шутки Гор-Горыча. Потом Никола вспомнил о кинофильме «Груня Корнакова» и за столом стало шумно.

Гор-Горыч потихоньку позвал меня за собой.

Над низенькой тахтой по стене стлался яркий туркменский ковер с оригинальным орнаментом. А на ковре, отсвечивая холодной голубоватой сталью, висела выгнутая шашка. Ее эфес переливался радужными огоньками.

— Ну, как живете, Леня! — Гор-Горыч опустил ладонь на мое плечо,— Как без отца-то!..

Я пожал плечами. Гор-Горыч был добрым человеком. — Живем,— сказал я, помолчав.— Мама в командировках, я дома...

— Как с деньгами! Ты не ершись, не ершись. Отвечай!

— Как... Вы же знаете. Пенсия да зарплата мамина,

— Понятно. Вот что... Погоди-ка.— Гор-Горыч встал, порылся в ящике письменного стола и вернулся на место.

— Возьми и передай маме. И не крути шей! Когда-нибудь рассчитаетесь... — Он сунул пачку денег в мой карман к подтолкнул в бок.— Ничего, боец, все образуется... Как с учебой!.. Ну, что молчишь!.. Неважно, брат, неважно. Неуды — это скверно, Леня. Сейчас время такое — неучей бить будут. В мировом масштабе, понимаешь!.. Стране инженеры нужны, грамотные строители, сталевары. Летчики требуются, танкисты, пушкари, да такие, чтобы раз и вдребезги. Техника, Леня, новая пошла. Солдат нынешний — это уже офицер должен быть, понял!.. Прежде шашку в руки,

винтовку наперевес — и пошло, заиграло, завертелось. Теперь, брат, одной ловкости да храбрости мало. Ум, знания нужны. Ты не думай, что я тебя агитирую. Ты сам раскинь мозгами. За рубежом дым коромыслом, порохом вот как воняет. Значит, глядеть в оба надо. А ежели и у нас полыхнет» Ведь вам, мальчишкам нынешним, придется в руки оружие брать. Мы старыми станем, значит, вся надежда на вас, на тебя, на Лешку, на Николку... Отцовское дело свято, значит, и защищать его надобно как положено бойцам революции. Вот так-то, парень.

Гор-Горыч умолк, взъерошил поблескивающий сединой ежик волос и поднялся. — Вот шашка, Леня. Отличная шашка. Много гадов извела она. На-ка, возьми! — Он снял клинок и подал его мне. — Тяжела! Это с непривычки... Отличная сталь! И, понимаешь, не любит чего!.. Чтобы ее из ножен напрасно вынимали. Уж если выкуп — руби на весь замах. Или не трогай вовсе. В девятнадцатом году ее мне сам Примаков вручил. Были тогда червонные казаки. Контра трепетала перед ними. Примаков и был у червонных командиром. А я — в первом эскадроне командовал взводом... Вот, памятью о молодости осталась у меня... — Гор-Горыч замолчал, поглаживая сталь пальцами.

За стеной звучала румба, девочки чему-то смеялись, слышалось шарканье ног па полу.

— Жаль, у меня сына нет,— вдруг грустно сказал Гор-Горыч.— Некому шашку передать. А, может, ты с ней справишься! — Он пристально глянул в мои глаза.— Знаешь что!.. Бери. Дарю тебе, чтобы стал ты достоин и отца своего, и всех тех, кто врагам шашкой голову снимал.

С шуршаньем клинок вошел в ножны. Я, взволнованный и предшествующим разговором, и таким дорогим подарком, молчал, не в силах проронить слово. Все, что прежде казалось красивой легендой, воочию встало передо мной. Я увидел рыжую, спаленную солнцем степь в клубах пыли, увидел оскаленные, злые морды лихих конармейских гривачей, услышал чугунный топот подков, ржанье, пение труб и — лязг клинков, хрипы умирающих и торжествующие возгласы победителей в остроконечных суконных буденовках. И где-то в самой гуще кавалерийской атаки я увидел себя — на вороном жеребце, с молнией-шашкой в руке и знаменем — в другой...

Я очнулся от того, что меня тронул Гор-Горыч.

— Пойдем в зал. Шашку я заверну...

А в зале шло веселье — девочки танцевали совсем как взрослые, Никола не отставал от них, и они прыскали, глядя на его движения. В танцах Никола был также слаб, как я — в математике.

Пожалуй, больше всех смеялся Лешка. Что его так разобрало — трудно сказать, но смеялся он с очевидным удовольствием. Вероятно, это чем-то досадило Гребенюку, и он незаметно лягнул Лешку. Однако тот успел увернуться, удар пришелся в ножку стола, стоявшая на краю красивая чашка соскользнула и упала с глухим стуком.

— Ой! Мамина чашка! — Саша остановилась и горестно всплеснула руками. Музыка умолкла. Гребенюк покраснел, однако тотчас нагнулся и поднял разбитую чашку. Галка сверкнула темными глазами:

— Тан всегда, когда дурачатся!.. Гребенюк прищурился.

— Ладно, чашка на моей совести,— сказал он.— А вот кто дурачится — так это он! — И Никола указал пальцем на Лешку.— Иди сюда!

Лешка, чувствуя себя виноватым, безропотно подошел к Гребенюку.

— Сними! — Гребенюк сдернул с Лешки легкий пиджак,

— Глядите!.. Вот так мы забавляемся!

Все усталились на злополучный след утюга. Галка вдруг сморщилась, готовая засмеяться, но в этот момент Гор-Горыч, появившийся в комнате, сказал:

— Плохо, брат! Скверно!.. Кто ж над несчастьем смеется!..

Гребенюк поперхнулся, видя, как от него демонстративно отвернулась Соня. Лешка же, покраснев как бурак, натянул пиджак и усталился в пол глазами.

Гребенюк встретился взглядом с глазами Гор-Горыча и вдруг посерел, засуетился, заговорил

что-то невнятное. А Гор-Горыч сдвинул брови, зло выключил радиоприемник и в наступившей тишине четко произнес:

— Сопливый ты еще мальчик, чтобы над товарищем смеяться. Ишь ты какой!.. — Гор-Горыч махнул рукой и вышел из комнаты.

Весь вечер расклеился. Гребенюк, а за ним Лешка и Галка с Сеней неловко попрощались и исчезли. Через две минуты за ними ушел и я, бережно неся в руках завернутую в полотно шашку Гор-Горыча.

Я был рад подарку, и эту радость не могло омрачить все случившееся. Подумаешь, ребята поцапались! Еще не то бывает.

Тревожное время

Да, в жизни еще не то бывает.

Пауль, например, стал «фабзайцем». Да, да, он пошел в заводскую школу ФЗО, начал учиться слесарить. И это после, того, как у себя, в Германии, прошел семиклассный гимназический курс!.. Я-то знаю, что это такое. Это почти наша десятилетка, школа второй ступени. Среднее образование?.. И вдруг — в ФЗО!..

— Хочу быть арбайтер, рабочим.— Так коротко ответил мне Пауль, когда я однажды встретил его в теплом ватнике и таких же штанах — форме, которую носили зимой все «фабзайцы».

Наверно, на моем лице было написано такое удивление, что Пауль засмеялся и блеснул глазами.

— Мой фатер тоже начинал с рабочего,— сказал он.— У нас, прежде чем стать майетером, надо узнать все с... этого, как называется... ну, русское море есть такое...

— Азов! — подсказал я, и Пауль обрадованно закивал головой.

— Точно так, с азов. Я тоже буду драй монет учиться слесарем. Что я мог сказать на это? Ничего. Лешка однажды тоже что-то бурчал насчет ФЗО, Но я его так разнес, что он даже обиделся на меня, Правда,- на два дня. Потом он пришел и долго плакал», дескать, в школе у него нелады, в семье с деньгами туго, пора бы и ему помогать матери, а ведь чем помочь, как не зарабатывать самому.

Я тотчас же вспомнил Гор-Горыча и основательно поговорил с Лешкой на тему «человек и общество». Я нарисовал ему такую радужную перспективу, которая откроется перед нами после окончания десятилетки, что сам себе удивился. А главное — со всей силой понял глубину своего падения. Надо же — убеждать товарища в пользу учения, а самому в то же время хватать «неуды», да по каким еще предметам — алгебре, тригонометрия и геометрии... Это же три кита, на которых стоит вся инженерия. Мне стало совестно, и я категорически решил во что бы то ни стало ликвидировать свои «хвосты».

А еще у нас случилось нечто, о чем мы говорили на первых порах шепотом.

Кажется, это было в декабре. Мороз стоял такой, что трещали заборы, и на лету замерзали галки. Я бежал в школу вприпрыжку — время торопило меня, а стужа подстегивала. И все-таки я опоздал на первый урок, К своему удивлению, в коридора я увидел своих приятелей. Здесь же толпились и ребята из параллельного класса, и старшеклассники.

Через несколько минут все стало ясно. Вчера арестовали математика Лиходеева, учительницу немецкого языка «Мари-Ванну — щи кипят» и преподавателя черчения и рисования Коетерезова. А по расписанию у нас была три парь: уроков названных выше учителей. Так что мы сразу освободились от всей науки на неопределенное время.

Мы тихим жором прокричали «ура» случившемуся и засели за тетради. Почему! Да потому, что на обложках с изображением сказочных васнецовских богатырей, вещего Олега была искусно замаскирована крамола. Лично я потратил около получаса, чтобы прочесть то, что какой-то сукин сын изобразил на амунии вещего князя: долой Советскую власть. Между прочим, кто-то увидел иные слова, но по духу совершенно близкие моему открытию.

Мы были потрясены. Как же так!.. Где вы, уважаемые товарищи взрослые!.. Куда вы

смотрели! Враг использует даже школьные тетради!..

Да, наступило время, полное сногшибательных слухов и новостей. Мы чекрыжили учебники истории ножницами, вырезая портреты людей, оказавшихся агентами международного капитала. Мы под железным секретом передавали друг другу то, что вдруг стало известным. Например, математик Лиходеев оказался врангелевским офицером, командиром броневика, расстреливавшим еще в девятьсот двадцатом году пленных красноармейцев. Костерезов был связан с границей, где-то в Румынии у него оказался родной брат. «Мари-Ванна — щи кипят — каша подгорела» распускала какие-то антисоветские слухи...

Мы искали шпионов. Однако они были не дураками. Так что в течение нескольких месяцев пыл наш несколько угас, и мы начали реагировать на события хладнокровно. Тем более, что спустя некоторое время в школе опять появились Костерезов и Мари-Ванна, за исключением Лиходеева. Вместо него пришла новая преподавательница математики — очень полная, спокойная женщина г чеховском пенсне, которая железной рукой стала наводить порядок в наших отношениях с математикой.

Ока не называла нас лоботрясами, как бывало говорил Лиходеев, не выставляла за дверь, не жаловалась на «этих зверюшек», подобно Мари-Ванне. И все-таки мы скисли, вдруг поняв, — в общем-то мы котята, которым еще надо ума-разума набираться. И новый директор школы проводил эту мысль настойчиво и энергично. У нас он преподавал предмет, который назывался «Конституция СССР». И был этот предмет настолько емок, что в него умещались и обществоведение, и история, и еще много разных «и», вплоть до текущих международных событий.

С директором можно было говорить о чем угодно. Можно было поспорить, заведомо зная, что будешь положен на обе лопатки. Кузьмич — так заглазно мы звали директора — обладал редким свойством слушать, не перебивая, почти соглашаясь. Но, зато выслушав, он выдавал нам полной мерой, ткал носом в наши собственные заблуждения, и все это — без малейшего подчеркивания своего превосходства. Именно он и стал моим «крестным». Дело в том, что у нас впервые в школе создавалась комсомольская организация. У нас был комсорг — Леля Комарова, рослая, красивая девушка в спортивном костюме, присланная из политотдела железнодорожного узла. Около двух недель она приглядывалась к нам, сидела на уроках, играла в волейбол, невзначай расспрашивала о том, о сем.

И вот я и еще двое сверстников однажды оказались в комнате, где сидели Кузьмич, парторг школы и Комарова. Вызвали нас с последнего урока, совершенно неожиданно, и мы даже заволновались, вспоминая свои прогрешения.

В общем, довольно короткий разговор свелся к тому, что всем троим Комарова предложила вступить в ряды комсомола.

Кузьмич мне задал лишь один вопрос:

— Как обстоит дело с математикой!

Л с математикой я уже начал ладить. Конечно, вершков я не хватал, но «удочка» стала для меня вполне стабильной оценкой. Остальное же было в полном порядке.

— Ничего. Станет комсомольцем — ответственность почувствует, — сказал парторг. — Думаю, кандидатура подходящая. Дело за рекомендациями.

Мне дали рекомендации два коммуниста: Кузьмич, член партии с 1925 года, и командир артиллерийского полка Гор-Горыч, член партии с 1918 года. Конечно, вполне достаточно было одной рекомендации. Но когда к нам домой на минуту зашел Гор-Горыч, я не удержался, чтобы не рассказать о предстоящем. И тогда Гор-Горыч на листке, вырванном из полевой книжки, написал свою рекомендацию и подал мне.

— Расти, парень, — только и сказал он на прощанье. Спустя две недели я получил тоненькую серенькую книжечку с черным ленинским профилем.

Я стал на голову выше самого себя. Я повзрослел, если не внешне, то внутренне, А самое главное — я чем-то стал похож на своего отца. По крайней мере, так казалось мне. Жизнь

шла своим ходом. Уехала куда-то на юг Светка. А потом уехал и Пауль. Накануне он зашел ко мне и долго сидел у окна, поглаживая мою рыжую сибирскую кошку Тюхтю. Я отчетливо видел его характерный профиль — высокий прямой лоб, крупный нос с горбинкой, тяжелый, чуть выдающийся вперед подбородок.

— Ну вот, Леня,— сказал он, привычно коверкая мое имя.— До свиданья, камрад, фатер едет на Урал оборудовать новый завод. Я тоже еду. Я ведь теперь арбайтер, рабочий.

Да, теперь Пауль был настоящим рабочим. После школы ФЗО он определился в инструментальный цех и даже получил четвертый разряд.

Тюхтя фыркнула и прыгнула с подоконника. Пауль засмеялся.

— Когда я буду дома, в Германии, я напишу тебе. Мы будем ехать на Германия через шесть месяцев. Спасибо за русский язык, Леня,— Он протянул руку, и я пожал ее. Мне сразу вспомнились наши первые стычки, история с перевернувшейся лодкой, долгие вечера под скрипучими ступенями лестницы — и еще многое, оставшееся от шести лет нашего знакомства. И еще я вспомнил историю с исчезновением книги... Наверно, это и помешало мне ответить Паулю так, как бы полагалось в данную минуту.

Я просто сказал:

— До свиданья, Пауль.

Он повернулся и ушел — высокий, сильный, самоуверенный немецкий парень...

Кто мог угадать, когда, при каких обстоятельствах мы увидимся вновь; Во всяком случае, я об этом не думал. Человек ушел из моей жизни. Многие уйдут также, и я забуду о них. Все в порядке вещей.

Когда вечером ко мне зашел Лешка, я сказал об отъезде Пауля, Тот только хмыкнул.

— Скатертью дорога. Тоже друг нашелся. Хоть бы все они поскорее укатывали к своему Гитлеру. Слышал — инженера с «Тек-етиямаша» арестовали! Он с ними якшался, понял!..

Лешка был прав. Инженера я сам несколько раз видел в компании немцев. Кажется его фамилия была Азаров. Он иногда приезжал на своем «Форде» — темно-зеленой легковой машине с откидным брезентовым верхом. Азаров ненавидел мальчишек лютой ненавистью - боялся, что мы можем поцарапать лак или разбить фару. Чтобы этого не случилось, инженер оставлял в машине огромную, серую, с бурыми подпалинами, овчарку по кличке Раке.

Этот Рекс порвал однажды Лешке штаны. Лешка, любитель всевозможной техники, подошел к машине ради любопытства и, неосторожно протянув руку, дотронулся до сияющей никелем ручки дверцы. За это он и поплатился. Так что теперь я вполне оценил мудрость нашей старинной поговорки — отольются волку овечьи слезки...

Я давно заметил, что в нашем доме творится что-то подозрительное. Например, на нашем втором этаже. Здесь, в квартире номер одиннадцать, жил инженер Ланский и его сестра Вера Алексеевна, очень любопытная пара. Он — маленький, черненький, очень вежливый человек. Ока — миловидная, полная блондинка, одевавшаяся с большой изысканностью. Он был инженером, она — пианисткой. Пианино — тяжелый, блестящий лаком и инкрустациями ящик,— стояло в гостиной, рядом с библиотекой, куда я имел доступ. Пианистка, зная мое пристрастие к книгам, разрешала иногда пользоваться старыми комплектами журналов «Вокруг света», «Нива», «Новое слово» и другими.

А любопытным было то, что к Ланским ходили и некоторые из немцев, и тот же Азаров, и еще незнакомые мне люди. Впрочем, это вовсе не удивительно. Мало ли кто к кому и зачем ходит. Вот к Ногтеву — толстому мастеру из деревообделочного цеха, две девицы тоже ходили, Ну и что! Ногтев жениться хотел. И не скрывал это от соседей.

А Ланские... Я уже говорил, что звукопроницаемость наших квартир была отличная. И вот однажды в сумерках, когда я сидел на подоконнике, к Ланским прошли несколько человек. Одного я уже видел: невысокий, рыжеватый, в коричневых крагах, с портфелем того же цвета в руках. Не будь краг — я бы не остановил на нем внимания, не запомнил, ибо личность его не привлекала внимания. Но краги — обувь из ряда вон выходящая, она напоминала газетные фотографии с изображением штурмовиков. Так вот, сидя на

подоконнике, я вдруг услышал за стеной негромкий разговор собравшихся в квартире Ланских и затем — аккорды пианино. Музыка заглушала голоса, и я удивился. Для кого играет пианистка; Ее явно не слушают. В моменты пауз я отчетливо слышал разговор мужчин, сидевших в библиотеке.

Через четверть часа музыка смолкла, я, чтобы не мозолить глаза, вышел на лестницу. От Ланских стали выходить гости. С рыжеватым я даже столкнулся.

То же самое повторилось спустя несколько дней. И так — на протяжении нескольких месяцев. Сходки прекратились лишь после ареста Азарова. Разве это не было удивительным!..

Я думал всякое, но помалкивал. Даже Лешке и Николе ничего не сказал. Подозрений масса, но — ни одного доказательства.

Да, я всерьез подозревал — здесь дело нечисто. Зачем собираются эти люди! Почему их разговор тщательно маскируется звуками пианино!.. История с Азаровым окончательно укрепила мои подозрения. Я перестал ходить к Ланским, боясь, что выдам пианистке свои мысли неосторожным вопросом или даже взглядом. В конце концов, я решил идти к Гор-Горычу. Только он может понять меня и посоветовать. И, наконец, я это сделал.

СТРАННАЯ ДЕВУШКА

Да, я это сделал, Я направился к Богатыревым. А Гор-Горыча уже не было. Он уехал на Дальний Восток, и вместо него меня встретила Саша.

— Здравствуй, Леня,— сказала она.— Наконец-то!.. Зазнался, да!.. Проходи, там Галка. А я сейчас... — И она вышла на кухню.

В хорошо знакомой комнатке играло радио, у приемника сидела рослая девица в плотно облегавшем ее фигуру шелковом платье. Темные волосы высоко взбиты, в ушах — зеленые капли висюлек-сережек.

Я даже не узнал Галку — настолько она показалась взрослой, настоящей барышней. Зато меня Галка сразу узнала и бесцеремонно бросилась на шею.

— Ой, Ленечка, вот молодец, что пришел! Ну, ты прелесть, честное слово!.. Дай расцелую!

Мне показалось, что я обжегся — настолько горячим было приветствие Галки. Чувствуя, что щеки мои запылали, я отвернулся к приемнику, стараясь подавить смущение.

— Садись на диван и рассказывай! — Галка потянула меня за руку и тотчас уселась рядом. Ее голые ноги коснулись моих, я чуть отодвинулся, но она уселась еще ближе.

— Как твои друзья поживают! — Галка, казалось, не обращала на мое смущение ни малейшего внимания.

— Когда вы играете! Я афишу видела, да из памяти число вылетело.— Словами Галка сыпала, как горохом.— А мы с Шурочкой скучаем!.. Георгий Георгиевич уже три дня как в Хабаровск уехал, к сюда к Шуре от своих перебралась, надоели старорежимные типы. А здесь... Ты ведь знаешь. Шура — скромница, ни в парк, ни на танцы, только в кино или на реку ходит. Сейчас сидим, зеваем, я карты раскинула — червонный король, думаю •— кто бы это, всех перебрала, а тут стук — и пожалуйста, ты!.. Червонный король! — Галка захохотала и откинулась к спинке, заболтав длинными ногами. Край подола платья откинулся, и я тотчас отвел глаза.

— Ну, что молчишь! — Галка, наконец, успокоилась и, оправив платье, уставилась на меня озорными глазами.

Вошла Саша, и как всегда — с подносом, уставленным посудой. И у нее глаза смотрели весело, лицо было почему-то торжественным.

— Как раз ты явился,— сказала она,— Открою тебе секрет: Галке сегодня семнадцать. Понял!.. — И она сняла салфетку с пышного слоеного пирога.— Специально пекли, вдвоем.

Я встал. Вот уже чего я никак не мог предвидеть! Или они меня разыгрывают!

— Семнадцать! Старуха! — Галка деланно ужаснулась.— Стареем, а что поделаешь!..

— Ладно,— сказал я,— подарок за мной. Не знал... Для такой старушки подарок будет обязательно,

— Шура, вино! — Галка хлопнула в ладоши, и Саша достала из буфета темную бутылку. — Напьемся, а!.. — Галка подтолкнула меня. — Мужчина, не возражать!

Галка разлила вино по узким высоким рюмкам. Саша поставила пластинку, которую я любил больше других — «Брызги шампанского», потом мы чокнулись и выпили. Вино оказалось очень сладким и слегка отдавало вишневой косточкой. Закусывали его шоколадными конфетами — целая коробка, перевязанная лентой, лежала перед нами.

Хмель я почувствовал после второй рюмки, Саша раскраснелась и то и дело выбегала на кухню. А Галка расшалилась окончательно — она, то дергала меня за рукав, то подталкивала под локоть, то бросалась смятыми в комок конфетными обертками,

Улучив минуту, когда мы остались одни, она шепнула:

— Слушай, кто сегодня здесь командир! Я! Поэтому повинуйся.
и кивнул, соглашаясь.

— Так вот: подарок, который ты обещал, придумал я. Идет!

— Идет,— ответил я, потихоньку ужасаясь: ведь она такое может удумать, что у меня денег не хватит, хоть весь наш месячный максимум бери...

Галка же лукаво стрельнула глазами и заулыбалась,

— Сегодня ты должен меня слушаться во всем! Ты мой раб. Раб... Хм! Да бог с ней, с Галкой. Она именинница, пусть потешится.

Все мои беспокойные мысли, все, с чем я шел сюда, отлетели от меня. И лишь выпивая третью рюмку, я с сожалением подумал, что завтра игра моя не будет клеиться. А матч сулил много серьезного. Ладно, решил я, отыграю один тайм, на втором кто-нибудь из запасных заменит.

Мне стало весело. Галка вытащила меня танцевать, но, то ли выпитое, то ли привычка моих ног к футбольным финтам помешали нам благополучно сделать круг по комнате. Я наступил на Галкину ногу, она заставила меня растереть ладонями большое место и тихонько повизгивала, сидя на диване, пока я это делал, Я сидел на попу, а ее колени были почти на уровне моих глаз. В общем-то, ничего особенного, но я несколько раз вспыхивал, подобно пороху, и вздохнул с облегчением, когда Галка вскочила и, подхватив Сашу, закружилась в вальсе.

Потом мы пили чай с коржиками, испеченными Сашей, слушали пластинки и болтали бог весть о чем. За окнами потемнело, от реки веяло прохладой, в саду, отделенном ветхим забором, шумела листва.

Девчата уселись на подоконнике и о чем-то зашумели. Я поднялся и вышел на двор. И тут меня осенила гениальная мысль. А все-таки подарок я Галке сделаю! Мне вспомнились мальчишеские набеги на чужие сады, и я направился к забору, за которым темнели яблони и груши. Он предательски затрещал подо мной, но я перемахнул его и в следующую минуту уже набивал пазуху крупными, приятно охлаждающими тело грушами.

Сад казался пустынным. Поэтому я не спеша слез с дерева, взобрался на забор и уже хотел спрыгнуть, когда позади раздалось глухое свирепое рычание. Я тотчас почувствовал боль в лодыжке и услышал треск рвущейся материи. Огромный, величиной с хорошего теленка, пес укусил меня за ногу. Не знаю, откуда он появился. Я рванулся — и плашмя упал в репейник, Пес изливал свое негодование хриплым лаем, а я думал о том, как бы девчата чего не заподозрили. След собачьих клыков на лодыжке и порванная снизу штанина были сущей чепухой по сравнению с тем позором, который ожидал меня.

Но... Попробуй угадать, что таится в сердце женщины! Когда я появился в комнате, оказалось, что меня считают по меньшей мере национальным героем. Во всяком случае так считала Галка, которая тотчас занялась моей ногой. Наши роли переменялись, теперь я сидел на диване, а она на полу, и, честное слово, я с трудом сдерживался от желания повизгивать, чувствуя щекочущие прикосновения теплых Галкиных пальчиков...

Наверное, мы просидели у Саши еще час?.. Поскольку я попал в число раненых. Галка

вызвалась проводить меня. Я простился с Сашей, и мы пошли. Когда я обернулся — лицо Саши показалось мне скучным-скучным, будто ее кто-то обидел...

Стоял вечер — очень теплый и беззвездный. Чувствовалось, что собирается гроза. Галка просунула свою руку ко мне под локоть я все спрашивала — не больно ли, удобно ли мне идти, может, следует отдохнуть на первой попавшей лавочке... В конце концов я согласился, благо лавочка оказалась под боком — возле старого заколоченного дома, затененного раскидистыми раkitами.

Не знаю, о чем думала моя провожатая, но я опять представил себе будущий матч — и расстроился. Царапины хоть и не значительные, но смогу ли я надеть бутсы, и как буду играть!! Я повернулся лицом к сидящей рядом Галке и вдруг остолбенел — ее щека прижалась к моей. А потом на своих губах я ощутил ее полные, но почему-то твердые губы, пахнущие молоком и грушами...

С этой минуты время для меня остановилось. Мимо проскальзывали силуэты редких прохожих — я их не видел. В небе все настойчивее трепетали зарницы — я их не замечал. Издалека накатывался гул — я его не слышал. Я видел перед собой огромные мерцающие глаза девушки, слышал удары своего сердца — и ничего более. Мы целовались так, что у меня вспухли губы. Несмотря на все, голова моя работала очень, даже чересчур трезво.

— Ты мой раб,— шептала Галка и целовала меня.— Ты сегодня в моем подчинении, что я хочу, то ты и сделаешь...

Наверно, она захмелела от выпитого, от этой нечаянной близости, от того, что мы вдруг почувствовали себя совершенно взрослыми.

И я протрезвел совершенно. Я удерживал себя, свои руки, ставшие весьма непослушными. Теперь я уже слышал вполношенный стук ее сердца, чувствовал упругость вздрагивающей девичьей груди... Я вспомнил рассказы ребят, например, того же Гребенюка о том, как все у них бывало просто в этих случаях. И это сковывало меня. Случись подобное — я бы себя возненавидел.

Дождь, проливень, внезапно обрушившийся с гулким грохотом грома, выручил меня. Мы не успели встать — за полминуты ливень промочил нас до нитки. Галка что-то крикнула и вдруг бросилась на дорогу, под тяжелые сплошные струи воды. Я едва разобрал ее протяжное «да свидана-анья». Она скрылась за чашей струй в непроглядном, простеганном отблеском молний мраке. Я рванулся вслед — и охнул. Все-таки проклятый пес здорово меня тянул. Бежать я не мог. И тогда, поливаемый косохлестом ливня, прихрамывая, я вышел подобно Галке на середину дороги и направился домой. Я шел и пел, не слыша своего голоса. Я ковылял, а казалось — летел, будто у меня за плечами билась пара крыльев...

Так, крылатым херувимом, мокрым до самых костей, я явился домой. А между тем ночь держала в запасе еще один сюрприз.

Пока я вытирался и переодевался в сухое, гроза ушла также внезапно, как и налетела. Выпив горячего чая, я открыл окно. А на улице журчали сотни ручейков, где-то слышались возбужденные голоса поздних гуляк, застигнутых ливнем.

Я высунулся в окно и вдруг увидел черную машину с потушенными фарами, направившуюся к нашему подъезду. При вспышке запоздалой молнии мне удалось различить на людях, вышедших из «эмки», форменные фуражки с голубым верхом.

Они вошли в подъезд, и я услышал осторожные шаги по лестнице. Шаги приблизились и затихли рядом с моей дверью.

Это было непонятно. Я даже вздрогнул, услышав негромкий стук, и открыл дверь. Передо мной стоял человек в штатском. Лицо его кого-то напоминало, однако я не успел припомнить, кого. Человек тихо спросил:

— Где квартира Ланских!

— Напротив.— Л указал на противоположную дверь,

— Спасибо.— Человек закрыл дверь так, что я понял — любопытство не полагается. Но разве мог кто-нибудь запретить мне встать на стул и посмотреть в коридор сверху, сквозь стеклянную раму!..

Вот что я увидел: штатский и еще двое в форме подошли к двери Ланских и постучали. Через несколько минут дверь приотворилась, человек в штатском показал какую-то бумажку, и тотчас один за другим приехавшие скрылись за дверью.

Эта был обыск. Вздурораженный увиденным, я не сомкнул глаз. Мне казалось, что я слышу, как передвигают у Ланских мебель и о чем-то разговаривают. Так продолжалось до половины четвертого. Затем я уснул — сидя у окна, над книгой, которую пытался читать.

А наутро на двери Ланских висела массивная красная печать, Хозяев увезли в «эмке».

Раздумывая над ночным происшествием, я сделал для себя выводы. Что ж, я смекаю, что к чему. Догадки были правильными. Но в следующий раз надо быть решительнее. Шпионы — они находятся рядом.

И я со всей отчетливостью неожиданно вспомнил: человека в штатском я видел у отца. В тот день, когда погиб дядя Петя — Лешкин отец. Только был он в военной форме. Значит, чекисты давно держали на прицеле Ланских. Вот так, господа фашисты!..

А САША МОЛЧАЛА...

— Вот так,— сказал Никола, когда мы вместе с Лешкой шли на стадион.— Проиграете. Этот «Темп» играет в темпе, а у вас центр тихоход, и правый край без рывка. И Лешка один на краю своем не сыграет. Готовьте мешок!

Я старался помалкивать, зато Лешка отводил душу, перебивая мои косточки. Он был прав. Дернул меня леший лезть за грушами!.. И вообще, прошлая ночь казалась мне каким-то бредом, Галка, ливень, черная машина...

Я с робостью думал о встрече с Галкой. Я не представлял, как посмотрю в ее глаза. Утешался же я одним — ничего-то такого не произошло. И все-таки сердце мое екало при одном воспоминании о горячей твердости Галкиных губ...

Когда мы вошли в раздевалку, десять пар глаз остановились на мне.

— Пижон! - сказал наш центр — тихоход Пашка Калянцев,

— Укольник не сделать! — съязвил кто-то,

Я смолчал и сел в уголке. А ребята уже натягивали нашу рот-фронтовскую форму — черные трусы и белые, с двумя продольными алыми полосами футболки.

Пашка Калянцев — в самом деле, тихоход, но бьет с левой и правой будь здоров. Выкати ему — гол неминуем, С Пашкой у меня особые счеты. Дело в том, что одно время Калянцев промышлял в очередях, У него частенько водились деньги, а иногда от Пашки попахивало водочным перегаром. По этому поводу я имел с ним откровенный разговор. И в последнее время мы с ним не ладили, хотя он слово дал — завязать,

И теперь этот Пашка обругал меня пижоном. Вот как бывает!..

Ребята один за другим выбежали на футбольную площадку. Задержался один Лешка. Подтянув гетры, он покосился на меня.

— А может попробуешь! Я пожал плечами.

— Ладно,— Лешка дернул плечом.— Посидишь в запасе.

Я вышел, когда игра уже началась. Ногу я аккуратно перебинтовал, потом попрыгал — вроде бы ничего. Что же, посижу. Авось и без меня обойдутся. «Темп» — «Темпом», а «Рот-фронт» — «Рот-фронт». Бивали мы всяких.

Около скамеек меня окликнул Никола. С ним рядом сидели Саша и Галка.

— Сюда, Леня! Место забронировано.

Я мужественно направился на зов. Галя обдана меня взглядом и протянула узенькую, сложенную лодочкой, ладошку.

Я сел рядом, постепенно оправляясь от волнения. Галка привычно болтала и смаялась, слушая ответные острооты Николы, Я сосредоточился на том, что происходило на поле.

Пожалуй, Николай оказался провидцем. Ребята из «Темпа» были явно быстрее наших. Желтые футболки все время обходили бело-красных. А Лешка вместе с правым крайним загорали. Причем, Лешка был просто не в ударе. У него ничего не получалось — ни

проходы, ни финты.

Место левого хавбека пустовало — запасной, игравший за меня, играл третьим защитником. Проходы желтые совершали именно через него.

Короче говоря, к концу тайма, под занавес, как говорит Вадим Синявский, в сетку наших ворот влетел мяч. Я готов был бежать, куда глаза глядят. Никола изощрылся, кто-то позади меня лихо свистел, наши беки открыто переругивались с вратарем, все шло под откос... И вот в эту минуту я неожиданно получил поддержку. От Галки, ибо Саша была холодна, и могло показаться, что она вовсе не удручена тем, что происходило перед нами.

— Леня,— услышал я Галкин голос,— попробуй!.. Ты же сможешь, я знаю.— Ее рука тронула мое колено.

В общем, я вышел на поле, причем и бегал, не ощущая никаких неудобств и ничем не отличаясь. Но сначала Лешка, а потом Калянцев заколотили «Темпу» два мяча, и все было решено в нашу пользу.

Когда я вышел из раздевалки, Гребенюк демонстративно потряс мою руку, а Галя обожгла взглядом своих блестящих глаз. И только Саша молчала — словно все ей было, как говорят — до лампочки.

Шагая с Николой и Лешкой, я смотрел на Сашу и Галку. Мне хотелось идти рядом с ними, чтобы слышать Галкин голос, чувствовать прикосновения ее локтя. Но девчата торопливо стучали каблучками по асфальтовой дорожке, оставив нас позади.

— Братцы, а у меня есть идея! — Гребенюк вдруг остановился.— Идемте сегодня в парк. Хватит вам монашествовать. По случаю победы ставлю всем две бутылки пива!

Гребенюк расщедрился! Мы с Лешкой даже переглянулись. Ну, что ж, ежели так — идем!.. Конечно, мы — спортсмены, мы — за режим, но что поделать, ежели тебе — всего семнадцать от роду!...

МУЖАЕТЕ, МАЛЬЧИКИ

Семнадцать от роду — значит все впереди, а позади — ничего, в семнадцать все чаще поглядываешь на себя в зеркало, придираешься и своей внешности и стараешься говорить баском, которого, в общем-то, и нет. А когда идешь по улице — косишься незаметно на красивых женщин, и если вдруг на тебя обратит внимание обладательница прекрасной пары глаз — вспыхиваешь до корней волос от беспричинного волнения и чего-то, похожего на гордость.

Недаром под строжайшим секретом Лешка признался однажды, что тетя Маша — соседка по квартире — раздражает его.

— Знаешь,— бурчал сконфуженно Лешка,— она-то к нам запросто, в одном халате забегает, ну, понимаешь, эти самые женские штучки видны. А я не могу, я же ведь не маленький...

Нет, ей богу, Лешка потрясающ! Да ведь подобное мне знакомо.

Никола же, пронюхав каким-то образом о нашем разговоре, именовал Лешкино состояние «страданиями молодого Вертера».

Да, в семнадцать лет мы хотим быть мужчинами, выдавшими виды. Каждый маленький поросенок хочет стать большой свиньей — это, сколько ни вульгарно звучит в устах Николы,— все-таки правда.

Гребенюк — циник. В этом-то я уверен. О многих вещах я и Лешка помалкиваем. А Никола... Он выдает нам иной раз такое, что мы начинаем оглядываться — а нет ли поблизости старших.

Вот и теперь, когда мы шли в парк, он расфилософствовался.

— Вы можете радоваться. Мужаете, мальчики. Так сказать, становитесь вполне половозрелыми особями,

Я озлился,

- А ты, я вижу, перезрел!

Гребенюк даже не обиделся. И тотчас ошарашил:

— Я человек скромный. Но, если тебя это интересует, осведомись у Галочки...

Я даже споткнулся. Шутит он или всерьез! Да за такое — по морде бьют. А Гребенюк между тем продолжал:

— Человеку свойственно удовлетворять свои потребности. Так вот, у Галочки потребности, я вам замечу, его!.. Сашенька от нее далеко отстала. Да и неудивительно, ее натура примитивнее. Факт... — И Гребенюк внимательно посмотрел на меня. Очевидно, моя физиономия оказалась настолько красноречива, что он засмеялся, — Слушай, Лень!.. А ты уже с Галочкой флик-фляк, да!.. Ну-ну, не глупи, Стоит ли из-за этого хорошим парням дружбу терять?

— Ну, и бесстыжий ты, Никола! — Я даже сплюнул от злости. — Откуда это в тебе!..

— Ха!.. Образование, знакомство с литературой классиков и современников. — Гребенюк по-прежнему посмеивался. — Надеюсь, ты прочел «Дневник Кости Рябцева»! Нет!! А «Яму» Куприна-А ты, Леш! — он присвистнул, — Темные вы люди.

— Вот вам программа чтения: названное плюс «Сашка Жегулев» Леонида Андреева. Это на первый случай.

Ну, что с него было требовать! Для меня эта программа была пройденной. Замусоленные книжки ходили у нас по рукам. Девчата краснели, а ребята фыркали и втихомолку ржали. Вот и все эмоции, В душе оставалось какое-то поганенькое чувство,

Такое же чувство охватило меня и теперь, когда я вспомнил Галку. Неужто Никола не лжет!..

Мы пришли в парк, шлялись по аллеям, спугивая шепчущиеся парочки, пили пиво, преследовали каких-то девчат — в общем, нам было не очень весело и не очень скучно.

И вот, уже в двенадцатом часу, когда мы с Лешкой присели отдохнуть на глухой аллейке, оставивший нас Гребенюк появился как тень и поманил нас за собой.

— Тсс!.. — прошипел он, когда мы двинулись за ним. — Смотрите сюда!..

В просвете между подстриженными кустами виднелась целующаяся парочка. В общем-то, зрелище не удивительное, но... 51 услышал смех, Я был готов поклясться — это смеялась Галочка. Если бы Никола не схватился за мой локоть — я бы ринулся на дорожку.

— Погоди... — шепнул в ухо Никола. — Ты мне не верил. Убеждайся!..

— Ну, что!.. — Никола торжествовал. — Все они таковы. Сегодня ты, а завтра я, и вообще, сердце красавиц склонно к измене. Не родись счастливой, а родись красивой...

— Пошли, ребята. — Я не выдержал. — Пока открыт буфет.

Мы успели и выпили еще три бутылки теплого пива. Я истратил рубль — то, что мне полагалось на завтра и был совершенно расстроен. Я злился на себя — прежде всего, Я считал, что свалял дурака — с Галкой следовало быть Николой. Я называл себя жалким юнцом и всячески казнил Галку. Все это я говорил вслух, пока мы шли к выходу из парка.

Мои словоизлияния прекратил Лешка. Страдальчески морщась, он сказал:

— Кончай. Слушать противно.

Он был прав. И я умолк, утешаясь мыслью — слопал пощечину! Ну и ладно. Терпи. Все пройдет зимой холодной...

А потом мы подрались. В Гребенюке что-то взыграло, он завел нас в девичье общежитие, откуда нас с позором выдворили три полуодетые девицы. Убила нас одна из них, которая на всю улицу возгласила:

— Катитесь прочь, сопливые! Титьку вам мамкину надо, а не... — И закончила так, что мы зайцами кинулись прочь от дома. Гребенюк появился спустя несколько минут и с ходу обругал нас:

— Желторотики!.. Ни себе, ни людям... — Он не договорил. Лешка неожиданно двинул Николку в грудь:

— Тля ты ползучая!

Потом Лешка шмякнулся на тротуар, а я, вспомнив давнюю обиду на Гребенюка, сделал

классическую подсечку, и Никола рухнул рядом с повергнутым Лешкой... В общем, когда впереди при свете полной луны замаячила фигура постового милицейского, нам пришлось спешно ретироваться. Только в сквере мы остановились и начали ощупывать свои синяки и шишки.

— Двое на одного,— обиженно бурчал Никона,— Так только штурмовики действуют...
Рукой не могу двинуть.

У меня опухал глаз. Лешка держался за челюсть.

— Развеялись...— подытожил я.— Повеселились...

И разом грохнули на всю улицу. Что ж, у парней это бывает. Вот так мы становились взрослыми.

МАЛЬЧИКИ СТАНОВЯТСЯ СОЛДАТАМИ

Мы становились взрослыми. Мир тоже вырос, и, тем не менее, в нем продолжалось безобразие. Испанская республика была задушена франкистами, Австрию запросто слопали немецкие фашисты, Чехословакия, Югославия — все стало легкой добычей Гитлера...

И наконец, Германия в ««сколько дней разгромила Польшу... Теперь мы стояли с фашистами нос к носу.

Я и мои одноклассники прошли приписку в горвоенкомате. Все стремились в танковые или авиационные части. Однако таких счастливиц оказалось немного, и мы напрасно осаждали кабинет военкома.

— Пехота — царица полей,— сказал он.— Пехота — существительное, а все остальное — прилагательное. Между прочим, если имеете особое мнение, не сидите, сложа руки. Учитесь, мальчики! Он был прав, этот пожилой военком, в петлицах которого рдели три прямоугольничка — по нашему, три «шпалы».

Мы целым классом, не исключая девчат, ринулись в планерную школу, благо в нее был объявлен самый первый набор. А Лешке повезло — он даже проскочил в аэроклуб. Только Никола довольно прохладно отнесся к нашим устремлениям,

— Мне, братцы, надо образование закончить,— сказал он однажды.— Хочу быть человеком с большой буквы, как говорил основоположник советской литературы и социалистического реализма Алексей Пешков, он же Максим Горький. Хоть и говорят — ученых тьма, а умных мало, смею еще раз уверить: в числе серых меня не найдете.

Институт... Эта проблема стояла и перед нами. И все-таки мне она казалась делом очень далеким. Пожалуй, я ограничивался тем, что тешился, воображая себя, то таким морским волком, стоящим на капитанском мостике, то авиаконструктором вроде Туполева, то знаменитым музыкантом. Последнее потому, что я вдруг открыл в себе способность играть на балалайке.

Но — это все, между прочим. Главное заключалось в другом. Я теперь летал на планере А-2, У меня была настоящая учетовская гимнастерка с голубыми, окаймленными витым золотистым кантом, петлицами, на которых светились латунные крылья с пропеллером посередине. Всю зиму я исправно посещал занятия, отлично изучил матчасть, совершал подлеты к ежедневно стрелял в осоавиахимовском клубе из пистолета. Лешка занимался тем же в аэроклубе, а Никола корпел над учебниками. Он даже забросил свое увлечение — волейбол.

А потом меня выставили из планерной школы. Однажды нас смяли с занятий и отправили на медкомиссию. Вот там и нашли, что сердце мое барахлит. Никакие заявления и хождения не возымели своего воздействия, и мне пришлось снять свою роскошную форму — предмет зависти и восхищения соседских парней.

Я все лето прогонял в футбол, доказывая медикам их подлое отношение к моей персоне. А Лешка — тот почему-то переквалифицировался в технаря. Он уехал на два месяца в летные лагеря и возвращался оттуда изредка, весь вымазанный машинным маслом, пахнущий бензином и луговыми травами, черный от солнца.

Потом началась война с Финляндией. Теперь мы пели «Эх, махорочка, махорка» и встречались с первыми ранеными — добровольцами, награжденными медалями и орденами. Тогда награды были редкостью, на людей, получивших хотя бы медаль, смотрели как на героев. В газетах обязательно писали: орденоседец такой-то, дважды орденоседец и т. д. Это звучало! Помнится, я безумно завидовал какой-то крохе-девчонке, медсестре, награжденной медалью «За боевые заслуги», выступившей у нас в школе на комсомольском собрании, А потом я неожиданно для себя уехал в Среднюю Азию, в Самарканд, к родственникам. Ехал на неделю — погостить, но мать в Самарканде заболела, ее положили в больницу, и мне пришлось идти работать на хлопкоочистительный завод. Вернулся я только к концу мая тысяча девятьсот сорок первого года, оставив мать в том же Самарканде... Кажется, у меня должен был появиться отчим. Я по этому поводу устроил обструкцию и настоял на необходимости своего возвращения в Окск. Здесь меня ждала новость — Гребенюк и Лешка бросили институты — какой-то мудрый человек решил в ту пору, что за обучение в вузах должны платить - сами Обучающиеся. Увы!.. Как говорил Гребенюк — суждены нам благие порывы...

Между прочим, я убедился в довольно любопытном явлении: кажется, всего год не был в Окске, а город изменился. Изменились улицы, изменились сами люди. Например, мои сверстники. Многих я при встрече едва узнавал, особенно девчат. Об этом Гребенюк не преминул заметить — бутончики распустились, пера пчелкам явиться... Насчет пчелок — не знаю, но что девчонки стали настоящими взрослыми девушками — это точно. Да и пчелки, если говорить честно, уже закружились над девичьим цветником — розовощекие лейтенанты из танкового училища, какие-то моряки (откуда они у нас!), пижонистые парни в лохматых кепи и широченных клешах, все старше наших девчат на пять-шесть лет, а то и больше... А мы почему-то остались в числе «просто знакомых», как это принято говорить у слабой половины человеческого рода,

Однажды я направился проведать Сашу. Я уже подошел к ее окнам — и остановился, услышав смех и музыку. В раскрытом окне я увидел Сашу и двух военных с «кубарями» на петлицах. По-моему, это были командиры из полка, которым командовал Гор-Горыч. В общем-то ничего особого, но я бросился прочь, И она такая же, как все!... Эх, Ленька, кончай ты голову себе морочить! Твоя невеста еще в люльке качается.

В тот момент я считал себя абсолютно правым. Вообще, мы всегда почему-то считаем себя правыми. Даже когда это совсем не так. Даже когда подсознательно осознаешь свою неправоту. Но... таков человек.

— Идиот! — так обозвал меня Лешка. — Раскинь умом. Чего зря в бутылку лезешь!..

Легко ему было так говорить. А я как будто занозу в сердце засадил. Вроде бы и не от чего, а извольте-с... Нет, вероятно, у меня чересчур дрянной характер. И все же эта мысль не приносила мне утешения.

Наступило лето. Теперь мы встречались по утрам у заводской проходной — я, Лешка и Никола. Ровно без десяти восемь, нос к носу. А потом расходились по цехам: Лешка в сборочный, я в КИП — контрольно-измерительную лабораторию, а Никола — в инструменталку. Мы стали рабочим классом. Мне и Лешке вроде бы все так и надо. А вот Никола на первых порах ворчал, глядя на свои руки. Однажды он врезал молотком по пальцам, проклял все, что мог, а мы посмеивались, узнав о происшествии. Ничего, завод — это такая штука, что переварит любого. По крайней мере, только здесь и почувствуешь, что ты — человек, вовсе не лишний на свете, и что делать — занятие довольно интересное, не менее, чем, скажем, сидеть в институтской аудитории и протирать штаны.

Жизнь шла своим чередом — к черте, за которой начиналось главное. Только главное оказалось вдруг совсем иным и начиналось оно ранним июньским утром...

23 июня мы стояли на тесном дворике городского военкомата. Квадратные раструбы репродукторов повторяли первые сводки войны, в небе стрекотали самолеты, перед военкоматом играл духовой оркестр и босоногие пацаны обнимали своих братьев и отцов. 24 июня мы толпой бродили по платформе, щеголяя в необмятом, топорщившемся

обмундировании и пели «Гремя огнем, сверкая блеском стали, идут машины в яростный поход, и в бой ведет страну товарищ Сталин, и первый маршал рядом с ним идет» — песню нашей юности, наспех кем-то переделанную...

Прощаясь, кричали паровозы и навзрыд плакали женщины. А мы смотрели на курчавую зелень за каменной изгородью, на красные ребристые крыши, на все это объятые тревогой скопище людей и кого-то утешали, говоря, что все это — дело недолгое, что мы врага «били, бьем и будем бить».

Вчерашние мальчишки стали солдатами.

Часть вторая

В цитадели

Трое в артиллерийском окопе

Мы сидим в окопе, отрытом наспех артиллеристами и внезапно ими оставленном. Сюда даже не завозили пушку — следы колес обрываются в десяти метрах от окопа. Две колеи, воронка с мутной водой на дне и искореженный снарядом пушечный лафет — вот и все, что оставили пушкари поела себя.

Небритый, с курчавым пушком на впалых щеках Лешка сосет сигарку, опустив свой и без того длинный нос. Гимнастерка его разодрана — это осколок подшутил над моим приятелем, словно бритвой располосовав на спине ткань и совершенно не задев тело. Шинель, распершую тем же осколком, Лешка бросил — рвань только мешала,

Николай жует какую-то травинку и поглядывает на бруствер. Правая скула его вздулась — он очень неловко упал, когда мы, перебегая, тащили пулемет. Об наго он и повредил свою вывеску, чем страшно недоволен. Еще бы! В таком виде ему неохота показываться на глаза Кате Люкмой из санроты.

— Адская машина! — ругает он пулемет и зло пинает патронные ящики.— Все руки поободрал, да еще рожу бандитской сделал...

За роцей, что синеет впереди нас, гулко ухает. Раз, другой, третий. Николай зябко ежится и глубже надвигает каску, Лешка сидит по-прежнему на дне окопа.

Немцы лупят из тяжелых орудий по нашей первой линии, значит, через четверть часа пойдут автоматчики. Я смотрю влево — там, петляя по ложине между кустов орешника, тянется грейдерная дорога. Поэтому-то мы и сидим здесь. Наша задача — держать ее под прицелом. Левее нас, насколько я понимаю, уже нет никого, мы — крайние на левом фланге.

Сюда мы пришли на рассвете, а до этого целый день отступали. С утра вчерашнего дня все шло хорошо: мы отбили три атаки и уже сами поднялись, чтобы гнать фрицев, Но тут произошло то, что уже не раз бывало: едва батальон вышел жидкой цепью из окопов, как в спину нам ударили пулеметы. Черт ее знает, что и где случилось, но фрицы оказались в нашем тылу. Не то авиадесант, не то мотопехота. Как бы там ни было, а мы с трудом выбрались из-под двух огней.

И вот теперь мы здесь, на покато бугорке, покрытом рыжей растительностью. Самое главное — патронов у нас в обрез, на десять минут боя, если даже очень жадничать. Спасибо Лешке — он где-то подобрал «саксаулину» — противотанковое ружье, которое Николай окрестил пищалью. К ружью есть штук тридцать патронов. Если добавить ко всему два карабина, мой трофейный автомат и шесть гранат — держаться, конечно, можно и все полчаса. Против пехоты, конечно. Но недаром меня точит мысль — а, ежели, пойдут танки!.. Удержись, попробуй. Хотя попробуем. Это факт. На Лешку я надеюсь — гора каменная. А

вот Гребенюк... С ним не все ладно.

Я пока молчу. Стараюсь наблюдать за ним незаметно. Есть неприятные симптомы. Ну, например, то, что он все больше молчит. Красноречие его удивительным образом иссякло. Лешка — молчун и тот стал куда разговорчивей. Другой симптом неизвестной болезни Гребенюка — странная бледность, которая заливает его лицо при атаках фрицев. Хотя у пулемета работает он исправно. Лешка на него не обижается, что говорить. Да и мне, командиру пулеметного расчета, нечего сказать. И все-таки...

Я все хочу потолковать с Гребенюком по душам. Вернее — намереваюсь, но ничего из намерения не получается. На марше не до разговоров, а в обороне — фрицы мешают. Лезут, сволочи, и лезут. Успевай только поворачиваться.

Трусит, наверно, Гребенюк. Очень жить хочет. Однако кто ж этого не хочет!.. Та же Катя Люкина, ротный санинструктор, очень красивая, по ней сам комроты, как говорят, сохнет, у нее наверняка до войны несчитанное количество поклонников было, но и она каждый раз на ничью землю выходит, под носом у фрицев ребят наших на плечах вытаскивает... А Лешка! А я!.. Заговоренные только в сказках бывают. Мы же — смертные. И мне страшно бывает. Но страх страхом, а злости больше. И с каждым днем она все копится, копится, сидишь в траншее и материшься. Скрючишься, комями земли тебя лупят, пыль в глотку лезет, глушат разрывы, а в сердце ненависть — торк, торк... До каких же пор это все будет, когда же мы его, гада, погоним назад!.. Ведь можем гнать. Уже гнали, и не раз. А теперь — сидим в обороне чуть ли не посреди всей России.

Лешка от этой злобы даже почернел. Особенно, когда мы к родным местам отошли. Город-то наш в какой-нибудь сотне километров. Там думают, что мы лупим фрицев и вот-вот он струхнет, в обратную шарахнет. А он нас гвоздит и по нашей земле сапогом топает.

Самолетов и танков у него уйма. В этом вся соль. Пехота, конечно, пехотой, но и она на грузовиках. Машины у них дизельные, как звери. А мы все пехом да пехом.

И все-таки надо драться. Дядя из той же Англии в окопы наши не сядет. Это Никола надеется на англичан да американцев. Да и он в последние дни скис. Нет, что же все-таки с ним!..

Слушая грохот, катящийся из-за рощи, я твердо решаю: сегодня во что бы то ни стало поговорю с Николаем. Товарищи мы или нет!.. Пусть он иногда посмеивается над моим ефрейторским званием — дескать, генерал-солдат. Все это чепуха. Главное — мы товарищи, солдаты. Вот по-солдатски и поговорим.

Далеко, где-то за горизонтом, за сосновыми чащами дымит Дебрянск. Кажется совсем недавно мы ночевали на старом городском стадионе, делили селедку и ржаные сухари, бегали на многолюдный базар, раскинувшийся над поймой Десны. Теперь там немцы. Город горит, и дым висит над горизонтом, он такой тяжелый и неподвижный, что ветер оказывается бессильным, и потому солнце тонет в сине-черных клубах, кажется рыжим пятном.

Из клубящейся мглы летят самолеты. Немецкие Ю-88 и Ю-87. «Юнкерсам» отлично видно все, что происходит на земле. И они выбирают цели покрупнее. Наш батальон — мелочь, мы не стоим бомб, подвешенных под зелеными плоскостями с черными крестами. Они со свистом сыплутся на колонны наших дивизий, на железные коробки танков, на упрямо огрызающиеся батареи, на штабы и склады. Зато «мессеры» обнаглели и на бреющем полёте рыскают вдоль дорог и лесных просек, бьют из пулеметов по одиночным солдатам, верховым, двуколкам...

Я считал анекдотом историю о том, что где-то немецкий летчик кружил вокруг нашего орудия и грозил кулакам прислуге. Дев дня назад я сам видел подобное. Мы сидели у дороги, солнце шло на закат, мы развели костерок и в это время вдоль пустынной дороги прямо на нас вырвались два «мессера». Вырвались настолько неожиданно, что батальон замер. Головной снизился до десяти — пятнадцати метров и летчик вместо того, чтобы пустить очередь из крупнокалиберного, потряс кулаком в кожаной перчатке, повернув в нашу сторону лицом. То же сделал и второй. Все длилось в течение какого-то мгновения и тем не

менее, я это отлично видел.

Почему они не стреляли! Израсходовали, берегли боезапас или совершенно обнаглели!..

Скорее всего они считали наш батальон конченным. И ошиблись. Вчера мы это доказали утром. Докажем и сегодня.

Между прочим, в роще что-то происходит. Гул разрывов стих, зато раздалась сплошная автоматная и пулеметная трескотня. Что-то уж слишком... У нас в батальоне было полтора десятка пистолетов-пулеметов системы Дегтярева. В роте, оборонявшейся на опушке рощи, их всего пяток-другой. Значит, палят немцы. Я поежился. Обычно фашисты бегут сплошной цепью и бьют веером, наугад, не дают поднять голову. Надо иметь хорошие нервы, чтобы не оробеть.

Там, в роте — наш комбат, старший лейтенант Грибакин.

Старший лейтенант отчаянный парень. Кремень. Вчера он сменил три каски. Все они были пробиты осколками. Комбат идет от самого Бреста и уже повидал столько, что на подобные мелочи не обращает внимания. Он говорит: немец должен нас бояться, а не мы его. Мое мнение не расходится с комбатовым.

Я смотрю «а рощу и краем глаза замечаю движение на дороге, петляющей по ложине.

Мне не надо бинокля — я вижу мотоциклистов. Один, два, пять, десять... Немцы едут очень осторожно.

Я сползаю а окоп, Лешка уже разворачивает пулемет. Николаю делать пока нечего — весь наш запас патронных лент лежит у Лешкиных ног.

Я беру пищаль и прилаживаюсь так, чтобы при отдаче било не слишком сильно. А тем временем говорю, чтобы без команды ив стрелять. Подпустим фрицев до зарослей орешника и тогда чесанем.

Лешка кивает и сощуренными глазами следит за движением мотоциклистов.

В роще — крики и разрозненная стрельба. Что же там делается!..

Спустя минуту я вижу, что мотоциклисты круто разворачиваются и гонят машины к роще. Ага, все понятно. Наши отходят и мотоциклисты хотят отрезать их.

— Огонь, Лешка! — ору я и, поймав мушкой передний мотоцикл, выкативший на невысокий пригорок, нажимаю на спусковой крючок. Ружье дергается на рогатульке, звучит резкий выстрел, и мотоцикл вдруг вспыхивает чадающим пламенем. Сидевший за рулем немец кувырком летит на землю, второй вываливается из люльки и бежит в сторону, пытаясь сбить пламя, охватившее его мундир.

Лешка стреляет короткими очередями. Еще два мотоцикла кувыркаются под гору, остальные расползаются, подобно жукам, и несутся к зарослям кустарника, скрываются в нем, и через минуту оттуда начинают стучать ручные пулеметы. Огонь не прицельный, мы пока не засечены.

Кучка людей, бежавшая из рощи, достигла неглубокого овражка, спускающегося в ложину.

Теперь они защищены от огня преследователей и мотоциклистов. Но как их мало!..

На всякий случай я говорю Лешке, чтобы он парой очередей успокоил мотоциклистов, скрывшихся в кустах.

Комбат, тяжело дыша от бега, спрыгивает в наш окоп, за ним остальные. Всего десять человек.

— Ну, ефрейтор, на тебя надежда,— говорит Грибакин, утирая мокрое от пота лицо.— Слушай приказ: продержись хоть двадцать минут. Не пропусти мотопехоту, кол ей в задницу!.. Отходим, брат... Вот все, что от третьей роты осталось. Два раза в штыковую поднимал, да их, черт, прорва, на одного пятеро... Продержишься — и сматывайся в направлении Рокачева.

Рокачево — на полпути от нашего города к Дебрянску. Это маленький городок с железнодорожной станцией и довольно приличной футбольной площадкой. Я был там еще в тридцать восьмом году, мы играли в футбол с местной командой.

Комбат обернулся, посмотрел на кусты и дымившуюся рощу и сделал жест рукой:

— Пошли!

Через полминуты мы остались одни.

— Слышали! — сказал я, чтобы нарушить молчание Лешки и Николая. — Продержимся, а!.. — И подумал: не придется с Гребенюком потолковать и сегодня. Где уж...

Лешка все также молча продернул новую ленту и только после этого произнес:

— Коль, дай-ка парочку лимонок...

Николай подал гранаты и исподлобья посмотрел на меня. Лучше б он не смотрел! Я все понял — он не хотел оставаться здесь, Я даже был уверен — не будь меня и Лешки, будь здесь кто-то другой — Гребенюк тотчас ушел бы за комбатом. Все это читалось в его глазах.

— Копя, — сказал я, — ни черта, бес не выдаст, свинья не съест, всыплем — и уйдем.

Между тем, в роще все стихло. И в почти неправдоподобной тишине я услышал гул моторов. Огибая рощу, шли танки. Три штуки — один тяжелый, два — легкие. Так вот почему мотоциклисты не вылезали из кустов!.. Просто они не хотели рисковать, ждали танкистов.

— Ну, ребята!.. — Я повернул противотанковое ружье в сторону рощи. Рот у меня пересох, слова застревали в глотке. Я более' ни на что не надеялся.

— Погибать!.. — Гребенюк вдруг заметался по окопу. — Погибать! А мы что, хуже их! — Он ткнул кулаком в сторону ушедших. — Что проку от нашей гибели!.. — Что мы сделаем против танков, а; Нет, ты скажи, скажи!.. — Он подскочил ко мне. Зрачки его были расширены, голос хрипл.

— Не психуй! — я положил руку на его плечо, но он рывком сбросил ее. — Я приказываю, рядовой Гребенюк!..

— Коль, по морде дам, честно! — это заговорил Лешка. — Набью, хоть ты и боксер. Гребенюк вскинул на миг злые глаза и обмяк. Лицо, бледное до этого, покрылось пятнами. Я кивнул головой, указывая на пулемет. Молча, с тем же выражением лица, он лег справа от пулемета. Мне пришла новая мысль, и я схватил тяжелое противотанковое ружье.

— Вот что!.. — сказал я, рассовывая по карманам патроны. — Оставайтесь здесь!.. А я пошел вон туда. Там тоже окоп. Я буду стрелять по танкам, а вы пехоту прижмите. Мне-то первому стрелять. Значит, они меня и засекут. И тогда от одного снаряда всех нас могут положить!.. Я пошел, ребята. И смотрите — держитесь!..

Я вылез из окопа и, пригибаясь, побежал на облюбованное место. Теперь моя позиция находилась метрах в шестидесяти провее прежней. Окоп, очевидно, предназначался для дальномерщиков, был достаточно просторен и глубок, обзор отсюда был отличный,

А танки медленно приближались. И за ними, растянувшись по осыпавшейся, смятой ржи, шли автоматчики. Из кустов выкатились мотоциклисты и направились к дороге.

Ну, теперь, Ленька, спокойнее!.. Я посмотрел на часы — прошло двенадцать минут из двадцати, данных мне комбатом. Справа, отдаляясь, трещали выстрелы, изредка доносились гулкие удары пушек и взрывы. Это, вероятно, отходили первая и вторая роты или то, что от них осталось.

Тяжелый танк остановился за невысоким деревом с облетевшею листвою. Зато два легких ускорили движение и, покачиваясь, переваливаясь с боку на бок, уже приблизились на расстояние выстрела.

Я тщательно прицелился и нажал на спуск. Ружье резко выпалило и, подскочив, ударило в плечо. Синий огонек мелькнул на броне танка с большим номером 113. Я тотчас перезарядил ружье и опять навел ствол, метя под срез башни. Пусть подойдет, гад, поближе...

и выстрелил еще раз, потом еще и еще. И вдруг танк задымил. Он прокатился еще метров пять и остановился. Башенный люк открылся, и черные фигуры танкистов спрыгнули и покатались по земле.

И тотчас заговорил Лешкин пулемет. Я скосил глаза влево — там, по дороге мчались мотоциклисты, Лешка с Николаем ударили по ним.

Второй так подкатил к горящему и остановился так удобно, что я сразу забыл о Лешке и Гребенюке. Немец подставил мне борт, у меня даже задрожали руки от такой удачи. Я прицелился, затаил дыхание и...

Наверно, меня все-таки засек стрелок, сидевший в башне тяжелого танка. Я совсем забыл об

этой стальной машине, притаившейся за деревом. И поплатился за это. Резкий удар, слепящая вспышка, небо, вдруг завертевшееся колесом — и тьма, больно стукнувшая меня по темени... Кажется, я взлетел в момент взрыва — а моей памяти остался черный излом окопа, искореженное ружье на бруствере и золотистая россыпь тяжелых патронов. Как будто все это я видел сверху.

...Я не помню, когда пришел в себя. Было темно, но не очень — небо розовело и на западе, и на востоке. Стояла тишина, пахло дымом и горелым мясом. Я почему-то лежал в кустах. Во рту ощущался привкус крови, в голове звенело, и сна казалась налитой свинцом. Туман клубился в ложине — плотный, похожий на дым, и сквозь него я ничего не мог видеть.

Я пошевелил руками — они слушались. Тогда я согнул в колене одну ногу, другую — все повиновалось мне, даже боли я не ощущал, только холод в спину, от которого меня била дрожь.

Значит, мне повезло, Я даже не ранен. Контузия. Д что же с Лешкой и Николой!.. Я с трудом выполз из кустов и сел, прислушиваясь. Чем все кончилось! Живы ли они!.. И я опять пополз, трясясь от холода, обдирая руки о какие-то ветки и колючки.

Несколько раз я отдыхал, лежа лицом вниз,— все-таки контузия сделала свое дело. Мне казалось, что весь я налит тяжелой ртутью, и она переливалась при каждом движении. Однажды я вспомнил о часах и посмотрел на них. Однако на руке поблескивала лишь нижняя часть корпуса. Наверно, я разбил их при падении.

Вот и окоп, Я помедлил. Тишина пугала Меня. И, ожидая худшего, я сжал зубы. Что ж, Ленка, ничего не поделаешь. На то она и война, чтобы хоронить друзей.

Я спустился в окоп и огляделся, удивленный. В окопе никого не было. Ни Лешки, ни Гребенюка, ни пулемета. Как будто они растворились в этом зыбком розоватом сумраке.

Где они? И, что вообще произошло после того, как меня выбросило из окопа!.. Я встал и, пошатываясь, обошел окоп. Никого. Тогда я решил выйти к дороге.

Где-то, наверно, в километре-полтора, высоко в небе вдруг вспыхнула «люстра» — осветительная бомба, и я услышал негромкий гул самолета. Затем донеслось несколько приглушенных взрывов, колыхнувших холодный воздух.

Я инстинктивно пригнулся к какой-то странной кочке и вдруг оцепенел. То, что я принял за кочку, было трупом. Я увидел лицо этого мертвого человека.

Лицо, которое я знал уже десять лет. Передо мной лежал Лешка.

При трепетном, но достаточно ярком свете «люстры» я увидел кровь, запекшуюся на спине, на разорванной гимнастерке. Пуля или осколок ударили его сзади.

Я перевернул Лешку — мне показалось, что он еще дышит. Одна рука его, перевязанная выше кисти бинтом, была сжата в кулак и из кулака торчал обрывок тряпки. Почему-то мне показалось это важным, и я с трудом вытянул обрывок из холодного кулака. На обрывке блеснула медью пуговица. Пуговица, которая мне тоже была знакома, ибо принадлежала она Гребенюку. Почему я ее узнал! Дело в том, что на наших гимнастерках военного времени пуговицы были крашеными, с выпуклой тисненой звездочкой.

Гребенюк же однажды где-то выменял на пачку махорки десяток медных пуговиц с изображением маленьких якорьков и пришил их вместо прежних — у Николы была слабость, он всегда любил пофрантить.

С таким же якорьком оказалась и пуговица на обрывке воротника гимнастерки. Видимо, Лешка в какое-то последнее мгновение рванул за ворот Гребенюка — и затем умер.

Мне некогда было раздумывать, Я сунул кусок зеленой тряпки в карман и оттащил Лешку в воронку. Кое-как наломав веток и набрав сухой травы, я прикрыл ими тело друга и несколько минут сидел над его последним прибежищем. Прощай, Лоха!..

Спазма перехватила мое дыхание, слезы — горячие, едкие подступили к глазам...

Снова было сумрачно, «люстра» давно погасла, туман густел, на востоке пламя тоже погасло, и где-то в стороне эхо повторяло гул далеких выстрелов. Я шел параллельно дороге, она указывала мне направление, и я двигался, рискуя встретить немцев.

Так я шел около часа или двух, пока впереди не зачернела стена сплошного леса. Я вошел в

густую тьму и начал продираться сквозь заросли. Где-то, вконец обессилев, я наткнулся на полянку с черным конусом стожка сена, руками вырыл логово и, забравшись в него, тотчас уснул, словно провалился на дно глубокого оврага...

КТО ТАКОЙ?

С этого дна на поверхность меня извлек окрик, который я услышал сквозь полусон. Я открыл глаза и вновь прислушался. Говорили по-русски и то, что я услышал, заставило меня выползти из убежища.

У стога были трое — средних лет капитан и два сержанта.

Стоило мне шевельнуться — и я был бы конченным человеком. Поодаль стояла «эмка» — черная, как жук, легковая машина с простреленными стеклами.

Три автоматных дула уставились на меня черными зрачками.

Первым нарушил молчание капитан.

— Кто такой!.. Документы!

Его глаза — настороженные и колкие — обшарили меня с головы до ног. Затем он прочел мою солдатскую книжку и с каким-то любопытством опять оглядел меня.

— Ну, как здесь очутился!

В нескольких словах я рассказал капитану о том, что произошло накануне ночи. И спросил, где отыскать батальон Грибакина.

— Грибакина!..— Капитан пожевал узкими сухими губами и передернул плечами. — Батальон найдешь, а вот Грибакина — нет. Пропал без вести... Хотел бы я знать, где он...

Странно, говоря так, капитан вовсе не торопился возвращать мне документы. Он еще раз пытливо посмотрел на меня и вдруг сделал жест одному из сержантов — кряжистому парию с лихо выбившимся светлым чубом, падавшим на самые глаза,

Тот протянул руку с клочком бумажки, испещренным готическим шрифтом.

— Прочти! — капитан подал листок и отступил на шаг назад. Мысль мгновенно осенила меня. Наверняка я попал к нашим

разведчикам. Бумажка — это один из немецких документов, захваченных ими. Ну, что ж, надо продемонстрировать свои способности.

И я единым духом выпалил перевод немецкого текста. Текст оказался распоряжением какого-то гауптмана, в котором он обязывал некоего обер-лейтенанта Шлоссера принять меры по обеспечению второй роты комплектами теплого белья.

— Так...— проронил капитан и взгляд его посуровел,— А ну, прочти на немецком...

Это было еще легче и я отчеканил каждую фразу, стараясь акцентирован, так, как когда-то меня учила «Мари-Ванна — щи кипят — каша подгорела».

— Фриц, гад! — парень с чубом почему-то радостно ухмыльнулся.— Ишь, кроет!

Капитан смял листок и бросил его ко мне под ноги.

— Я тебе, фашист, укажу, где батальон! — он прищурился и положил мои документы а карман.— Бурляев! Связать ему руки!..

— Да вы что, товарищи!! — Я ничего не понимал.

— Гитлер тебе, падло, товарищ!.. — Второй сержант ловко вывернул мне руки и туго стянул их брезентовым тренчиком.— Рожа шпионская!

Теперь стало все ясно. Меня приняли за переодетого немца, Такое уже бывало. Однажды мы полночи ловили фашистов, переодетых з милицейскую форму. И а сейчас очутился в дурацком положении. Меня подвел» знание немецкого языка. Ну и купил меня капитан!..

— Нечего рассусоливать. Волоките его к машине и поехали!.. Сержант тотчас потащил меня за собой. Бурляев сунул мне

под нос увесистый кулак и внушительно предупредил;

— Ежели колыхнешься, гад, угомони!.. Где уж тут колыхаться!

Меня втолкнули в машину на заднее сиденье. Мотор взвыл, и мы затряслись по неровностям узкой лесной дороги.

Я сидел между двумя сержантами, капитан рядом с водителем. Минут десять мы катили по лесу, потом выбрались на опушку, водитель и капитан о чем-то зашушукались, а Бурляев воткнул в мой бок дуло автомата и приказал категорическим тоном:

— Ежели пикнешь — пропал!..

Мы катили на пологий холм, потом водитель вырулил на ровную наезженную дорогу и дал газу.

— Гони! — капитан просунул автоматный ствол сквозь разбитое ветровое стекло.

Впереди, чуть правее машины, разом выросли два столба взрывов. Комья земли забарабанили по кузову «эмки». Капитан хрипло повторял одно и то же:

— Гони, Федяков! Гони!..

Видимо, мы попали под огонь немецких минометчиков. Мины падали одна за другой, водитель сквозь зубы чертыхался, по его подбритому затылку струились капли пота. Бурляев злобно косился на меня, я видел, как поблескивали его темные глаза. В эти минуты я отлично понял, что жизнь моя может иметь бесславный конец. В меня стреляли немцы, и те же самое готов был сделать Бурляев.

К счастью, все внезапно кончилось. Мы вновь свернули в лес, и машина сбавила скорость. Капитан положил автомат на колени и снял фуражку. Все разом заговорили, я тоже не удержался и высказал свое удовлетворение, на что последовал изумленно-негодующий возглас белокурого сержанта:

— Ты гляди, он тоже радуется, а!!.

Я благоразумно умолк, решив ждать развязки всей истории.

Теперь мы были у своих, часовые беспрепятственно пропускали «эмку», козыряя капитану. Видимо, он здесь был личностью хорошо известной. И несмотря на трагикомизм моего положения, я успокоился. Главное — я у своих. Остальное образуется.

Когда «эмка» остановилась, меня вывели и тотчас определили в сырую землянку с дощатыми, ничем не покрытыми нарами. У входа встал часовой, но двери не было и я мог слышать то, что рассказывал кому-то Бурляев. По его словам меня выследили и схватили так, что я и пикнуть не смог,

— Чистый немец, арийских кровей. Здоров, дьявол, пришлось нам с ним повозиться,— Далее Бурляев вдохновение понес небылицу за небылицей, чем изрядно посмешил меня, хотя, в общем-то, смешного в моем положении было очень мало.

Минут десять я просидел на нарах, затем пришел белокурый чубатый сержант и отвел меня в обшитый тесом сухой блиндаж, где находился уже знакомый капитан и суховатый, подтянутый подполковник, на рукаве которого была нашита эмблема с золотым мечом, рассекающим змею.

Меня обыскали. Я даже удивился — почему забыли это сделать пленившие меня еще там, у моего ночного прибежища. Конечно, в моих карманах, кроме перочинного ножа, испорченной зажигалки и обрывка с медной пуговицей ничего не нашли.

Когда капитан увидел этот обрывок, он даже привстал.

— Смотрите, товарищ подполковник!.. Об этом и Васильев говорил!.. Он!..

Я ничего не понимал. Кто он; О чем говорил неизвестный мне Васильев!..

Однако мне не довелось задать ни одного вопроса, Зато пришлось отвечать самому, И хотя я неоднократно подчеркивал, просил, наконец, требовал убедиться самым тщательным образом в истинности моих показаний — все было тщетным. Будь проклят, этот обрывок!..

Подполковник внимательно слушал меня и покачивал седой, коротко стриженной головой. Капитан дымил папиросой и подкидывал коварные вопросы — с его точки зрения, конечно, а писарь, сидевший поодаль за столиком, фиксировал допрос.

Все так или иначе сводилось к обрывку гимнастерки. Я трижды, каждый раз с новыми подробностями рассказывал о том, как он попал ко мне.

Затем меня вновь отвели в землянку. Я хотел есть — уже сутки во рту моем ничего не было, но, очевидно, здесь считали, что фашист может обойтись и без еды, поэтому мне осталось одно — слушать звон ложек и котелков и вдыхать дразнящий запах пшенной каши с

тушенкой...

Уже вечером моя судьба неожиданно решилась: тот же чубатый сержант отвел меня к грузовику, до половины крытому брезентом, приказал сесть, затем исчез и через несколько минут появился опять с двумя солдатами, конвоировавшими немца, настоящего немца в форме лейтенанта. Когда и где они его взяли — трудно сказать, но немец, если не считать легкого синяка на правой скуле, был абсолютно целым,

Сержант и конвойные вскочили в кузов вслед за фрицем, дверца хлопнула — и мы поехали.

Рядом со мной, плечо в плечо, сидел враг. Впервые так близко я был с фашистом. И главное — мы были в одном положении.

Я отодвинулся от фашиста и за это поплатился сейчас же — конвойный двинул меня кованым носком сапога.

— Смирно, фашист!..

И эта, в сердцах сказанная, фраза сыграла роль, о которой никто, ни я, ни конвойные, не могли подозревать. Так уж случилось. Просто сошлись обстоятельства — и все.

Я услышал шепот немца. Несмотря на лязг и скрип кузова, подбрасываемого на ухабах, я слышал почти все. Этот немец принимал меня за своего. Забавно! В первый раз я ощутил даже некую выгоду своего положения.

Густав Крайзер, лейтенант из «абверкоманды 115» — вот кто трясся вместе со мной на шатком полу кузова. Доверие требовало взаимности. И я в свою очередь шепнул несколько фраз, из которых явствовало, что я — парашютист, захваченный а бою... Говоря так, а не задумываясь над последствиями всей истории. Я забыл обо всем, я намеревался вывести у Крайзере те, что он наверняка утаит от нашей разведки.

Конвой не обращал на шепот никакого внимания. Солдаты были чем-то озабочены, а сержант то и дело высовывался из кузова и напряженно вглядывался в сумрак. Потом он забарабанил по крыше кабины, машина остановилась, и чубатый сказал кому-то невидимому:

— Товарищ майор, дорогу-то вы помните?.. Кабы не заехать нам к немцам.

Сидевший в кабине уваренным баском успокоил сержанта, и мы снова затряслись.

Мы ехали по территории, занятой противником. Все-таки шел девятьсот сорок первый год, начало октября, когда фронт еще упрямо двигался на восток и обстановка менялась по нескольку раз в сутки. Штаб дивизии, в который нас везли, незадолго до этого был атакован немецким десантом, охрана штаба рассеяна по окружающим лесам; попки, лишённые связи с руководством, после короткого боя с танками немцев отошли в северо-восточном направлении, и в открытую брешь ринулась свежая мотодивизия противника. Ее подразделения вышли на оперативный простор.

Все это я узнал много позже того, что произошло с нами.

Л произошло неожиданное: машину остановили. Кто-то посигналил красным фонариком, машина остановилась, сержант и один из конвойных тотчас -прыгнули на землю, ожидая подходивших людей.

Между тем, Крайзер продолжал шептать. Но я был взволнован и многое, из того что слышал, прошло мимо моего внимания.

Когда вдруг раздалась автоматная очередь, немец вскочил, и я не успел пошевелиться, как он выпрыгнул из автомашины. Конвойный солдат вскинул автомат, но начал стрелять вовсе не по бегущему. Матерясь, он бил куда-то в сторону. Как бы отвечая ему, по машине с двух сторон застучали пулеметы.

Щепки, отбитые пулями, ударили по моему лицу, Я инстинктивно бросился на пол кузова. Машина мгновенно взвыла мотором и понеслась вперед. Струи трассирующих пуль сопровождали эту сумасшедшую гонку. Я катался по кузову, защищая от ударов лицо руками, конвойный упал на меня, я с трудом выбрался из-под его тяжелого тела.

Мы напоролась на немецких регулировщиков. Это я понял, когда раздалась пулеметные очереди, положившие сержанта и второго солдата на дороге. Но шофер еще был жив и гнал машину до тех пор, пока не врезался в придорожное дерево.

Не знаю, какое чудо спасло меня, по крайней мере, от уаечья. Я вылетел из кузова в сторону и попал в самую гущу плотного кустарника. Ветки спружинили, как амортизаторы, и я отделался легким ушибом да ссадинами, Придя в себя, я бросился к накренившейся машине. Майор, сидевший с водителем, был убит пулеметной очередью. А водитель, получивший, видимо, ранение, уткнулся лицом в ветровое стекло — рулевая колонка вошла в его грудь. Он уже не дышал. Здесь делать было нечего. Кто знает, может быть, немецкие мотоциклисты уже мчатся по нашему следу!.. Надо уходить, не медля. Подхватив автомат конвойного и забрав у майора документы, я побежал в густую темень по узкой тропке между частыми стволами ельника. Я не знал, где могли быть свои, Я думал об одном — скорее, скорее от дороги, подальше в лес — кто знает, может здесь есть скрывшееся от врага подразделение или даже партизаны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мой расчет оправдался. Войдя в лес, я прошел всего около полукилометра, когда негромкий внушительный голос приказал мне бросить оружие и остановиться.

Трое мужчин подошли с разных сторон, и я беспрекословно повиновался. А через полчаса меня уже допрашивал седой человек в кожаной тужурке. Мы сидели в слабо освещенной комнате за дощатым, чисто выскобленным столом. На бревенчатой стене тикали ходики, серый кот жмурился на свет е длинной лавки, от выбеленной русской печи тянуло ароматным запахом печеной картошки.

Кроме седого, в комнате были еще двое — один из тех, кто задержал меня, рябоватый, с пышными усами и лохматыми бровями человек, и тоненький, с легкомысленным коротким носом юноша в стеганке, опоясанной широким армейским ремнем, на котором висела тяжелая кобура.

Седого звали Иван Павлыч — так обращался к нему мой сопровождающий и он, очевидно, был здесь старшим. Иван Павлыч выслушал меня, не перебивая, прикрыв ладонями глаза. Когда я замолчал, он перелистал документы убитого майора и опять посмотрел на меня.

— Значит, ты из Окска! — седой оперся на локти.— А где жил там!..

Я ответил. Тогда он задал мне еще два или три вопроса, из которых я понял, что этот человек отлично знает мой город.

— Ну, вот что: побудешь у нас, а потом мы переправим тебя. Пусть там и проверят, что истина, что ложь. Нам, понимаешь, некогда этим заниматься, Фрицы могут и сюда завернуть.— Седой говорил бесстрастно, голос его звучал глуховато, с какой-то хрипотцой.

В сенях раздался шум, затем дверь открылась и кто-то сказал:

— Товарищ комиссар, из дивизии Богатырева связные! Седой встал.

— Зови.

В дверь вошли двое — лейтенант в маскхалате и боец в коротком бушлате. Мой провожатый вывел меня наружу, где глухо шумели вековые сосны и фыркали лошади, хрупая сено, сложенное в повозку. Я присел на порог. Фамилия комдива не давала мне покоя. Неужели он!..

Минут через десять меня вновь позвали в избу. Лейтенант осветил мое лицо фонариком и обернулся к седому.

— Он!.. Ну, что же. Забираем с собой. В особом отделе разберутся.

Седой кивнул.

— Ну, коли так... Желаю всего доброго! Маня, проводи товарищей!

— Есть, Иван Палыч! — юноша, оказавшийся девушкой, проворно направился к двери. Лейтенант надвинул капюшон и повернулся, сделав жест в мою сторону. Надо было идти, однако я сказал;

— Разрешите, товарищ лейтенант!

— Что еще! — лейтенант круто повернулся ко мне.

— Как комдива зовут! Не Георгий Георгиевич!..

— А зачем тебе знать! Уж не в гости ли к нему собрался! — лейтенант усмехнулся.— Так он окруженцев и прочих не принимает.

— А все-таки! Это для меня очень важно! — я дрожал от волнения. И, видимо, лейтенант это понял.

— Георгий Георгиевич, ты не ошибся, ефрейтор,— сказал он.

— Тогда доложите ему, что задержан Леонид Громов. Очень прошу. Он меня знает.

Лейтенант удивленно поднял брови и пожал плечами. Однако уже более миролюбиво ответил:

— Доложить нехитро. Приедем в часть, тогда и доложу.

Мы вышли, сели в повозку и сопровождаемые Маней, которая легко вскочила в седло, поехали в ночь.

Да, комдив оказался Гор-Горычем Богатыревым, отцом Саши. ЕСЛИ кому-нибудь чертовски везло в то время — то на этот раз мне.

С Гор-Горычем я встретился ранним утром. Тот же лейтенант привел меня к блиндажу и указал на дверь.

— Ну, брат, валяй... И — извини, коли я не того. Служба, понимаешь...— Он чувствовал вину за свое недоверие, а я был бесконечно благодарен ему за то, что не отмахнулся от моей просьбы и сразу же доложил о ней адъютанту комдива.

Гор-Горыч слушал меня и, поскрипывая сапогами, ходил по блиндажу. Несколько раз он отрывался на зов телефона и коротко отдавал приказания, а я в эти минуты смотрел на него и узнавая, и не узнавая.

И дело не в том, что он был в непривычной для меня генеральской форме. Что-то иное я видел в его глазах, в знакомых движениях, в разговоре. Гор-Горыч потемнел лицом, под глазами набрякли мешочки, и седина ярче посверкивала в его коротко стриженных на французский манер усах. Голос стал резче, тон — суровее. Кажется, иссяк и тот юмор, который всегда сопутствовал разговору Гор-Горыча. Я понимал — это война и то страшное, что происходило каждый день, наложили свой отпечаток. Впрочем, и я, вероятно, стал другим.

Я рассказал Гор-Горычу все, начиная с последнего предвоенного года, о том, что так и не простился с Сашей, о днях отступления и брошенном артиллерийском окопе у рощи, о моей контузии, Лешке и Гребенюке, о всех моих злоключениях, последовавших вслед за этим. Я вспомнил капитана-разведчика, и чубатого светловолосого сержанта, немецкого лейтенанта Крайзара и убитого в машине майора, седого комиссара-партизана и того лейтенанта, который доставил меня сюда...

А рассказав, неожиданно поразился: ведь все это произошло за какие-то сутки. Словно в детективном кинофильме, с сюжетом, закрученным «а всю железку».

Следует ли удивляться тому, что мне не верили!.. Или, во всяком случае, не доверяли!..

Однако Гор-Горыч вовсе не удивился. Он лишь попросил повторить историю с Гребенюком и то, что говорил мне лейтенант Крайзер.

Я повторил это с некоторыми лирическими отступлениями, и Гор-Горыч присел рядом со мной.

— Леня,— сказал он,— ты знаешь, что Окск захвачен немцами! — И увидя, что и с изумлением поднял голову, со вздохом произнес: — Да, да. Окск был взят на три дня ранее Дебрянска... Гудеркай прорвался юго-западнее левого крыла нашей армии, опрокинул немногочисленные подразделения второго эшелона и почти без боя овладел Окском,.. Насколько мне известно, танковые части противника уже на подходах к Туле...

То, о чем говорил генерал, ошеломило меня. Что хотите, но я не думал, что враг прорвется к Омску. В это не хотелось верить, и я не поверил бы никому другому, кроме Гор-Горыча...

Ну, да, все летние месяцы мы сдавали города — Минск, Гомель, Смоленск, Винницу — и нет числа другим нашим городам и городкам, где стучали кованые подошвы немецких рот. Но Окск... Вероятно, я испытывал чувства, которые испытал каждый из жителей сданных врагу

городов.

— Очевидно,— продолжал между тем Гер-Горыч,— они кое-где прервутся еще дальше. И остановить их никто не сможет... Кроме нас. И мы это сделаем. Будет на нашей улице праздник, Леня, Но крови прольется много. Ой, как много, и какой!..— Генерал помолчал. Желваки вздулись на его сухих скулах, лоб прорезали глубокие морщины.

— И чтобы это наступило как можно скорее — надо изучить врага, Леня. Мы, к сожалению, его знали недостаточно.— Гер-Горыч положил руку на стол.— Только теперь я это понял... Да и не только я. А ведь как думалось — будем бить мелей кровью, на собственной территории противника. А он нас сейчас лупит. Жестоко, Беспощадно, Однако голову терять нечего. За одного битого двух набитых дают — так говорит народная мудрость... Например, каждый мой солдат трех Гансов стоит. Один батальон неполного состава целый немецкий полк сдерживает, не дает фашистам ходу. А дальше — дальше мы их будем колошматить,, — И вдруг, без всякого перехода, тем же тоном Гер-Горыч сказал: — Поедешь учиться, Леня. И не возражай!.. Ты ведь немецким владеешь. Это сейчас важно. А пока... приведи себя в нормальный вид и отдыхай до вечера.

Я знал — спорить с Гер-Горычем невозможно и поэтому молча подчинился, хотя и с некоторым недоумением. Где учиться, чему учиться!.. Учиться, когда гремит война?..

Решив, что не следует ломать голову в догадках, я прошел в соседний блиндаж, в котором мне отвели место, умылся, почистился и лег спать. Будь что будет. Я солдат и мое дело выполнять приказы старших начальников. Уж этот пункт устава я знал в совершенстве.

И, наконец, пришел вечер. Только я менее всего думал его встретить так, как это случилось. Весь вечер мы отбивались от наседавших автоматчиков. Штаб дивизии оказался в окружении, впереди и позади нас гремели пушки, отрезанные полки отходили по всему фронту и связь с ними прервалась.

Уже смеркалось, когда генерал поднял нас врукопашную. Мы — это три десятка штабных офицеров и писарей, остатки комендантского взвода и кучка девушек-санинструкторов и связисток.

Когда мы, наконец, пробились за грохочущую черту окружения, была ночь — ясная, морозная. Иней на жухлой траве мерцал синими огоньками, дул легкий ветер, сладко пахнувший пороховой гарью. Мы снова шли по лесу, над нами гудели самолеты, от сосен падали аспидные тени, а на востоке полыхали верные спутники ночи — зарева пожаров.

Я шел рядом с адъютантом генерала — человеком богатырского слезения. У него под шинелью хранилось снятое с древка знамя дивизии. Самой дивизии не существовало,— по крайней мере я так думал. Шагая по высохшим стеблям густой травы, я пытался разглядеть фигуру Гер-Горыча, который вместе с начальником дивизионной разведки двигался впереди нашей жиденькой колонны.

Адъютант оказался неунывающим человеком. Когда я заметил, что теперь вряд ли мы разыщем свои полки, он тихонько присвистнул.

— Ты, ефрейтор, знаешь, в какую дивизию попал!.. То-то!..

Я, брат, в четвертый раз в этаких переплетах побывал. И как видишь — еще фрица буду бить. Л насчет полков — у нас железно. Если не мы, то они нас найдут. Уж поверь мне, у генерала командиры правильные, комдива не подведут.

И в самом деле, спустя час или два произошло то, о чем говорил адъютант,— нас разыскали разведчики одного из полков, потом появились грузовики, на которых мы и прикатили к новому рубежу обороны, занятому отбившимися от противника полками дивизии.

Перед утром, прежде чем прикорнуть в наспех Оборудованной землянке, я вновь встретился с Гер-Горычем.

— Живой!..— Гер-Горыч хитро сощурился и подмигнул мне молодо блеснувшим глазом.— Молодец, Леня! Слышал я, как с Гансами управлялся... Приказал начштабу заготовить реляцию. Спасибо, Леня!..

Я вспыхнул от радости. Нет, не из-за реляции. Просто мне было удивительно приятно слышать похвалу от Гор-Гсрыча, старого солдата, товарища моего отца. Что ни говорите, это куда важнее официальных благодарностей!..

— Завтра поедешь в тыл. Впрочем, я дам знать.— Гор-Горыч протянул мне руку.— И валяй спеть, ефрейтор. Знаешь — солдат спит, а служба идет.— Он улыбнулся и пошел по тропке — легко, пружинисто, будто никогда и не было минувшей тревожной ночи.

Больше я не встретил Гор-Горыча. Днем его вызвал к себе командующий корпусом, а наутро за мной пришел молодой офицер с капитанскими петлицами, усадил в грузовик, где сидели еще трое бойцов, и я покинул дивизию.

Осень шла к концу. Трудная, невероятно тяжкая, осень первого года войны. Наверно, о ней еще будет немало рассказов. Такое не забывается, такого нельзя забыть, если все это прошло перед глазами. Генерал был прав — нас колотили и топили в крови, но из невылазной грязи фронтовых дорог, из кровавого месива стертых ураганным огнем траншей, из жгучего дыма пожарищ мы поднимались и крепили, вовсе не удивляясь этому. Мы учились, дорого оплачивая каждый миг этого невероятного по своей жестокости ученья. И учились неплохо — уже замелькали, все чаще и чаще, сполохи тех молний, которые позже насмерть поразят фашизм.

Я тоже учился. Война грохотала за сотни километров от двухэтажного, похожего на лесную дачу дома, где теперь жил я и еще три десятка моих сверстников.

Немецкий язык, самбо, подрывное и радиодело, стрельбище и спортивный городок, что еще! Парашют... С последним у меня не очень ладилось. Когда я смотрел в квадратную дыру люка самолета, где виднелись игрушечные, словно муляжи, домики, желтые нитки шоссе и курчавая поросль лесов — у меня ёкало сердце, Я вываливался вслед за товарищами и холодел, ожидая спасительного рывка раскрывшегося парашюта... На планере было лучше. Или это мне только так казалось!.. Хотя, в общем-то, все постигается в сравнении.

Между прочим, пилот, что выводил нас под облака, однажды признался, что тоже не любит парашюта. Наверно, это субъективное чувство. И я, как мог, боролся с ним. Я храбро вызывался сам, а инструктор хитро усмехался — он прекрасно понимал меня. Вот уж не думал, что я, Ленька Громов, буду робеть перед высотой...

Мы занимаемся уже целый месяц. Неделю назад в Москве прошел традиционный Октябрьский парад, войска приветствовал и напутствовал сам Сталин. Вот это я понимаю!.. Плюха по роже Гитлера, да еще какая! За ней последовала и другая — фрицы побежали назад старой Смоленской дорогой.

Готовят нас здесь основательно, к вечеру мы изматываемся, но не ропщем. В нашей школе есть и девчата, человек пятнадцать. Поэтому по субботам, кроме киносеансов, в клубе организуются танцы. Не ожидал, что здесь меня будут считать заправским танцором! Однако это так.

Школа находится в густом лиственном лесу, попасть в нее чужому невозможно. Да и нас отсюда почти не выпускают. Впрочем, скучать нам некогда, и мы ждем только своего часа, А он, говорят, будет еще через два месяца. Что же, попотеем. Трудно в учении, легко в бою — таков суворовский девиз, что написан на куске красного полотна, висящего в коридоре классного помещения.

И все-таки — это совсем не то, о чем хочется говорить. Все это мелочи. Важней другое ~ например, то, что недавно в районе западнее Тулы погибла группа разведчиков — выпускников нашей школы. Погибла по доносу какой-то сволочи, возлюбленной немецкого офицера-эсэсовца. Я поражаюсь, я не устану поражаться мышлению предателей. О чем они думают: Неужто и впрямь надеются на гитлеровских зверюг, на их победу?.. Черт меня подери, мозг мой неспособен это постигнуть.

Иногда я смотрю на лоскут Николиной гимнастерки. И тогда скулы мои сводит от ненависти. Дело в том, что только здесь, в школе, мне рассказали, как погиб мой товарищ. Теперь от одного воспоминания о Гребенюке между моих лопаток пробегает струйка холода, и мне хочется немедленно броситься в розыск.

А рассказали мне вот что: комбат Грибакин сдержал свое слово в ту памятную ночь, он ждал нас и, не дождавшись, послал связного, когда мы уже вели бой с немцами. Шальной пулей связной был ранен в бедро и лежал всего в полста метрах от окопа, где находились Никола и Алешка.

Он-то и увидел, как один из них вдруг выскочил из окопа навстречу мотоциклистам и поднял руки. Второй догнал его, схватил за воротник, но тот подсечкой ноги сбил его и бросился дальше.

Лешку застрелил немецкий мотоциклист, вывернувшийся из-за куста.

Связной все это видел своими глазами и потому возвратился кое-как назад, считая, что приказание передавать некому. Его рассказ и был зафиксирован позже со слов комбата работником особого отдела.

Вот что произошло, покуда я лежал в кустах, оглушенный снарядом.

Гребешок сдался. Поднял руки, бросив оружие, и Лешка погиб на его глазах.

Что думал Никола в час своего позора!.. Хотел сохранить жизнь?.. Я знаю, не всем удается быть до конца твердым в минуту, которая решает — быть или не быть. Но ведь он же казался всегда рассудительным парнем, он всегда посмеивался над «телячьими эмоциями». Кроме того. Гребешок был и расчетлив, недаром мы его называли своим начхозом — никто другой в роте не мог так рассчитать дневной солдатский паек, чтобы его хватило на три заправки...

Где он теперь!.. Наверняка в концлагере. Сидит за колючей проволокой, под пулеметными дулами, жрет баланду из брюквы или свеклы и потихонькодохнет. В конце концов пристрелят его где-нибудь в кювете — и точка. Сколько таких уже погибли в неизвестности, ненужными трусами...

И все-таки где-то в глубине души я лелею мысль о встрече с ним. Понимаю, что это невероятно, невозможно, и все-таки...

А, может быть, связной что-то напутал!.. Ох, как бы я хотел этому верить!.. Но — вот он, обрывок гимнастерки с пуговкой, на которой вытиснен якорь...

Ах, ты, Никола! Заноза, которую вонзил ты в мое сердце, болит, болит и нет от боли отдыха курсанту Леониду Громову...

ГРОМОВ СТАНОВИТСЯ БРАУНОМ

— Курсанту Громову явиться к майору Ржазину! Срочно!.. — Голос дневального сдернул меня с табурета ленкомнаты.

Провожаемый любопытными взглядами остальных, я выскочил в коридор и, гремя сапогами, побежал в кабинет начальника школы.

Это была просторная комната, застеленная широкими красными ковровыми дорожками и почти лишенная мебели. Широкий письменный стол у плотно завешенного шторой окна, стальной сейф и несколько мягких кресел — вот и вся обстановка кабинета майора Ржавина. Широченный — в полстены — застекленный книжный шкаф, на полке которого стоял черный радиоаппарат, не нарушал впечатления пустынности кабинета.

Когда я вошел и доложил, Ржавин жестом пригласил меня к столу.

— Садись, Громов.

сел, стараясь понять, чем обязан этому неожиданному вызову.

Ржавин — довольно заурядной внешности человек, среднего роста, совершенно лысый, он, по-моему, даже специально брил голову. Майор редко надевал форму и обычно носил мешковатый серый костюм. Встретится такой человек — и обманешься, подумаешь — мелкий служащий, счетовод или нечто в этом роде.

Вот и сейчас он в обычном штатском костюме. Только рубашка ослепительно бела.

Майор, не глядя на меня, что-то читал, выбирая из вороха бумаг листки.

Я пошевелился, и Ржавин двинул рыжеватыми бровями.

— Посиди, посиди...

Лоб его перерезали три морщины, углом сошедшиеся к переносице. На правом виске розовел

узкий рубец шрама. Видимо, когда-то давно царапнуло майора железо.

Он вдруг поднял голову.

— Рассматриваешь?..

Я побурел и отвел глаза в сторону.

— Это, брат, след тридцать четвертого года... Молодчиии Шлейхера в Берлине обработали.— Ржавин чуть усмехнулся узкими губами и спросил:

— Ну, как живешь!

— Хорошо, товарищ майор!..

— Хорошо.., Мда... Хорошо,— Повторил Ржавин рассеянно, явно задумавшись над чем-то,— Ты из Окска!

— Так точно! Коренной. Прапрадед, говорят, еще крестьянствовал под Окском, а ближние мои родичи уже городскими были.

Ржавин согласно кивнул и потер поблескивающее теми.

— Вот что, Громов... Придется тебе наведаться в Окек. И в самое ближайшее время.

На миг мне показалось, что я ослышался. Однако майор продолжал:

— Легенда, с которой ты пойдешь, абсолютно железная. Здесь промаха не будет.

Хуже то, что пойдешь ты в свецзвод. Кто знает, с кем ты можешь неожиданно встретиться... Война, брат, изрядные поправки вносит в наши представления о людях. Вчера считался абсолютно своим, сегодня — лютый недруг... Увы, такое случается. Но... И ты неожиданно для многих из тех, нему был другом, превратишься во врага... Ты меня понимаешь!..

Нет, я не понимал, о чем он говорят! Почему я должен превратиться во врага!..

Между тем, Ржавин вытащил из пачки фотографий одну и положил ее перед моими глазами,

— Взгляни.

На глянцевом куске картона я увидел молодого немецкого офицера с тонкими усиками, в щегольской фуражке с высокой тульей, над лаковым козырьком которой распластался длиннокрылый клювастый орел со свастикой в когтях. Судя по петлицам, это был лейтенант-десантник.

Я поднял голову. Д майор еще раз повторил:

— Вглядиись, вглядиись.

И вдруг положил рядом с пергой вторую фотографию. Мою фотографию. И тогда я даже присвистнул — обе фотографии были почти идентичны. Этот фашист удивительно смахивал на меня!.. Бывает же такое!

Майор с удовлетворением улыбнулся и сгреб фотографии, не говоря ни слова. И мне тотчас же стал ясен смысл его слов, не понятых мною. Я посмотрел на Ржавина, надеясь услышать все, что мне предстояло делать. Но майор не торопился. Он бросил взгляд на часы, потом поднял трубку телефона и спросил какого-то Смирнова, Услышан ответ, опустил трубку на место и сказал:

— Поговорим!

Я кивнул. И майор заговорил. На немецком, очень бегло, с тем произношением, которое принято называть берлинским. Это было неожиданно, я сначала несколько растерялся, однако, мобилизовав все внимание, довольно бойко, как будто был на уроке «Мари-Ванны — щи кипят — каша подгорела», начал диалог с майором. Я даже не обратил внимания на вышедшего из внутренней двери человека, пристроившегося на стуле у окна.

Да, майер знал немецкий в совершенстве. Откровенно говоря, я несколько раз сплеховал, не успевая следить за содержанием отдельных фраз и некоторых быстрых вопросов Ржавина. Такого урока языка у меня еще никогда не было. И когда Ржавин откинулся к спинке кресла и уже по-русски спросил: — ну, как! — я был, что называется, в поту.

— Находка!.. Везет же тебе, майор!..— Человек астал и подошел к столу, протянув мне руку.

— Полковник Смирнов,— сказал он.— Ржавин, ей-богу ты прелесть.— Он явно подшучивал над майором, но тот только отмахнулся.

— Я тебя серьезно, Смирнов, спрашиваю.

— Ах, вот что... Ну, на полном серьезе: пиши приказ,

— Вот теперь депо.— Ржавин поднял трубку.— Заготовьте приказ на Громова... Да, да!

Когда Ржавин положил трубку, полковник уже серьезным тоном спросил.

— Ознакомил Громова с предстоящим!

— В самых общих чертах.

— Отлично. Подробно — потом. А теперь, ефрейтор Громов, следует поговорить вот о чем...

— Как думаешь, почему мы предлагаем именно тебе отправиться в Окск!.. — Смирнов покосился на Ржавина, который опять уткнулся в бумаги.— Ты не догадываешься!

Я пожал плечами. Сходство — вот, пожалуй, чем объясняется это предложение.

— Не только сходство... В конце концов можно было подобрать иную кандидатуру. Схожесть или похожесть — дело человеческих рук. В театрах это практикуется испокон веков. Хотя чем меньше камуфляжа, тем лучше. Естественней, правдивей. Но для выполнения задачи нужен человек, знающий и город, и людей.— Смирнов многозначительно умолк.— Разведчик должен чувствовать себя в окружающей обстановке как рыба в воде. Понял!

— Понял.— Я кивнул.

— Но есть вторая сторона, я бы сказал, негативная.— В разговор неожиданно вмешался Ржавин. Он яростно потер свой череп и продолжил: — Как я уже говорил, в Окске наверняка встретятся люди, общение с которыми будет нежелательным. Как застраховать себя в данном случае! Это и просто, и сложно. Могу дать общий совет: всегда оставаться Вальтером Брауном, немцем, фашистом... Кроме тех исключительных случаев, когда это будет явно противопоказано Громову...— Ржавин усмехнулся.— Здорово сказано, да!.. Но что делать! На то разведчику и дана голова, чтобы решать ребусы. Я думаю, что у Громова голова подходящая.

Смирнов сухо добавил:

— Избегайте ненужных знакомств. Считайте директивой: без разрешения Чернобородого ни в какие контакты со старыми знакомыми не вступать.

— Есть не вступать! — я повторил, хотя названная мне кличка «Чернобородый» ничего не говорила.

...Спустя два часа меня перевели в отдельную, очень покойную комнату, где уже лежала целая гора немецких книг самого различного содержания, несколько путеводителей, уставы и инструкции, используемые службами вермахта и подшивка «Фепьки-шер беобахтер».

Все это надлежало мне прочесть, запомнить то, что было отмечено карандашом полковника, а затем вновь предстать перед ним и майором.

Это и стало моим единственным занятием в следующие после вызова четыре недели.

В отведенной для меня комнате я жил один. Мне было запрещено говорить по-русски с молоденькой уборщицей, с майором Ржавимым и преподавателем немецкого языка — курносый толстощекий старшим лейтенантом, которым являлся ко мне ежедневно и на выбор требовал устного перевода прочитанного,

Первые три дня я усердствовал. Затем начал тупеть. К исходу недели я взвыл бы волком — если бы им был. Вероятно, мое состояние понял преподаватель и сообщил о нем Ржавину. А может быть, это сделала уборщица Лиза — она великолепно знала немецкий, в этом я убедился по тому, как сна однажды слушала немецкую радиопередачу — приемник стоял у моей койки. Как бы там ни было, Ржавин пришел ко мне, и долгий наш разговор свелся к следующему: все, что я делаю сейчас — пригодится там. Все, что я запомню,— нитка к трасу, по которому можно выбраться из пучины.

— Между прочим,— сказал Ржавин на прощание,— такое случается. Надо набрать второе дыхание.

Да, уж это-то мне ведомо. Набирать, так набирать!.. И я набрал «второе дыхание». Спустя

десять дней, оказалось, что в общем-то я одолел ровно столько, сколько и предусматривалось программой. И, когда я вновь предстал перед Смирновым и Ржавиным, голову мою распирала куча самых различных сведений, а перед глазами, стояло их только закрыть, тотчас возникали желтые прямоугольники кварталов, черные полосы железных дорог, голубые пятна и ленты рек и прудов — вся карта неведомого мне Кенигсберга — города-крепости, который отныне должен быть местом моего рождения.

В один из таких дней майор Ржавин вызвал меня к себе и, указав на комплект обмундирования немецкого лейтенанта, приказал переодеться. Видимо, он заранее подобрал этот костюм по росту — обмундирование пришлось мне так, слоено его сшили на заказ, сидело, как говорится, по косточке.

— Привыкайте,— сквзвп Ржавин,— А сейчас займемся некоторыми правилами этикета, или, если угодно, хорошего тона, принятого у офицеров вермахта...

Он преподавал мне несколько практических уроков, заставив неоднократно повторить то, что показывал сам. Конечно, это не было самым трудным, но пришлось потратить немало времени и старания, прежде чем майор остался удовлетворенным.

А затем он доставил меня на несколько дней в лагерь для немецких военнопленных — для акклиматизации, как он, шутя, выразился,— и то, что я увидел, что пришлось запомнить и копировать, было продемонстрировано мною придирчивому майору и немцу в советской ферме, но без знаков различия. Немец, оказавшийся членом антифашистского комитета, довершил мое «образование» в столовой, изображавшей в данном случае ресторан. Все это должно было мне послужить, когда я попаду а немецкий тыл - с волками жить, по-волчьи выть...

Экзамен я сдал, отлично сознавая, что главный будет где-то там, за гремящей линией фронта. Сдам ли я его! Должен. Иначе грош мне цена в базарный день, как сказал бы Ржавин...

Потом прошло еще несколько дней. Три дня детальнейшего инструктажа и три коротеньких ночи. Когда они минули — все прежнее осталось позади. Леонид Громов ушел, не прощаясь. Вместо него появился лейтенант парашютно-десантных войск вермахта Вальтер Браун, направленный на отдых в город Окск по случаю контузии на восточном фронте.

Сейчас, вероятно, было бы уместным, как это принято, рассказать о многих, щекочущих нервы читателя, событиях, связанных с моим появлением в Опеке, Однако признаюсь сразу: ничего не случилось. Никаких осложнений. И не в силу каких-то особых качеств Леонида Громова. Все было делом ума и рук майора Ржавина и цепочки людей, о которых я не имел ни малейшего представления морозной ночью я вывалился из самолетного люка, треугольник, образованный на земле тремя кострами и очутился на заснеженной лесной долине. Меня тотчас нашли бородатые люди, назвавшие условный пароль, затем они меня укутали в тяжелую баранью шубу и увезли на розвальнях в безлюдную лесную деревушку, где и провел остаток ночи. Наутро те же проводники вывели меня на большак Дебрянек — Макарычи...

Здесь-то я и превратился в лейтенанта Брауна. Во всяком случае, я так думал и вел себя соответственно, как учил Ржавин, как я сам представлял себе образ этого гитлеровца — подтянуто; и надменного... Когда-то в школе мне пришлось участвовать спектаклях. Последний раз я играл Швабрина в «Капитанской дочке». Теперь я играл иную роль и увы, отнюдь не в спектакле. Прежде, в случае неудачи, меня высмеяли бы мои товарищи. Теперь неудачный дебют мог стоить жизни. Нельзя спрятаться за кулисы, ни за занавес. Да и суфлер был где-то за сотню верст.

Так думал я, шагая по дороге, изрубленной шинами немецких дизелей. Робел ли я! Не знаю. Вероятно — кет. Снявши голову, по волосам не плачут. Прыгнув, не остановишься. Либо перелетишь препятствие, либо угодишь в яму — третьего не дано. Я должен был перепрыгнуть.

И пока так думал Громов, Вальтер Браун прошел несколько километров и остановил одинокий, крытый брезентом, грузовик. Водитель, угрюмый пожилой солдат в очках, откинул дверцу, безмолвно подождал, пока лейтенант уселся, и молча повел машину дальше.

Встречные грузовики, которых становилось больше и больше, взвихрили снежную пыль и на большой скорости пронеслись мимо.

В кабине было тепло, я расстегнул ворот шинели, достал сигареты и закурил, довольный несловоохотливостью шофера. Самому разговаривать не хотелось. Неосторожный пустячный вопрос мог насторожить моего возницу. Кроме того, молчание всегда не у всех в цене. Молчаливого считают умным, даже если он настоящий дурак.

Я все больше входил в роль. Достав дорожный несессер, я пилочкой демонстративно подровнял ногти, затем долго смотрелся в зеркало, направив его так, что мне было видно лицо водителя. Сначала он бросал на меня любопытные взгляды, затем они стали равнодушными, и я окончательно поверил в себя. Все правильно. Он не желает иметь дела с надутым, как индийский петух, офицером.

Что бы он сказал, узнав о том, что подлинный Браун находится сейчас в одном из лагерей для немецких военнопленных. Выброшенный с группой диверсантов лейтенант вовремя сообразил, чем может закончиться для него встреча с работниками службы госбезопасности и поднял руки...

Легенда, данная мне, была подлинной жизнью Брауна. Мне было известно о нем все или почти все, во всяком случае, главное,— как сказал Ржавин.

Браун оказался очень удобным для нашей разведки. Он был сиротой из ветви прусских Браунов, зачахшей от кровосмешения. Отец — фон Браун — скончался задолго до совершеннолетия Вальтера, а дочь пастора, согрешившая с бароном, вскоре после родов умерла. Родственников у Вальтера оказалось немного, и с ними будущий лейтенант вермахта не знался. Будучи незаконнорожденным, он тоже имел свою гордость. Помимо сказанного, Вальтер оказался весьма современным человеком, жил одним днем. Обладая трезвым умом, старался плыть по течению и потому стал нацистом, потому и вступил в братство двухметроворостого бандита-парашютиста Скорцени...

А в общем, этому фрицу повезло. Он мог быть теперь спокоен за свою жизнь. Он будет нужен до тех пор, пока я опять не превращусь в самого себя. Браун послужит мне, и об этом позаботятся Ржавин и люди в форме сотрудников госбезопасности. Впрочем, это — не суть важное.

Важнее всего оказалось прибытие лейтенанта Вальтера Брауна в город Дебрянск студеным декабрьским днем тысяча девятьсот сорок первого года.

ДОРОГА В ОКСК

Итак, Дебрянск конца первого года войны. Выглядел город еще по-довоенному, лишь кое-где чернели мрачные меты отгремевших бомбежек. Мне-то Дебрянск был знаком, однако Вальтер Браун видел его впервые. Шагая с легким чемоданчиком в руке, лейтенант глазел по сторонам, небрежно отвечая на приветствия встречающихся солдат и четко приветствуя старших офицеров.

Вальтер безбоязненно подошел к двум угрюмым полевым жандармам, придирчиво осматривавшим всех, кто направлялся за полосатую грань шлагбаума, и, предъявив свой документ, попросил указать дорогу к комендатуре.

В комендатуре он сделал необходимые отметки в документах, расспросил о возможности быстро добраться в Окск и узнал, что можно проехать весь путь на поезде, но лучше отправиться с какой-нибудь автоколонной.

— Господин лейтенант,— сказал ему пожилой обер-лейтенант, оформлявший документы,— вы в краю партизан. Советую не торопиться на тот свет, это удовольствие когда-нибудь вас не минует. Отдыхайте, куда вам спешить!..

Однако Вальтер Браун вежливо поблагодарил собеседника и отправился на КПП. Собственно, отправился я — Вальтер Браун конечно, последовал бы совету.

На контрольно-пропускном пункте произошла новая проверка документов, затем огромный, одетый в шинель на меховой подкладке, гауптман указал мне на тяжелый грузовик с

просторной кабиной.

— Садитесь, лейтенант.

Шофер и сопровождающий его обер-ефрейтор молча подали какие-то узлы, лежавшие на сиденье, я сел и, наконец, вздохнул с облегчением.

Мотор взревел, машина качнулась и, набирая скорость, понеслась по белой ленте укатанного шоссе. Впереди взвихряли снег еще несколько таких же крытых брезентом машин. Два бронетранспортера обошли нас слева, обер-ефрейтор довольно ухмыльнулся и сказал:

— Ну, охрана надежная. Можно спать, господин лейтенант,— он с почтением посмотрел на мои петлицы, вероятно, они внушали ему уважение.

— Яволь! — сказал я и поудобнее устроился на сиденье, надвинув на глаза козырек фуражки. В кабине было очень тепло, а я довольно-таки намерзся, выбираясь из леса к шоссе, затем в попутной машине, и, наконец, в самом Дебрянске.

Сон сморил меня, и я задремал под гул мотора и негромкий разговор шофера с обер-ефрейтором.

Когда я очнулся, машина стояла, слышались чьи-то повелительные окрихи, гул моторов и отдаленное уханье пушек.

Шофер увидел мое пробуждение и, улыбнувшись, заговорил:

— Господин лейтенант, я бы вам порекомендовал поискать другой транспорт. Говорят, что впереди действует группа русских партизан.— Он опять осклабился, а я подумал, что этот кретин весьма доволен возможностью пострадать герра офицера. Но оказалось совсем другое — шофер далее заявил, что командир колонны обер-лейтенант Любке решил прекратить движение до выяснения создавшегося положения, и поскольку лейтенант парашютно-десантных войск торопился, он, шофер Эрих Келлер, счел обязанным предупредить лейтенанта о задержке.

Внятно чертыхнувшись, я вылез из кабины и увидел неожиданное — из автомашин, подобных той, на которой я ехал, солдаты выносили — что бы вы думали! — гробы. Я отвернул край брезента — и увидел в кузове своего дизеля те же гладко отесанные деревянные ящики.

Зрелище настолько развеселило меня, что я с трудом удержался от улыбки — вряд ли это пристало десантнику Брауну. Гробы-то для его мертвых соотечественников.

Я побрел вдоль колонны разномастных автомобилей. Дул северный ветер, мел, переметал шоссе белой крупой, фигуры немецких солдат метались в белом дыму поземки, кто-то зло ругал русский мороз, кашлял и беспрерывно сморкался. Кучка людей грела руки у чадающего костра, пламя которого вилоь над железным листом, брошенным прямо на обочину,

В конце концов, я набрел на высокий тупорылый грузовик. Над его брезентовой крышей курился дымок — в машине топилась печка. Из приоткрытой дверцы кабины на меня недоброжелательно смотрел офицер в меховой шапке. Я взял под козырек и представился.

— Майор Фриш,— буркнул офицер и хотел закрыть дверцу, но я опередил его и спросил, куда направляется машина.

— В Окск, лейтенант.— Фриш был явно несловоохотлив. Я в двух слогах объяснил ему свое положение и, стараясь быть предельно учтивым, попросил место в машине.

Фриш протянул руку, и, поняв его жест, я подал ему свои документы. Майор с минуту листал мое удостоверение, хмуро косясь на меня, а затем возвратил его.

— Будьте любезны, лейтенант. Только в кузов. И — побыстрее. Мы тронемся через пять минут. Там уже навели порядок.— Фриш кивнул головой в сторону выстрелов.

Я бегом воротился к своему дизелю, схватил чемодан и, поблагодарив шофера Келлера, бросайся к фургону Фриша.

В кузове было светло — горела электролампочка. Посреди кузова на каменной плите, покрытой куском котельного железа, стояла чугунная печка, пыхавшая дымком. От нее шло тепло, и люди, сидевшие на скамьях, чувствовали себя, как я это понял, довольно сносно.

После краткого обмена приветствиями я присел около человека в штатском, который, закрыв лицо воротником, мерно посапывал. Кроме него, здесь находились несколько солдат полевой

жандармерии, два офицера — тощих, небритых, в очках, видимо, интендантов, и какая-то женщина средних лет.

Впрочем, разглядывать долго мне не пришлось — мы поехали. Печь застреляла искрами, кто-то приоткрыл дверцу и закурил от уголька, Я прислонился к борту, поднял воротник, не желая заводить ненужные знакомства и, вдруг почувствовал внутреннее беспокойство.

В упор на меня смотрел человек в штатском. Он проснулся от начавшейся тряски и отвернул углы мехового воротника. И самое глазное — я понял, что его когда-то уже видел. Я напряг всю память — и тотчас вспомнил квартиру номер одиннадцать, звуки фортепьяно и среди других — это лицо... Ну да, конечно, это был он — рыжеватый человек в коричневых блестящих крагах. Тот, за которым я когда-то следил. Тот, который вдруг исчез бесследно. Между тем человек отвел взгляд, словно обо что-то споткнувшись, и достал из кармана портсигар.

Я весь напрягся. Внимание, Громов!.. Вот она, встреча, которая для тебя может обернуться неизвестно чем... В эту минуту я совсем забыл, что в машине сидит Вальтер Браун. Но человек возвратил меня к действительности.

— Битте,— сказал он и предложил мне сигарету.

— Данке! — нашелся я, отрицательно качнув головой, и вытащил свой портсигар с золоченой монограммой — этот портсигар был мне вручен полковником Смирновым «для пушного эффекта».

— Прекрасная вещь! — сказал незнакомец, глядя на портсигар.— Семейная!.. — По-немецки этот тип говорил вполне сносно.

— Да.— Я небрежно опустил серебряную вещицу в карман и щелкнул зажигалкой.— Был такой мастер Жоли, это его работа,

— О, Жоли! — Человек закивал и вдруг представился: — Кукин Михаил Иванович, почетный дворянин. Честь имею!

Я назвал себя.

— Господин офицер едет в Окск! — словоохотливо продолжал собеседник и довольно улыбнулся, услышав утвердительный ответ.

— Тогда в свободную минуту прошу ко мне. Садовая, двенадцать. Правда, по милости жидов и коммунистов я два года не был у себя дома, но, смею уверить, там все в порядке. Квартира отличная, господин обер-лейтенант... — Он даже произвел Вальтера Брауна в следующий офицерский чин. Что тому оставалось делать!.. Поблагодарить, пообещать и тотчас забыть о приглашении. Истинному прусскому офицеру вовсе не пристало водить кампанию с русскими, хотя бы и бывшими дворянами, Однако я был Громовым. И если Вальтер Браун представил лишь одну сторону нечаянной встречи в пути, я подумал о второй.

Что это за сволочь!.. И чем он думает угодить своим новым хозяевам!

Да, жаль, что тогда, три года е лишним назад, наши контрразведчики проглядели этого типа. Бот он, представитель пятой колонны, рядом со мной. И я тоже хорош! Ведь еще тогда я подозревал человека в крагах. Ну, а что теперь!..

Теперь теоретически он может меня поставить и стенке. Немецкая пуля войдет в мой затылок и выбросит мозг на шершавый камень стены. Фу, черт!.. Я мгновенно представил это себе, и меня передернуло. Нет, почетный дворянин, еще посмотрим, кто кого. Весь абвер меня не возьмет живым. А с собой я утяну многих. Это уже не теория.

Машина бешено мчалась по шоссе, стрелой прорезавшее сосновую чащу. Долговязые интенданты дремали, клевали носами солдаты, и лишь одон методично поглядывал в дверцу печки, подбрасывая коротенькие чурки, горной лежавшие в углу кузова.

Кукин повернулся к целлулоидовому прямоугольнику окна и вдруг оживленно заговорил:

— Взгляните, господин офицер!.. Отличное средство против партизанских банд!..

Я придвинулся поближе и посмотрел. Вдоль шоссе на сучьях сосен висели трупы. Снежок присыпал головы и плечи повешенных, ветер раскачивал промерзшие тела, солнце бросало на землю глубокие синие тени, и на их фоне лучи высвечивали изуродованные босые ноги.

А затем я увидел еще более страшное — трех, четырех обнаженных женщин, подвешенных к сосновым сучьям за длинные пряди волос. Животы мертвых были распороты, и огромные серые вороны долбили клювами оледеневшие внутренности...

И зажмурился, чувствуя, как к горлу подступает удушье.

Машина завизжала тормозами и остановилась. Щелкнула дверца кабины, и голос майора повелительно пригласил всех выйти из машины.

Кукин мгновенно исчез из кузова, за ним выбрались интенданты и женщина, Я несколько овладел собой, вспомнив, что здесь все-таки Вальтер Браун, который должен являть образец прусского воина, и последовал за солдатами.

Вблизи картина была еще ужаснее. Ветер повернул к нам очень молоденькую девушку, судя по лицу, почти не тронутому побоями. К невысокой, еще не созревшей груди ее была прибита двухдюймовыми гвоздями березовая дощечка с кривой надписью на русском языке: партизанка... Ее убили, пустив автоматную очередь в низ живота.

Майор, картинно подбоченюсь, взгромоздился на сугроб, поближе к казненной, а шофер несколько раз щелкнул затвором фотокамеры.

— Господа, есть желающие... — Шофер с ухмылкой потряс фотоаппаратом, приглашая нас последовать примеру майора.

Моя рука машинально нащупала кобуру парабеллума. Сейчас всажу шесть пуль в сухопарого гада с майорскими погонами и в нагло ухмыляющуюся рожу его холуя с фотоаппаратом — и будь что будет...

Всхлип остановил меня. Женщина, которая вышла вместе с нами, плакала. А молодой солдат, тот самый, что топил печку, забежал за автомашину — его рвало...

Я повернулся и зашагал к фургону. Майор, стоявший возле кабины, недобро усмехнулся узкими губами.

— Полюбуйтесь еще, господин лейтенант! Истинный немец должен иметь стальное сердце, не правда ли!..

С плохо скрытой ненавистью, глядя в острые глаза майора, я отчеканил:

— Я солдат, господин майор, и с женщинами не воюю. Я привык брать врага за горло в бою!..

— О полноте, мой друг!.. Когда эти русские бабы однажды воткнут вам нож в одно деликатное место — уверяю, подобное зрелище вам непременно захочется сделать самому... — Майор уже не улыбался, говорил сухо, отрывисто и зло.

— Благодарю за беспокойство о моем деликатном месте! — Я уже взбирался по железному трапу в кузов. Честное слово, лишь дисциплинированность Вальтера Брауна отвела на этот раз беду от Леньки Громова.

Майор разозлился окончательно и сорвал сердце на блевавшем солдате, лицо которого приобрела зеленый оттенок.

Один за другим в машину взобрались остальные. Интенданты о чем-то оживленно разговаривали, солдаты захопотали над печкой, а Кукин с укоризной выговаривал все еще всхлипывающей женщине.

— Так ведь они же свои, русские! — словно оправдываясь, сказала женщина, краем платка вытирая глаза. — Жалко, ведь тоже люди...

— Глупость, сударыня! Это — фанатички и жалеть о них — значит, проявлять ненужную мягкотелость. Зараза коммунизма может быть истреблена в России только жестокими мерами. — Кукин жадно закурил сигарету. Руки его дрожали, словно е похмелья, лицо подергивалось, глаза горели тем особым блеском, который свойствен наркоманам, только что принявшим дозу наркотика.

«Видеть бы тебя в гробу!» — подумал я, и чтобы как-то прийти в себя, достал флягу с коньяком — подарком майора Ржавина. Коньяк был особый, с препаратом, успокаивающе действовавшим на нервную систему, изготовлял его Ржавин собственноручно.

Я сделал несколько больших глотков, чувствуя на себе завистливые взгляды солдат. Посмотрите, поглотайте слюну, гадины фашистские!..

И который раз за последние дни почувствовал: а ведь чертовски трудно быть Вальтером Брауном! Куда легче сидеть в окопе, встречать и бить этих гадов в долгополых шинелях!.. Впрочем, все это — из области эмоций. Мало ли что придет в голову Громова. Есть Вальтер Браун, ублюдок пруссакого барона, парашютист, выдавший всякое в Греции, Югославии и Польше. Эта сволочь делала свое черное дело без раздумий, ибо так повелел рейхс-фюрер. И — готт мит унс, с нами бог, как гласят отштампованные из алюминия пряжки солдатских поясных ремней.

Ты должен быть хитрым, Ленька Громов. Ты будешь смотреть и запоминать, это твоя работа. Чем больше станет фигура Брауна — тем лучше.. Помалкивай, Ленька!

В ЦИТАДЕЛИ

— Помалкивай, Ленька,— так еще

раз я приказал себе к вечеру того же дня, когда шел в Окск по бывшей Сталинской, а ныне Адольфштрассе. Здесь, в молоденьком скверике тоже качались на студеном ветру тела повешенных. «За саботаж» — так гласили аккуратные надписи на фанерных листах, прикрепленных с помощью веревки к трупам.

Окск поразил меня. Внешне он казался прежним, разве лишь по заржавленным рельсам уже не скрежетали колеса трамвайных вагонов, да кое-где чернели провалы окон сожженных домов. Мосты стояли нетронутыми, на восточной окраине по-прежнему высились обгорелые бетонные параллелепипеды элеватора, и кирпичные персты заводских труб упирались в сумрачное небо.

И все-таки город изменился. Изменились люди.

Глядя на встречных, я невольно вспоминал кадры старых, уже полузабытых немых фильмов времен нэпа.

Черт ее знает, откуда у людей взялось столько тряпья. Какие-то салопы, мешковатые, до пят, пальто, длинные, с оборками юбки, рваные платки и рыжие от времени шапки, выцветшие, с заплатами, ватники, тяжелые мокроступы — калоши из литой резины и в бурых подпалинах валенки с закорюченными носами. Что это, камуфляж!.. Ведь я помню, как выглядели люди в предвоенную зиму!..

Только позже я узнал, что это вовсе не камуфляж. Все, что было поценнее, шло в деревню, на базар, в обмен на шмат сала, мерку ржи или чувал мерзлой картошки. Одежду съел голод, Однако в городе было и другое, Я увидел сытые, красные лица полицаев, группами бродивших по улицам. Небольшие подразделения немцев вышагивали под звуки песен и губных гармоник.

На мосту я столкнулся с двумя щеголевато одетыми парами — под руку с немецкими офицерами шли напудренные светловолосые девушки в меховых шубках, пуховых платках и лаковых зимних сапожках. Они смеялись ярко накрашенными ртами и о чем-то щебетали, мешая русскую речь с немецкой.

Я отвернулся, сдерживая себя. Спокойно, Громов!

Разве я знал, что это — детские шалости по сравнению с тем, что станет мне известно позднее!..

В комендатуре, где вновь пришлось проделать неизбежные формальности, все прошло без недоразумений. Делавший отметки гауптман мельком просмотрел мои документы, что-то пометил в огромной книге, и через пять минут я получил квадратный листок зеленого цвета — пропуск, которым Вальтеру Брауну разрешалось хождение после наступления комендантского часа.

Расписавшись в получении пропуска у писаря, я спрятал его а бумажник и сделал великодушный жест — угостил писаря из своего изящного портсигара. Это сразу расположило его ко мне,

— Господин лейтенант впервые в Окске! — спросил он, и, услышав утвердительный ответ, доверительно заговорил вполголоса: — Буду рад дать господину лейтенанту несколько

советов. Гостиница для приезжающих на Адольфштрассе, против торговых рядов. Ресторан отличный, но сама гостиница... Я бы рекомендовал вам устроиться в частном доме, где очень покойно и неплохие хозяева из фольксдойч. Столоваться можно у них, хозяйка, фрау Ангелина, не только человек интеллигентный, но и прекрасный кулинар...

— Что ж, благодарю,— сказал я, вовсе не помышляя последовать совету писаря. Этого еще не хватало — с первого же дня оказаться под неусыпным наблюдением фольксдойч. И только для того, чтобы не произвести неблагоприятного впечатления на советчика, я взял поданный им листок с адресом и сунул его в карман,

— До свиданья!

— До свиданья, господин лейтенант!..

Я вышел из комендатуры и остановился в раздумье, глядя на трехэтажное здание, покинутое мною. Над зданием — бывшим горисполкомом, трепетало, раздуваемое ветром, багровое полотнище с черной свастикой на белом круге.

Черт возьми, неужто это в самом деле!! Как же далеко мы их пустили! Страшно далеко!..

Внезапно со стороны моста раздалось тархтенье мотоциклов и машин, которые одна за другой покатали по середине улицы. За мотоциклистами в тяжелых стальных шлемах проехали солдаты на белом бронетранспортере, затем три блестящих легковых машины и вновь бронетранспортер.

— О, сам генерал Гамаки!

Я хотел обернуться на голос, но тотчас сдержался, И лишь через минуту повернул голову. Неподдалеку от меня стоял очень высокий, худой и сутулый старик с висячими седыми усами. Одет он был в длинный балахон, сшитый из серого байкового одеяла, Голову старика покрывала мурмолка с выбитым плюшевым верхам и облезлым кошачьим мехом. В правой руке старик держал старую, чем-то очень похожую на хозяина, скрипку.

Увидев, что я обратил на него внимание, старик улыбнулся синими губами и поклонился, сняв шапку.

— Господин германский офицер, окажите участие музыканту! — голос старика напоминал карканье вороны. Ветер трепал жидкие волосы, снежная пыль летела на обнаженную морщинистую шею.

— Что! — спросил я по-немецки.— Пошел вон, старая развалина!..

Все-таки здесь был Браун, Вальтер Браун, а не кто-нибудь. Старик по-прежнему топтался на месте, протягивая руку с Шапкой.

— Вес! Шнелль, шнелль! — Около меня неожиданно выросла широкоплечая фигура солдата-автоматчика. Он ткнул старика дулом автомата и добавил:

— Скотина!.. Извините, герр лейтенант, этих попрошаек здесь полно.— Автоматчик отдал мне честь и прошел дальше. Старик медленно ковылял по тротуару, трясая седой головой.

А я знал этого старика. Его звали дядя Фима. Сколько я себя помню, дядя Фима всегда ходил со своей скрипкой по базарам и играл один и тот же мотив — гоп, кума, не журыся... Собирал он мало, дядя Фима почему-то слыл пьяницей и поэтому ему не подавали — все равно пропьет... Только мы, мальчишки, знали, что дядя Фима — добрый и мудрый сказочник, и что жил он вместе с сыном Пашкой, безногим от рождения...

Кортеж автомашин свернул вправо, а я еще стоял, сознавая, что как раз этого и не следует делать. Мало ли какие встречи могут произойти. Нет, мне надо идти на первую явку.

Первая явка... Всего у меня их было три. Сапожник Винокуров на 5-ой Дебрянской улице, торговец Котюков на бывшей Садовой и третий, вернее третья, где-то на Монастырской улице. Третья — в крайнем случае. Когда уже все пойдет прахом.

Я направился к Винокурову. Я знал — надо пройти три дома от угла по левой стороне, затем войти во двор, отыскать флигель и, постучав в дверь, сказать: «Завтра придет Иван...» Мне должны ответить: «А почему один!..»

Я так и сделал. Перешел Окский мост, свернул направо и через несколько минут был уже в небольшом дворике, со всех сторон огражденном частоколом палисадников.

Флигель — старый, с облупившейся краской домик, я увидел сразу. Окна — перекрещенные пожелтевшими бумажными лентами,— до половины заиндевели, кое-где вместо стекол и рамы были вставлены фанерки.

Я постучал тихонько и отступил на шаг, бегло осмотревшись по сторонам. Во дворе никого не было.

Прошло несколько минут. Я вновь постучал — требовательнее, настойчивее. Мне не ответили. Лишь где-то в глубине дома раздался чей-то голос. Тогда я тронул скобу двери — и она со скрипом распахнулась. Готовый ко всему, я переступил порог, прошел почти на ощупь темные сени и толкнул вторую дверь.

— Кто?..

Женский голос, очень слабый и встревоженный, шел из темного угла, отделенного застиранной ситцевой занавеской. Я сказал:

— Завтра придет Иван...

В ответ раздался всхлип, что-то зашуршало, занавеска откинулась, и я увидел бледное женское лицо с лихорадочно горящими глазами.

— Господи!.. Да что вам от нас нужно!.. Ведь сами его взяли, что ж у меня спрашивать!.. Изверги, лучше б меня убили сразу, чем так мучить!..

Слова, которые я уже был готов произнести, замерли на моих губах. Явка провалена — вот что мгновенно понял я,

Женщина зарыдала, к ее голосу присоединился детский — слабый, дрожащий, от которого я похолодел,

— Мне нужен сапожник,— принудив себя, сказал я,— Он обещал сшить сапоги.

— Господин немец, он теперь никому ничего не сошьет. 0 гестапо разве шьют!.. — Женщина вновь всхлинула.— Третий день ни слуху, ни духу от мужечки... — Так она и сказала — от мужечки.— Вы же офицер немецкий, вы должны знать.— Она уже говорила без слез. Между тем детский плач продолжался, и я отступил к двери.

— Тогда простите. Надеюсь, это недоразумение.— Я толкнул дверь и вышел, торопясь покинуть это холодное помещение со спертым запахом плесени и кожи.

Немедленно уходить! Винокуров взят гестапо, за квартирой его наверняка следят. Но немедленно я уйти не мог, мне следовало разыграть спектакль. Взглядом я обшарил двор и вдруг увидел очень пожилого мужчину, глядевшего на меня из дверей противоположного дома.

— Сюда! — приказал я старику по-немецки и топнул ногой. — Шнелль, руссише швайн!..

Старик выбежал из дверей и приблизился, угодливо кивая головой в лисьей шапке.

— Куда делся этот, как его... Финокуроф! — ломая речь, спросил я старика.— Я был в отпуск, говорил шить сапог,— я поднял ногу,— а его найн.

— Господин офицер, сцапали Винокурова. Шпионом оказался, значит, сцапали.— Старик ерзал на месте, трясая козлиной бородкой.— Коммунист он, господин офицер. Розумеете. Его и еще двоих разом господа из гестапо взяли. Хитрюга был, не приведи бог, да вот и попался. Уж сколь раз я примечал — неладное у Винокуровых. Чужие люди бывали-с!..

— Вас ист — чужие люди! — я сделал свирепое лицо.

— Ну, эти, как их... Ну, красные, значит, русские разведчики, господин офицер!.. — Старик явно запаниковал из-за моей недогадливости.— Но будьте спокойны — Егор Флегонтов помнит наказ господина Кюнеберга. Ужо я пригляжу за домиком-то. Ежели что — сообщу, как уговорились!

— Прекрасно! — Я понял, с кем говорю.— Держите ухо, как это говорят — востро. До свиданья, господин Флагонтоф!

Шагая прочь от маленького дворика, я приказывал себе успокоиться. Неудача не обескуражила меня. Но я вспоминал блудливые глаза Флегонтова — и гнев душил меня. Вот эта сволочь и выдала, наверно, безвестного мне Винокурова, Боже мой, сколько же у нас,

оказывается, жило гадов, тихих, смирных до поры!.. Жили рядом с нами, дышали тем же воздухом, ели тот же хлеб — и таили камень за пазухой!..

Прости меня, Винокуров, за то, что я появился перед твоей женой и ребенком вот так, в образе сукина сына, фашиста, и ни словом, ни делом не помог твоим близким в труднейшую минуту. Прости, это ведь не в моей власти!..

Я несколько успокоился. Надо искать вторую явку. А если и там провал!.. Если там тоже похозайничал какой-нибудь Кюнеберг?..

Я решил миновать центр города и направился к Садовой кратчайшим путем, по Чекистской улице, выходявшей к закованной в лед Оке. Когда-то, в бытность мальчишкой, я в этих местах с удочкой просиживал летние вечера на старой плотине. Пока я шел, воспоминания охватили меня. Я живо представил себе журчанье теплых, пронизанных солнцем, струй, вечный водоворот кипящей воды у черных, покрытых скользким зеленым мхом столбов, застывши)! с удилищами а руках рыболовов и ласковее синее небо, отражающееся в покойном зеркале реки... Как это давно было! Да и было ли!..

Снег скрипел под моими ногами. Вдоль реки, мимо левого крутобережья с частоколом старых лип и кленов городского сада, летел студеный ветер и рвал палы моей шинели. Уже смеркалось, солнце давно спряталось за тучами, но над Лукашовой горой с каменными развалинами бывшего городского телеграфа еще багрово светилось небо, и силуэт Проваленовой башни словно грозил мне черным пальцем.

Едва я поднялся к этой башке, патруль из двух солдат и обер-ефрейтора остановил меня. Сделав безучастным лицо, я двумя пальцами предъявил им пропуск. Обер-ефрейтор взял под козырек и щелкнул каблуками. Путь был свободен.

Дом, который был миг нужен, находился почти на самом берегу Сухоречицы — мелкой, пересыхающей в жаркие годы, речонки. Был он из красного кирпича, довольно обширным, в два этажа — старинный купеческий дом.

Я окликнул женщину, которая медленно шла по тропинке между сугробами с двумя ведрами воды.

— Айн момент, фрау... Господина Котюкова где можно искать!..

Женщина, не повернув голову, жестом указала на вход справа, Я закурил и, подождав, когда она исчезла в дверях, постучал.

— Кто! — звучный мужской голос, ответивший на стук, почему-то сразу меня обрадовал.

— Завтра придет Иван...— негромко ответил я.

Пароль был принят. Дверь открылась, и я вошел в дом.

Хозяин — чернобородый крепыш с длинными жилистыми руками — провел меня в большую, обставленную старомодной мебелью, комнату.

— А я ждал, ждал... — Чернобородый махнул рукой.— Давайте познакомимся — Петр Лукич Котюков — торговец антикварной мебелью, иконами и прочим.

— Вальтер Браун. Котюков блеснул глазами.

— Хорошо, Вальтер Браун. Что там у вас! Как Москва? И вообще, что нового!..

Я начал говорить. Несмотря на то, что я уже двое суток не имел представления о том, что происходило на фронтах, мои устарелые сведения были выслушаны Чернобородым с интересом.

— Спасибо, Браун,— Чернобородый усмехнулся.— Спасибо за вести. А теперь слушайте. Группа Смолякова, с которой вы должны были действовать, попала в гестапо. Сам Смоляное ушел, но куда — неизвестно... Их захватили у сапожника Винокурова. Кто выдал — не знаю, но подозреваю — кто-то из здешних, может быть, из соседей. О провале сообщить не смог — отказала рация. Причем, в самый последний момент. Только вышел на передачу — и все...

Я молчал. Это усложняло мою задачу. Группа Смолякова должна была собрать всю информацию о строящейся под Окском авиабазе, о сосредоточении новых штабов противника в городе.

— Очень трудно работать, Браун,— Котюков почесал бороду.— Гестапо, абвер ликвидировали многих наших людей. Народ еще малоопытный, а тут провокации и прочее,.. Особенным нюхом обладает некий Кюнеберг.

— Кто такой!

— По фамилии он немец. Однако самый что ни на есть русский, Более того,— местный. В Окске он появился вместе с немцами. Кстати, они привезли с собой немало таких подонков — бургомистра, начальника уголовной полиции, тоже местного, кучу следователей-переводчиков, полицаев... Вербуют здешнее жулье. Кроме того, сдается мне, в городе сидело несколько отлично законспирированных немецких агентов. С их помощью гестапо в первые же недели после захвата города арестовало сотни патриотов. Сейчас обстановка такова, что мы не можем положиться на подполье. Подпольные группы разобщены, очень малочисленны и занимаются в основном расклейкой листовок, да мелким саботажем...

Чернобородый отлично знал обстановку, сложившуюся в городе. После часового разговора я узнал очень многое, и прямо скажу — радоваться не приходилось. Самым основным было то, что теперь я был обречен на бездействие, пока Чернобородый не установит связи с центром, и оттуда не последуют дальнейшие указания.

Когда я коротко поведал Котюкову обо всем, что со мной произошло в пути от Дебрянска, он ничему не удивился. Пощипывая бороду, он вздохнул.

— То ли еще придется повидать... Свирепствуют, сволочи... Но, как же быть с вами!.. Вот что, воспользуйтесь советом писаря, отправляйтесь на постой к фольксдойчам — и вживайтесь. Там видно будет, что и как. Сюда не ходите. Соседи ненадежны. Со мной связь держите лучше на базаре. Там у меня лавчонка есть, вы — покупатель, я — торговец, подозрений наши встречи не вызовут. У меня десятки немецких офицеров клиентами стали. И вообще, сейчас полгорода торговлей занимается — единственное занятие, которое пользуется одобрением местных властей — оно доход им приносит. И — еще одно: много ли здесь людей, которые могут вас опознать в лицо!

Я пожал плечами. По существу прошло почти полтора года, как я оставил Окск. За те четыре с лишним недели перед началом войны, которые я вновь провел в Окско, вряд ли кто мог меня зеламенить. Не,, В жизни вываэт всякое,

— Мда...— Чернобородый задумчиво посмотрел на меня.— Я ведь эту бутафорию,— он тронут бороду,— для камуфляжа ношу.

Я засмеялся и пощипал своей коротенькие усики, отросшие за последний месяц.

— Я — тоже.

— Ну, ладно. Однако в случае нежелательного знакомства действуйте смело. У меня уже был такой случай. Пришлось убрать... Сволочь, знал меня еще по раскулачиванию. Бывший кулачок, полицейский из так называемого русского гестапо. Запомнил так, что и борода не помогла. Кстати, контрразведкой здесь занимаются не только гестапо и абвергруппа сто пятнадцать, ко и городская полиция. Сейчас там появился новый начальник, я о нем уже говорил. Он на днях отправился в Дебрянск к какому-то немецкому шефу, очевидно, за инструкциями. Сволочь порядочная, фамилия его Кукин...

— Кукин!! — я не сдержал изумленного возгласа.— Михаил Иванович!

— Да... Что, вы знакомы! — теперь удивился мой собеседник. Я рассказал о своем спутнике, и Чернобородый усмехнулся.

— Действительно, встреча. А знаете, кто такой Кукин!

— Нет, Не представляю,.. Хотя помню его еще по довоенным временам.

— Это сын купца второй гильдии Ивана Кукина. До революции отец имел три лавки и трактир, торговал кожей и конской сбруей. Махровый черносотенец, за верную службу был пожалован высочайшей монаршей милостью дворянским званием... В двадцать третьем году проходил в ГПУ за антисоветские действия, был репрессирован и отсидел четыре года. Затем вновь открыл мелочную лавку, попался с краденым товаром и сел

основательно. Умер в заключении. Сын же, Михаил, ваш знакомый, вел себя лояльно, но, естественно, настроен был соответствующим образом. Кончил в свое время коммерческое училище, при нэпе увлекался казино и девочками, а когда остался один — служил бухгалтером в губсовнархозе, затем — в «Главмуке». Будучи главбухом, полей под суд за махинации с каким-то имуществом, пустил кажется, что-то налево... В тридцать девятом году отбывал наказание и вот теперь объявился у нас... Поскольку еще в прежние годы, как вы сами заметили, был связан с немцами, надо думать, что они его использовали как агента... Теперь понятно, с помощью кого Кукин стал начальником полиции. Кстати, в органах немецкой службы безопасности и в штате при гебитскомиссаре Окска имеется несколько человек, работавших в Омске в качестве инспектов еще в тридцатые годы. Бот так, Ленька Громов! Глядишь и встретишь кого-нибудь из старых знакомых. Держись, брат!..

— Что же,— Котюков встал,— будем считать, что вы поступи-пи а мое распоряжение до особых указаний из центра. Поэтому я еще раз повторяю — вживайтесь, присматривайтесь, знакомьтесь с полезными для нас людьми. Для будущего это главное. Если получите разведданные — встречаемся на базаре. Без особой нужды сюда не приходите. Мы вас найдем сами, если потребуется... Пароли - вот... — Он наклонился и нацарапал на бумажке несколько слов.— Запомните,— Когда я их прочел, Котюков сжег бумажку на пламени керосиновой лампы.

Я встал, и мы распрощались. Он проводил меня до самого порога и вдруг остановил:

— У вас как с деньгами!

— Есть. Достаточно.

— Тратьте, не скупитесь. Немецкие офицеры оккупационных марок не жалеют. Не хватит — мы подбросим...

Шагая от Чернобородого, я чувствовал себя гораздо увереннее. Я не один. «Мы» — сказано им не случайно.

и опять направился к заказанной в лед Оке. Улицы были пустынные, мел снег, редкие патрули стучали коваными подошвами и кутались в плащ-палатки, надетые поверх шинелей.

— Мерзнете, сволочи,— злорадствовал я,— Это вам не Тироль, не Бавария, Россия прожжет ваши кости. Дай срок, прожжет!..

Перейдя Оку, я вышел на Никитскую — здесь где-то был дом, рекомендованный мне писарем ортс-комендатуры. Глядя на безглазые, молчаливые одноэтажные дома, я прошел вдоль улицы до второго переулка и остановился у крепкого пятистенка под двумя старыми тополями. Дом фольксдойчей. Калитка, скованная полосами железа, была наглухо заперта. Высокий двухметровый забор, плотные ставни не запорах — все говорило о твердой хозяйской руке.

Ну, что ж. Будем устраиваться. Сначала — поесть, потом - спать, спать, спать... На этом кончится первый день в Окске для Вальтера Брауна.

У ФОЛЬКСДОЙЧЕЙ

Для Вальтера Брауна дом фольксдойчей оказался сущей находкой. Хозяева — русский немец Петер и его жена Ангелина оказались и впрямь очень радушными людьми. Рано утром меня ждал горячий кофе с хрустящими, румяными белыми хлебцами, которые хозяйка готовила собственноручно, § доме было полно солений — грибов, огурцов, капусты, и мой рацион оказался на редкость аппетитным. Фрукты, консервированные, моченые, разнообразили мое меню, хозяева явно старались понравиться, и я, как истинный немец, не возражал против этого.

Обед и ужин подавались в мою комнату — светлую, просторную, с тюлевыми занавесями и плотными светонепроницаемыми шторами на окнах. Кровать — широкая, двуспальная, была застлана белоснежным бельем. Первое время я просыпался на ней в поту — я не привык спать на перине, мне было жарко и душно.

Комната была отдельной, войти в нее можно лишь через небольшой коридорчик, в котором имелась еще одна дверь во двор.

Со двора открывался проход на огороды и к садам — здесь ил было множество. Еще мальчишкой я навещался сюда за скороспелками-грушами. Д за огородами — еще одна улица и река. Все здесь мне знакомо, все недалекое прошлое напоминает.

Петер все время возится во дворе, гремит железам. Хозяин он отменный. В его саду — целая водопроводная система с напорной башней — цистерной от старого бензовоза, взгроможденной на четыре прочных столба. Засуха бессильна против Петера.

По роду занятий Петер возчик. В его сарае и сейчас стой? повозка на резиновом ходу — такие дутики с какого-нибудь древнего «бенца». Петер несловоохотлив, все время занят, изредка напивается до чертиков и тогда поет песни на очень скверном немецком языке. Фрау Ангелина люто ругает подвыпившего и поколачивает его — это я сам видел. Вообще, хозяйка из того типа женщин, о которых говорят — бой-баба.

Удивительно, что бывает с людьми! Вот ведь русская, а как относится к русским! Что это — искренность или тот же камуфляж!.. Коммунистов Ангелина ненавидит лютой ненавистью, — Всех их вешать надо! — говорит ока, сотрясаясь от злобы.

— А,— машет рукой Петер,— все равно суков не хватит...

Он, кажется, по натуре резонер. А хозяйка полощет косточки всем соседям, причем, накладывает иногда такие вещи, что становится тошно. Черт ее знает, сколько в ней злобы!

Разговаривает Ангелина на полурусском, полунемецком языках, Я делаю вид, что не понимаю русских слов, и тогда она переходит целиком на немецкий.

Вальтер Браун не позволяет Ангелине фамильярничать, старается иногда подчеркнуть свое превосходство перед фольксдойч, а Ленька Громов подбивает его на большее — ему противна эта лебезящая и клянущая всех и вся толстая баба с жирным задом, хитрющая, подобно старой лисе. Но Браун все-таки помнит, что эти люди — фольксдойч и потому снисходит до частных разговоров.

Я убежден — именно такой сорт людей может верой и правдой служить кому угодно. Любая власть, лишь бы хорошо было пузу, и в мошне денежки шевелились. Кстати, Ангелина однажды поведала мне о том, как Петер сообразил, что делать с винтовкой на поле боя. Мобилизованный в июле сорок первого, он августе утопил винтовку в какой-то речонке и, подняв руки, пошел к своим братьям по крови.

Чувствуя, что все-таки это не ее заслуга перед фатерляндом, Ангелина переходит на шепот:

— А я, господин Браун, двух-то бандитов подвела... Два партизана, понимаете, осенью у нас в огородах от жандармов спрятались между ботвой. А я иду себе, ботву стягиваю и — ужас Красные... Я сразу поняла, что к чему, и назад. Один стонет, видно ранен, пить просит, а товарищ его — тише, тише говорит... Женщина я слабая, не вооруженная, что я с бандитами могу поделаться. Но, сообразила — брык с ног и давай на помощь звать, дескать, ногу свихнула... Ну, на шум вместе с Петером и жандармы явились... Сцапали прохвостов, чтоб они живьем сгорели!..

Будь я Ленькой Громовым — клянусь, мой парабеллум ответно бы Филипповне так, как следовало. Но в светлой и теплой комнате сидел Вальтер Браун, парашютист, у которого была даже медаль за военные заслуги, и он по достоинству оценил признание патриотки райха. Полуприкрыв веками глаза, он снисходительно сказал: гут, гут,— и поднял граненый стаканчик шнапса:

— За ваше здоровье, фрау Ангелина!..

Вот так я и живу с фольксдойчами. С Чернобородым я виделся лишь один раз и то случайно, где-то около торговых рядов. Мы прошли мимо, словно совершенно незнакомые. Но спокойный взгляд темных глаз Конюкова я понял - все в порядке, все идет нормально.

Впрочем, это с точки зрения Конюкова. А я не считаю свое положение нормальным. Время идет, а дела мои не подвинулись ни на йоту.

Юго-западнее Омска расположена крупная авиационная база — это моя цели, то, ради чего я и появился здесь. База, которая усиленно расширяется немцами, снабжает все авиационные

соединения, состоящие в основном из бомбардировщиков.

Ежедневно эскадрильи «юнкерсов» и «хейнкелей» поднимаются со своих аэродромов, пересекают пинию фронта и сыплют бомбы на головы наших солдат. А я ничего не могу сделать, чтобы помешать этому. База охраняется тройным кордоном постов, все подступы к ней перекрыты. Мои попытки ни к чему не привели, так же, как и попытки наших летчиков разбомбить эту базу — немцы умело замаскировали ее, прикрыли многослойным зенитным «гнем. Не зная расположения складов, ликвидировать их — задача архинелегкая. Вот и бьюсь я, как рыба об лед, нащупывая ту дверцу, которая позволила бы мне проникнуть за тройное оцепление авиабазы. Я мог бы рискнуть, но мне приказано действовать только наверняка. Надо искать людей, немцев, через посредство которых можно достичь цели. Котюков, занятый другими делами, пытается помочь мне, но и он пока не в состоянии сделать что-либо существенное,

Я теперь ежедневно хожу в офицерский клуб. Он расположен в ресторане на Адольфштрассе, рядом со сквериком, где были повешены четверо за саботаж. В ресторане все пышно, все блистает великолепием, правда, весьма театральным. Люстры, трюмо — из драмтеатра и парикмахерских. Бра редкостной работы, старой бронзы, полированная мебель, кресла, обитые голубым штофом — все с бору да с сосенки, реквизировано из брошенных квартир, учреждений и краеведческого музея.

В ресторанном зале возвышается эстрада с густо-малиновым занавесом — там играет джаз-оркестр, а по вечерам выступают певцы и группа полуголых длинноногих девиц. Девушки рослые, одна в одну, волосы у них протравлены перекисью водорода и высоко взбиты. Особым спросом девушки пользуются у офицеров-фронтовиков, которые здесь проводят свой недолгий отпуск. Сначала девушки поят, затем они уводят гостей на второй этаж.

На втором этаже — отдельные кабинеты и казино. Я бываю чаще в бильярдной, где услужливый невысокий человек с залысинами над лбом любезно предоставляет подвыпившим офицерам возможность сразиться на зеленом поле.

Здесь у меня завязываются неожиданные знакомства. Я делаю солидные ставки и спускаю деньги так, словно в моем распоряжении имперский банк. Это, между прочим, подняло мой авторитет среди завсегдатаев. Они знакомят меня со своими друзьями, по большей части офицерами фронтовых частей. Но меня интересуют летчики. К сожалению, среди них не встречалось ни одного, кто бы соприкасался с авиабазой. Сколько же так будет продолжаться!..

Чернобородый меня утешает. Он доволен теми сведениями, что мне удастся собрать. Центр как будто солидарен с ним. Но я беспокоюсь — срок моего «отпуска» подходит к концу, времени остается мало, а база для меня по-прежнему за семью замками,

— Терпение,— говорит Чернобородый,— еще раз терпение. Повезет обязательно!..

Повезет,.. Странно. Ежели рассчитывать на везение — можно всю войну проторчать в этом ресторане, Но что поделаешь?.. Я подчиняюсь Чернобородому.

За последнюю неделю у меня накопилось немало интересных сведений. Прежде всего я убедился, что под Москвой совершилось такое, чего немцы не ожидали. Однажды я разговорился с капитаном-танкистом, крайне нервным человеком с обожженным лицом и воспаленными глазами.

— Это невероятно,— сказал он, ковыряясь вилкой в тарелке.— Русские дивизии из Сибири опрокинули наши танковые корпуса за считанные дни. Я видел, как это происходило, и мое счастье, что удалось оттуда выбраться... Они молотили нас, как снопы. От моего полка осталось пять машин... Вы представляете!.. Но мы еще им покажем! — капитан дернул лошадиной головой.— Будет лето, и тогда русские побегут за Волгу. Можете не сомневаться, так будет!..

В другой раз я услышал от обер-лейтенанта-эсэсовца нечто, насторожившее меня. Он говорил о гаме, что его часть снята с фронта и переброшена в район Дебрянска для наведения порядка в армейском тылу, где активно начали действовать группы русских партизан. И этот эсэсовец ждал весны, когда карательные части качнут проводить в широком масштабе

акции против партизан.

Из разрозненных сведений, недоговоренных фраз, порой откровенно пьяных разговоров, у меня составила довольно отчетливая картина того, что замышляется в недалеком будущем немецким командованием. Елец, Воронеж и далее — вот направление, по которому пойдут немецкие дивизии и корпуса,

Но не это было моей главной заботой, не за сбором данных появился в Окске Вальтер Браун. База, недоступная база — вот вокруг чего неотвязно вращались мои мысли. И все-таки я не терял надежды. Поэтому я стал особенно интересоваться офицерами-летчиками, которые, надо сказать, появлялись в ресторане нередко и обычно целой компанией.

Что там ни говори, Браун был парашютистом, и это обстоятельство давало мне возможность безбоязненно вступать в контакты с летчиками. Как-никак — родственные души. И все же все эти офицеры «Люфтваффе» ничего не знали об интересующем меня объекте. Мне оставалось только болтать, пить коньяк из узеньких бокальчиков и изображать из себя рубаху-парня, вырвавшегося в тыл и наверстывающего упущенное.

Это легко было сделать лишь на первый взгляд. Меня мутило от спиртного, на второй день я поднимался с больной головой, а вечером все начиналось сначала... В конце концов я научился хитрить — хмелел с первой рюмки, и это спасало меня от перегрузки, ибо те, с кем я встречался, лакали шнапс и коньяк до чертиков.

Говорят, профессия разведчика всегда связана с риском. Если бы не майор Ржавин, я безоговорочно утвердился бы в этом мнении. Но однажды майор высказал несколько неожиданных для меня мыслей.

— Риск! — сказал он и пожал плечами. — Нет. Во всяком случае, разведчик не должен рисковать, если он действительно разведчик.

Поиск наиболее кратчайшего пути и надежного способа достижения цели — вот что служит разведчику верную службу. О качествах чисто психологических я не говорю. Риск допустим как средство в исключительном случае... Например, — да будет тебе известно, Громов, — однажды в камеру Эрнста Тельмана проник — кто бы ты думал — советский журналист Михаил Кольцов... Да, да, автор «Испанского дневника»... — Ржавин чуть улыбнулся, заметив мое откровенное изумление. И повторил: — Коммунист Кольцов встречался и беседовал с вождем немецкого пролетариата, заточенным в Маутхаузене... Конечно, ни у Гимmlера, ни у Кальтенбруннера на эту встречу одобрения не просили... Наша разведка провела операцию так, что ни гестапо, ни служба эсде ни о чем не подозревали, как не подозревают и донныне... Мы нашли высокопоставленного чиновника и, зная его образ мышления, воспользовались возможностями, которыми он располагал. В этом случае риск, конечно, был, но — самый минимальный, обоснованный исключительностью благоприятной ситуации...

То, о чем я услышал, казалось мне тогда невероятным. Увы! Можно лишь сожалеть, что пройдет еще много лет, когда мы сможем узнать имена тех, кто организовал и кто способствовал этой удивительной встрече, о целом ряде других поистине блестящих по исполнению операциях нашей разведки. Тогда уже не будет в живых многих исполнителей, но что поделать. Такова жизнь.

Впрочем, я несколько отклонился от темы. Ржавин учил меня использовать все благоприятные случайности.

— Случай может быть и союзником, и врагом, — говорил он, — Иногда долгая и кропотливая работа срывается самым неожиданным образом и в самый критический момент по вине его сиятельства случая. Вместе с тем случай может служить подобно катализатору. Тогда он становится великолепным средством достижения цели. Нельзя упускать благоприятный момент, ситуацию, вы годное положение. Надо правильно оценить представившийся случай, выбрать удобный момент и — действовать со всей решительностью... Вообще-то от этого зависит успех всякого дела.

Конечно, я хоть и запомнил слова Ржавима, но, признаюсь, очень смутно представлял себе, как это может выглядеть в действительности.

— Но бывает, — говорил далее майор, — случайности-враги происходят лишь по той причине, что когда-то и где-то были допущены досадные ошибки или просчеты. В тридцать седьмом году в Германию были заброшены два антифашиста из числа бывших шуцбундовцев. Буквально на второй день их неожиданно схватили и расстреляли, хотя гестапо не имело абсолютно никаких данных об их деятельности... Роковую роль сыграл, казалось, случай: одновременно с шуцбундовцами из нашей страны возвратился немецкий инженер, тайный сотрудник ведомства Гимmlера, который встречал шуцбундовцев еще в тридцать пятом году на заводских митингах. Увидев их в Берлине, он тотчас сообщил в гестапо о своих знакомых, и судьба товарищей была решена... Истинная же причина провала — недосмотр органов, ведавших заграничными визами: стоило лишь задержать выезд инженера за рубеж — и антифашисты законспирировались бы, избежали провала. Вот так, ефрейтор Громов... Мозгами шевелить надо!..

Да, майор был прав. Мозгами надо было шевелить. И я шевелил всеми извилинами. К сожалению, путного получалось слишком мало.

Однажды я не выдержал — под благовидным предлогом упросил знакомого гауптмана-интенданта Кольвица подвезти меня в район авиабазы. Был ветреный день, мела легкая метель. Вдали сквозь снежную дымку проглядывали серые строения, когда я, простившись с гауптманом, остался один на широкой, расчищенной грейдером дороге. Первое кольцо охраны я преодолел — мне помог гауптман. Теперь предстояло идти дальше.

Я стоял, раздумывая, повернувшись спиной к ветру и пытаюсь прикурить сигарету от зажигалки. Шум порывистого ветра заглушал все звуки, и когда я повернулся, в десятке метров от себя увидел патруль.

Два солдата и фельдфебель направлялись ко мне.

Черт бы их побрал, теперь надо выпутываться.

— Господин лейтенант, предъявите документы! — фельдфебель четко пристукнул каблуками.

Отвернувшись от секущего ветра, он прочел мое удостоверение и, не возвращая его, потребовал:

— Пропуск!

Я показал ему зеленый квадратик, однако фельдфебель с какой-то неуловимой усмешкой покачал головой и вдруг сказал:

— Следуйте за мной, господин лейтенант!

Автоматчики следили за каждым моим движением. Фельдфебель спрятал документы и сделал нетерпеливый жест рукой.

— Прошу вас!

Так мы и зашагали — фельдфебель, я и за мной один из автоматчиков. Второй остался на дороге.

Через несколько минут я очутился в бревенчатом домике, жарко натопленном и разделенном надвое фанерной некрашеной перегородкой. Фельдфебель скрылся на минуту во второй половине, а я присел на скамью, стоящую у самого входа. Несколько солдат из караула, гревшиеся чаем за выскобленным столом, посмотрели на меня с нескрываемым любопытством.

Из узкого проема, ведущего во вторую половину дома, показалось красное лицо фельдфебеля.

— Пройдите сюда, господин лейтенант!

Я сделал несколько шагов и очутился перед письменным столом, за которым стоял невысокий обер-лейтенант в одном мундире и без головного убора.

— Обер-лейтенант Винер! — назвал он себя и указал рукой на стул, — Садитесь!

Мои документы лежали на столе. Я сел и, не ожидая вопросов, заговорил:

— Произошло небольшое недоразумение, обер-лейтенант. Я ехал с гауптмайом Копытцем в машине по личным делам, так сказать. Я изобразил на своем лице игривость. — И вдруг вспомнил, что мне необходимо быть в клубе в пятнадцать ноль-ноль. Понимаете,

деловая встреча за бильярдным столом... Естественно, пришлось распрощаться с Кольшем и ждать попутной машины в Окск. А тут ваши парни... — Я кивнул на фельдфебеля.— Впрочем, я рад случаю познакомиться с вами. Надеюсь на будущую встречу в другой, более приятной обстановке...

Обер-лейтенант бесстрастно выслушал мой монолог и разжал сухие губы:

— Вы знаете, где находитесь! Посторонним лицам вход на территорию зоны категорически воспрещен. Вы — лицо постороннее. Я буду вынужден направить вас к майору Швангеру, коменданту охраны...

«Ах, черт бы тебя подрал, тонкогубый сухарь! Ну, хорошо, попробую с другого донца».

— Повторяю, обер-лейтенант: мне необходимо тотчас же выехать в Окск. Какого дьявола вы придираетесь!

— Я действую в соответствии с инструкциями, лейтенант.— Винер по-прежнему был невозмутим...

— Ну, знаете...— Я благородно вознегодовал.— Вы за инструкциями можете, в конце концов, разглядеть, кто перед вами! Наденьте очки!— Я действительно разозлился.

Винер сел и, словно слушаясь, надел очки, отчего сразу стал похож на старую сову. Придвинув к себе документы, он вновь перечитал их.

— Господа парашютисты никогда не отличались вежливостью.— Винер посмотрел на меня снизу вверх, ожидая возражений.— Вы согласны!.. — Он явно подчеркивал превосходство своего положения.

— Послушайте, обер-лейтенант... — Я заговорил миролюбиво — иное мне не оставалось,— в самом деле, я опаздываю. Не будь этого — я тотчас бы отправился к вашему, как его — Швангеру. Поймите — вопрос офицерской чести...

Винер неожиданно подобрел. Он, видимо, удовлетворился тем, что все-таки поставил на место этого выскочку-парашютиста.

— Кольвиц... Это не из управления генерала Гаманна! — Винер наморщил лоб, ожидая ответ.

— Нет. Кольвиц — начальник отдела штаба пятого танкового корпуса.

— А! — Винер протянул руку к телефону.— Алло!.. Дайте шесть двадцать шесть!.. Вас беспокоит обер-лейтенант Винер, караульный начальник второй охранной зоны. Мне нужен гауптман Кольвиц... Да, соедините!

Винер говорил, как машина,— ровным голосом, лишенным живых интонаций. Он, оказывается, был не так прост и прямолинеен. Ну что ж, пусть звонит. За Кольвица я спокоен. Гауптману я действительно сказал, что мне необходимо будет возвратиться в Омск. Лишь бы Кольвиц оказался на месте!..

Кольвиц был уже на месте, но не в штабе, а на квартире. Винер говорил с ним недолго и, опустив трубку, молча придвинул ко мне документы, предварительно что-то списав с них.

— Вы свободны! — Винер вновь поднялся за столом и холодным взглядом посмотрел на меня.— В будущем рекомендую не забывать о деловых встречах!..

Я с облегчением козырнул Винеру и заторопился вон из жаркого домика. Пронесло! А ведь кто знает, как могло повернуться дело там, у коменданта Швангера...

Это явилось мне уроком. Я отказался от подобных попыток и целиком переключился на офицерский клуб.

У меня было излюбленное место — второй стол от эстрады, между окном и пальмой, осенявшей этот уголок ресторана. Отсюда я мог видеть весь зал и входную дверь, а также проход, ведущий в бильярдную.

Выл самый канун Нового года. Высокая елка блестела сусальным золотом и серебром побрякушек, джаз наигрывал попури из оперетт, надушенные щеголеватые гости в новеньких мундирах угощали своих дам и громко обсуждали достоинства марочных французских вин, а я сидел на своем месте в одиночестве над бутылкой вермута и поглядывал по сторонам.

Неожиданно дверь распахнулась, и в зал вошла небольшая компания из трех человек — двух офицеров и темноволосой, очень красивой девушки. Сначала я не обратил на вошедших внимания.

Трое оглянулись и услужливый метрдотель тотчас пригласил их к моему столику. Я поднял глаза на подошедших и... невольно встал.

Я узнал девушку. Это была Галка, Галя, та самая, подруга Саши... Но это еще не все. Обер-лейтенант, который вел Галю под руку, вдруг воскликнул:

— О, какая встреча!.. Рад вас видеть! Нет, вы понимаете, какая встреча! — Он протянул мне руку, и я узнал Крайзера, немца, с которым ехал осенней ночью в машине под конвоем светловолосого сержанта-разведчика...

Я смог лишь пробормотать что-то невразумительное. Крайзер усадил Галю и вновь заговорил, обращаясь к своему спутнику:

— Нет, Франц, это потрясающе! Новогодний сюрприз! С господином Брауном мы в начале октября влипли в такую драматическую ситуацию, что, ей-богу, об этом стоит рассказать. Но сначала выпьем за встречу. Метрдотель!..

Господин Франц приветливо улыбался, Галя искоса смотрела на меня, щеки ее пунцовели, а я усиленно изображал интеллигентного прусского ублюдка, чуть хмельного и чопорного...

Пока официант сервировал стол, Крайзер в нескольких словах поведал историю нашего знакомства.

— Я дал тягу и очень удачно, господин Франц, хотя рисковал многим. Впрочем, риск — удел работников абвера, не так ли! А господин Браун остался в кузове. Откровенно говоря, я счел, что ему не повезло. И вот — он перед нами. Жив и невредим!

— О, нет! — я усмехнулся. - Не случись контузии — вряд ли мы с вами теперь встретились бы, господин Крайзер. Но тогда мне действительно повезло. Мне удалось пристрелить одного русского и благополучно уйти... — Говоря так, я думал о другом. Узнала меня Галя, или нет!.. А если узнала — что будет дальше! Думая так, я продолжал: — Затем я возвратился в часть, дважды побывал в русском тылу, последний раз не очень удачно — и вот я здесь. Так сказать, на вынужденном отдыхе...

Крайзер утвердительно кивая, разливая вино, а Франц безмолвно слушал, изредка поглядывая на меня из-под очков в аккуратной золоченой оправе.

— Ну-с, господа... за встречу! Прозит!.. — Крайзер поднял бокал, и мы чокнулись. Нервы мои были напряжены до предела, кровь стучала в висках. Черт побери, как некстати эта совершенно непредусмотренная встреча!..

Когда мой бокал звякнул о бокал Гали, в ее глазах мелькнул знакомый мне огонек и тотчас погас.

Мы выпили, и Крайзер напил еще. Галя отодвинула бокал и, извинившись, встала и направилась в сторону бильярдной.

— Красивая девушка, — сказал я Крайзеру. — Кто она!..

— О, фроляйн, действительно, красивая, — ответил Крайзер, закуривая сигарету. — Это Галя, она работает у господина Франца. Наш визави — инженер и нуждается в способных работниках. Галя — отличный секретарь, не правда ли, Франц! — он шутливо толкнул Франца.

Инженер кивнул:

— Очень исполнительна, а главное — весьма обаятельна. Это — немаловажно в работе с нашей клиентурой.

Я пожал плечами.

— Да. Но... все-таки русская...

— О, господин парашютист может быть уверен — эта девушка вне подозрений. Обер-лейтенант абвергруппы сто пятнадцать Густав Крайзер может это засвидетельствовать, — Крайзер наклонил голову. — Она сотрудничает с нами превосходно. Правда, жаль, что она в более тесной дружбе с одним русским... Так, господин Франц!..

— Да. Хотя господин Кюнеберг при всех его заслугах и способностях приносит Германии

большую пользу, но здесь, он, боюсь, может экспроприировать произведение искусства, принадлежащее райяу.— Франц слегка улыбнулся,— А, ват и она!.. Галя, вы знаете, о ком мы говорим! О Ккгнсверге. Кстати, как его здоровье! И почему он сегодня на здесь!

— Франц, вы же знаете,..— Галя засмеялась.— Николь горит на работе. Но, честнее слово, от этого я сейчас чувствую себя здесь свободным человеком, тем более в этот чудесный новогодний вечер, с такими прекрасными кавалерами... Мне завидуют... — Она небрежно кивнула в глубь зала, где за столиками сидела компания размалеванных девиц.— Между прочим, Франц, я сейчас звонила на базу и просила подать машину к двум часам ночи.

— О, вы как всегда предусмотрительны! — Франц галантно поклонился: — Предлагаю тост: за хорошеньких женщин!..

Так, Ленька Громов, смекаешь!.. Франц — инженер. Галя говорит о базе... Неужели!..

Музыканты заиграли танго. Тотчас за столиками начали подниматься пары, и через минуту свободное место в зале заполнилось танцующими.

Галя смотрела на меня. Я поставил недопитый бокал и повернулся к Францу.

— Разрешите пригласить вашего секретаря!

— О, битте!.. Пожалуйста, господин Браун. А мы с Крайзером позлословим.— Франц сделал церемонный полупоклон.

Мы вышли из-за столика, я подал Гале руку и повел ее.

Что ж, Громов, все правильно. Надо атаковать первому. Чтобы была полная ясность. Я вспомнил Чернобородова. Он прав — действовать необходимо решительно.

Мы танцевали, Галя изредка вскидывала на меня темно-карие глаза, легкая полуулыбка трогала ее полные губы.

— Вы мне напоминаете одного человека,— вдруг сказала она.— Пожалуйста, не смотрите на меня так пристально... Мне неудобно.

— Виноват, фроляйн... Кого именно я вам напоминаю!

— Мальчика из детства, господин Браун... Но это, конечно, глупо. Детство ушло, мальчик вырос, стал мужчиной, его теперь вряд ли узнаешь,— Галя опять улыбнулась.— И вдруг добавила шепотом:

— Между прочим, он танцует все так же неважно...

— Фроляйн,— сказал я,— тдз мы сможем поговорить; Баз посторонних! — Конечно, она меня узнала. Узнала сразу, едва увидев меня.

— Господин Браун, здесь это невозможно.— Галя сдвинула брови.

— Где же!

— Только не здесь... Посмотрите направо... Вот, где женщина в голубом. Ее сосед — сотрудник гестапо. А рядом с нашим столиком видите полного майора? Это начальник первого отдела гауляйфельдполицай. — Галя по-прежнему говорила шепотом, спокойно и с иронией посматривала на меня.— Надеюсь, господин Браун меня поаял!..

— Да... — Я сжал ее руку.

— Впрочем...— Галя хотела сказать еще что-то, но музыка оборвалась.— Идемте за стоп, будем пить.— Что-то зазвенело в ее голосе.

— Напивайте, Франц! — подходя к столу, потребовала она,— Я хочу быть самой веселой!..

— О, восхитительно! — Франц просиял и добавил: — Вы, господин Браун, чародей!..

Крайзер тоже одобрительно смотрел на меня и потирал руки.

— Господа, за новое счастье в новом году! — Галя подняла бокал.— Пьем!.. — и чокнулась со мной.— Франц, с вами тоже! Мы с вами, Крайзер!

— Вальтер, давайте еще! Франц, пожалуйста, коньяк, хватит пить кислушку! — Галя командовала нами и говорила без умолку. В сплошном шуме звуки оркестра были чуть слышны. Смех, пение, звон стекла, чьи-то выкрики — все смешалось.

На сцену вынырнули длинноногие девицы в легкомысленных блестящих костюмах, кто-то

заплодировал, девицы начали какой-то танец с непристойными телодвижениями, отчего по залу прокатился нестройный хор восхищенных мужских голосов. Затем девицы остались в одних трусиках, сбросив то, что с трудом можно было назвать юбочками. Какой-то огромный летчик с перевязанным лбом не выдержал и бросился на эстраду, за ним последовала целая группа пьяных офицеров. Начался хаос, на эстраде девицы повизгивали, мужчины вместе с ними отплясывали под гнусавые звуки саксофонов.

— Бедлам,— вдруг сказал Франц,— Шабаш валькирий.

Я не заметил, как около стола появился официант и передал записку Крайзеру. А когда он отошел — я увидел, что абверовец стал совершенно трезвым. Что-то, шепнув Францу, он встал, одернул китель и произнес, обращаясь ко мне:

— Прощу прощенья... Вынужден оставить вас. Служба. Надеюсь, мы с вами еще увидимся. Желаю счастливо встретить новый год, до свиданья! — и круто повернувшись, Крайзер твердыми шагами направился к выходу.

Галя проводила его взглядом и подняла бокал.

— Наши рады поредели,— сказала она,— но мы устоим, верно, Франц!..

Инженер качнул головой. Он был уже «тепленький» и с ухмылкой глазел на эстраду.

— Садитесь ближе, Вальтер... — Галя сама придвинулась ко мне.— Я же «е буду кусаться.— Она засмеялась, однако тотчас умолкла и сказала:

— Я удаляюсь, господа. На одну минуту,— Она встала и пошла, ловко лавируя между танцующими парами, к столику, за которым сидели девушки.

— Штучка? — инженер многозначительно подмигнул мне,— А вам везет, лейтенант!

— Я не люблю вещей, бывших в употреблении, господин Франц,— холодно ответил я,— Мое воспитание было несколько иным... Чистота арийской расы...

— О, понимаю! Но вы излишне щепетильны, Вальтер. В этой проклятой стране истинный немец может иногда пренебречь условностями... Кстати, откуда вы родом, Вальтер!

— Я пруссак. Родился в Кенигсберге, там и провел детство.

— О, тогда мне понятна ваша щепетильность. Восточная Пруссия — цитадель немецкой морали.

— Я ведь около трех лет прожил в этом чудесном городе.— Франц казался искренне довольным.— Слушайте, Вальтер... А что, «если мы удалимся отсюда, а!.. Туда! — он ткнул вверх пальцем.— Здесь, по-моему, слишком весело.

— А Галя!

— В конце концов, я ее шеф, Вальтер. Ну, как! — Что же, я не возражаю, здесь действительно слишком шумно.

— Я пойду, распорядюсь.— Франц встал и побрел к лестнице, ведущей на второй этаж.

Я остался один. Я лихорадочно думал, взвешивая все, что произошло в этот вечер. Галя меня узнала. В моем положении это почти провал. Сейчас представлялась возможность избежать его. Стоило встать и покинуть этот зал — и Вальтер Браун исчез бы. Однако что-то в поведении Гали внушало мне иное. В конце концов, она могла бы шепнуть лишь одно слово этому абверовцу Крайзеру — и... Она не сделала этого. Кроме того, Франц был как раз тем человеком, ради которого я, в общем-то, и торчал все это время в ресторане. Нет, я не мог упустить такую возможность. Я знал — иногда невзначай удается то, чего не добьешься ценой многих сил и времени. Что ж, будь хитрее, Громов.

Неожиданно мысли мои прервались. Где-то забухали пушки. Гул выстрелов обвалом потряс здание, и шум в зале мгновенно оборвался. Сотни тревожных глаз уставились на расписанный потолок, словно пытаясь что-то увидеть сквозь перекрытия!

Где-то гулко ахнуло раз, другой, третий — рвались бомбы.

Побледневшие офицеры с испуганными дамами ринулись прочь от окон, в которых звенели и дребезжали стекла.

— Господа, спокойно! — высокий майор в зимней шинели, появившийся в дверях, поднял руку.— Бездушный налет. Русские бомбят район вокзала. Непосредственной

опасности для присутствующих кет. Однако рекомендую спуститься в убежище. Спокойно, господа офицеры, прошу соблюдать порядок!

Через две минуты зал опустел и погрузился в полумрак. Я оставался на месте, кроме меня за стоянками сидело несколько человек. Вероятно, они уже бывали в подобных переплетах. Затем появилась женская фигура, быстро пересекла зал, и я узнал Галю.

— Вальтер, вы здесь!..

— Где же я могу быть!

— Идемте.— Она передернула плечами.— Все-таки страшно.

— Куда!.. Франц...— Я не договорил. Галя перебила меня:

— О, Франц уже в бункере. Мой шеф не любит шума. Идемте!

Мы оставили полутемный зал, поднялись по лестнице и вошли в небольшой кабинет, где стоял сервированный столик.

— Садитесь, Браун.— Галя прислушалась к пальбе зениток и опустилась в мягкое кресло.— Когда это кончится, Франц поднимется к нам.

Ее взгляд скрестился с моим. Опять в глубине ее зрачков загорелись огоньки.

— Неправда пи, необычная встреча!..— после недолгого молчания спросил я, понимая, что пришла та минута, когда решается вопрос — быть или не быть. Игра в прятки кончилась. В ответ на мой вопрос Галя утвердительно кивнула. Прядь волос упала на лоб, прикрыв глаз. Мне почему-то показалось, что лицо Гали вдруг перетянула черная повязка.

— Да... между прочим, в этом мундире и с усиками вы еще симпатичней...— Все это могло бы показаться довольно банальным комплиментом, если бы я не видел выражения лица Гали — оно никак не вязалось со сказанным. Лицо ее посуровело, сделалось жестче. Видимо, она уже была готова к этому разговору.

— Я не знаю, зачем вы здесь... Это меня не интересует. Но... Неужели вы думаете, что немцы глупее вас!..

— Оставим это!.. Кто глупей, кто умней — судить не мне. Вы можете мне помочь!.. Впрочем, не мне, Родине!..

— Нет. Единственно, что я вам искренне советую — исчезните. У абвера и гестапо длинные руки и отличный слух.

— Добавьте — и у Кюнеберга...— Я в упор взглянул на нее.

— Да, и у него! — она вскинула голову.— Вы не ошиблись.

— Хватит.— Я поднялся.— Вы уже сообщили обо мне!

— Нет... Я почему-то вспомнила одну грозовую ночь... Наверно, это и помешало, верней — удержало меня...

— Спасибо... Слушайте, я не спрашиваю, почему вы с ними. В конце концов, ответ за это придется держать не передо мной. Так вот, откровенность за откровенность... Вы работаете на авиабазе. Вы должны мне помочь. И — немедленно, сегодня же... Сейчас десять минут второго. В два придет машина. Вы под любым предлогом забираете меня с собой. Д дальше — я вас не обременю. Вам все ясно!..

— Да...— Галя с каким-то новым выражением посмотрела на меня.— Но это...

— Что это!.. Согласны вы или нет!..

— Браун, вы серьезно!.. Станный человек! Вы понимаете, что не только сами рискуете, но понуждаете к этому и меня! А если я не хочу! Если я тотчас же выдам вас!..

— Видите ли...— Я притронулся к парабеллуму. — Вы этого не избегнете даже в том случае, если выдадите меня...

— А, вы еще угрожаете!! — Галя встала.

— Садитесь. Не угрожаю, а хочу, чтобы это вы приняли к сведению... Вы же взрослый человек.

В дверь неожиданно постучали. Я взглянул на Галю, она вопросительно смотрела на меня. Я отошел в сторону.

— Открывайте.

Галя открыла и пропустила мимо себя громадную фигуру человека в черном мундире эсэс. Я сжимал за своей спиной пистолет.

— Извините, фроляйн... Простите, господин лейтенант. Проверка. Ради формальности.— Эсэсовец скользнул взглядом по мне. — Еще раз извините за вторжение, желаю всего доброго...— Он поднес руку к козырьку и, круто повернувшись, вышел,

Я перевел дыхание. Ф-фу, черт... Пронесло. Когда Галя возвратилась к столу, я сказал:

— Так как же!..

— Подождем Франца...— Галя налила в бокал вина и залпом выпила. — Вот уж, действительно, новогодний сюрприз...

Так, кажется, дело налаживается. Пожалуй, я действовал слишком опрометчиво, на авось. Но что мне оставалось делать!.. Я поднял бокал и отхлебнул.

— Кто такой Кюнеберт!

Галя странно посмотрела на меня.

— Вам не терпится с ним познакомиться! — спросила она.

— Я должен знать, с кем придется иметь дело.

— Вы еще многого, очень многого не знаете, Браун. Но не торопитесь... Кстати, вы и Кюнеберт давно знакомы. Он такой же Кюнеберт, как вы — Браун.

— Что»!

— Да...— Она достала из сумочки карандашик и написала на салфетке по-русски: Кюнеберт.

— Прочтите с конца.

Я бросил взгляд на салфетку — и, не веря, поднял голову. Гребешок. Кюнеберт!.. Никола Гребенюк! Так вот кто был сейчас моим врагом! Гребенюк. Кровь бросилась в мое лицо.

— Он.— Галя закурила сигарету.— Николай Федорович Гребенюк. Хотите, еще раз удивлю!.. Вы помните немца Пауля Шмидта!.. Ну, того, что когда-то жил в одном доме с вами! Так вот...

Он шеф обер-лейтенанта Крайзера, заместитель начальника второго отдела абвергруппы сто пятнадцать... Правда, теперь его фамилия Штейн.

Мне показало», что я впясть в окопе, и возле меня разорвался тяжелый снаряд. Я был ошеломлен.

— Впрочем... Не будем об этом. Сейчас появится Франц. Там уже все кончилось.— Галя встала и, стоя у окна, прислушалась.

Я справился с волнением. Черт подери, мало одного Гребенюка, тут еще и Пауль... Держись, Громов, тучи сгущаются...

В дверь дважды постучали. Галя открыла. На пороге появился Франц. Лицо его вытянулось, еж был явно не в духе и тотчас направился к столу. Налив в фужер коньяк, Франц в два глотка осушил его и сокрушенно сказал:

— Эти русские испортили весь праздник... Понимаете, они разбомбили эшелоны с танками... Масса убитых и раненых. Правда, сбито пять бомбардировщиков русских, но это совсем на эквивалентно! Увы!..

— Сожалею, весьма сожалею! — Я сделал постное лицо и закончил: — Русские еще заплатят за жертвы, принесенные немецкой нацией!

— Да,— Франц махнул рукой,— но я бы взгрел дураков из ПВО. Они, видите ли, тоже отмечали Новый год. А, к черту! Что будем делать, Галя!

— Франц, сейчас придет машина. У меня идея — прихватим господина Брауна и к нам... Там спокойно, и наверняка в руссхаузе праздник в самом разгаре.

— О, фроляйн, идея достойна того, чтобы ее неукоснительно осуществить,— Франц е полупоклоном поцеловал руку Гале. — Едем, Браун! Через полчаса я вас познакомлю со славными девочками. Едем!

— Отлично,— сказал я.— Едем!

ПРАЗДНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мы едем в небольшой машине с очень мягкими сиденьями. Франц, усевшийся рядом с водителем, в начале пути еще каламбурил, но затем оживление его сменилась сонливостью, и он задремал. Я и Галя расположились сзади, в темноте, я ее не вижу, зато чувствую то бедро, то округлый локоть, когда машина подпрыгивает на ухабах.

Мы катили сквозь тьму, голубеющую от блестящего снега, ослепительно-белого, когда по нему бьют сильные лучи фар нашей машины.

Нас несколько раз останавливали заиндевшие патрули. Мельком взглянув на Франца и водителя, они тотчас пропускали машину дальше, не удостоив вниманием нас, сидевших на заднем сиденье. Видимо, Франц здесь — личность известная.

Прошло около четверти часа, когда нас обогнала большая черная машина, на миг осветившая сбоку наши лица светом фар. Через несколько минут она скрылась, но зато через пять или шесть минут мы увидели ее, стоящую возле околицы небольшой деревеньки.

Высокая фигура отделилась от черного корпуса и посигналила красным фонариком. Мы остановились, из машины вышел второй человек, и они фонарями осветили внутрь машины, заставив нас щуриться от резкого света. Что-то негромко спросив у водителя, люди отошли. Мне показалось, что одного из них я уже встречал. Неужели это тот рослый ээсовец, что входил в кабинет!..

Вероятно, прошло еще четверть часа, когда мы подъехали к опушке леса, вдоль которого темнели силуэты строений. Облепленные снегом, здесь стояли бульдозеры, крытые дизельные грузовики и цистерны-бензозаправщики. Все это надежно охранялось многочисленными постами, но наша машина беспрепятственно миновала их и вскоре въехала за изгородь из колючей проволоки, которой было обнесено довольно обширное пространство.

Франц, уже очнувшийся от дремоты, повернулся к нам.

— Я полагаю, вы сразу же отправитесь в руссхауз. И на несколько минут зайду к себе.— Он вышел, хлопнув дверцей, и мы покатали дальше, однако через несколько десятков метров остановились — дорога была запружена тяжелыми семитонными грузовиками.

— Пойдемте пешком,— предложила Галя,— здесь недалеко. Гуго, вы можете ехать в гараж...

Шофер кивнул, и мы вышли из машины. Когда она развернулась, я спросил:

— Что это за колонна?

— Под погрузку...

Эх, сейчас бы хоть тройку мин-прилипал!.. Самоновейшей конструкции, я их видел у Ржавина. Можно было бы сунуть пару таких гостинцев под кузов любого дизельного грузовика. То-то был бы праздничный фейерверк. Но пока эти мины — мечта. Нет, нужно искать другую возможность. И я, скрепя сердце, последовал за Галей — впереди, у складов, пост охраны, которая, несомненно, задержит меня, и тогда обер-лейтенант Винер неукоснительно выполнит все соответствующие случаю параграфы инструкции.

И все-таки я едва сдерживался. Черт возьми, быть у самой цели, чувствовать близость локтя и невозможность его укусить — это взбесит кого угодно.

Сейчас Громов явно просвечивал сквозь оболочку Брауна, и я вовремя спохватился. Надо идти в неведомый руссхауз. Пол-ночи у меня в запасе.

Руссхауз оказался кирпичным двухэтажным домом, принадлежавшим конторе бывшего совхоза — я прочая это на вывеске, сорванной со своего места и валявшейся в сугробе рядом с крыльцом.

Теперь здесь размещалось общежитие сотрудников ведомств: ТОДГ'а, несколько рабочих кабинетов, а первый этаж был превращен не то в клуб, не то в ресторан — так пояснила мне Галя.

Столики и столы разных калибров, смеющиеся лица, звуки музыки, восклицания, хлопанье пробок и шуршанье подошв танцующих... Немецкие мундиры попеременно со штатскими костюмами и народными платьями... Словно нет ни войны, ни смерти. Словно там, в сотне с лишним километров отсюда, не стучат пулеметные очереди, не вздрагивает небо от вспышек выстрелов и разрывов... Здесь танцуют, гам — умирают. Здесь поют — там хрипят от боли. Здесь — тыл. Здесь — спокойствие. Еще бы! Вермахт шитом прикрыл эту базу, этих людей — интендантов, техников, инженеров, дюмц легкого поведения и еще бог весть кого!..

Черт бы вас подрал! Как бы вы запели, узнав, что среди вас сейчас сидит советский разведчик!..

Впрочем, эта мысль пришла мне в голову после того, как Галя распорядилась сервировать один из пустовавших столиков на три персоны, и мы уселись лицом к шумящему залу. Франц появился вскоре после нас, но его кто-то перехватил по дороге, и, несмотря на сопротивление, усадил за стол довольно оживленной, уже изрядно подвыпившей компании офицеров и женщин.

Перебрасываясь с Галей какими-то фразами, я мучительно раздумывал, что же делать дальше. Время шло — медленно, но неумолимо. Я был взвинчен до предела, Галя пользовалась здесь популярностью, ее беспрерывно приглашали танцевать, я оставался один, наедине со своим» мыслями.

Когда окончился очередной фокстрот и Галя возвратилась, я решился. Сидевшая поблизости от нас компания захмелевших офицеров задыхалась сигаретами и покинула столик. Можно было говорить.

— Галл, мне нужен план. План базы, понимаешь?.. Галя пожала плечами.

— План хранится в сейфе у шефа. Вход в кабинет исключен.

— Скажите, ведь здесь рабочие кабинеты! Вы же говорили!

— Да... Но вряд ли это поможет вам... Здесь размножаются рабочие чертежи строительных объектов.

— Где? В каком кабинете?

— Вы с ума сошли! — Галя побледнела, поняв меня.— Я не хочу рисковать!.. Считайте меня кем угодно, но я хочу жить, понимаете!..

— Я вас считаю человеком, который должен помочь своей Родине.

— Боюсь!..

— Спокойнее, Галя!.. На нас смотрят. Улыбнитесь же, черт возьми! — Я видел, вот-вот она расплачется. — Ну? Я же рассказываю вам отличный анекдот... Вот так! А теперь говорите — где кабинет чертежной группы!..

— На втором этаже. Четвертая дверь налево.

— Идемте... Вам «тало душно, вы нездоровы, и вы идете привести себя в порядок. Я вас сопровождаю. Идемте!..

Галя в самом деле выглядела неважно. Я понимал ее состояние, но вместе с тем понимал и то, что эта «овчарка» вовсе не потерянный человек. И она отлично знает, что за грехи придется расплачиваться рано или поздно. В данном случае я давал ей какую-то надежду на будущее.

Мы вышли из-за стопа и направились в коридор, где было довольно многолюдно — здесь курили, в отдаленном темном углу повизгивала женщина.

Галя провела меня к лестнице, ведущей на второй этаж. Мы поднялись, причем я полуобнял ее за талию. Теперь мы напоминали увлеченную флиртом пару.

На втором этаже было пустынно и сумрачно. Слабая лампочка не могла разогнать мрака.

— Погодите...— Галя высвободилась.— Я посмотрю сама.— Она направилась по коридору. Я огляделся. Справа, у окна, стоял стол, какой-то высокий и узкий шкаф с приоткрытой дверцей, откуда выглядывал веник — обычный домашний веник. Видимо, здесь было место уборщицы. Две корзины, набитые порванными и смятыми бумагами, подтверждали мою догадку.

Я прислушался — внизу звучала музыка, раздавались пьяные выкрики.

И вдруг что-то сорвало меня с места. Я очутился около корзины. Куски ватмана, желтизна кальки, испещренной сплошными и пунктирными линиями...

Галя подошла так же тихо, как уходила.

— Кабинет закрыт, Браун...— Мне показалось, что она произнесла эту фразу с облегчением.

— Здесь есть туалет!

— Да...— В голосе ее слышалось недоумение.

— Берите корзину и ведите меня куда. Торопитесь! 'Ничего не понимая, Галя схватила корзину и пошла вперед. Я вошел в туалет вслед за ней и тотчас закрыл дверь на задвижку. Галя нащупала выключатель и зажгла свет.

— А теперь быстро посмотрим! — Я вывалил бумаги на пол. Черт возьми, неужели среди этой макулатуры ничего не попадетсЯ?.. Вот план какого-то участка, вот чертеж строения, вот эскиз стеллажей... Не то, не то!.. Содержимое первой корзины я перетряхнул очень тщательно, но тега, что ожидал найти, не было.

— Кладите обратно!..

Галя молча начала запихивать ворох в корзину.

Я перетряхнул содержимое второй. Нет, нет ничего! И вдруг мое внимание приковал к себе карандашный набросок на полосе смятой кальки. В общем-то ничего определенного, только небрежно заштрихованные прямоугольники и двойные линии. Около одной из таких линий я прочел — «ерсте бангелейзе». Первая колея!.. Неужели?.. Ведь это может быть планом подъездных дорог!

— Смотрите сюда!..

Галя наклонилась над калькой.

— У вас планируются подъездные пути!

— Я слышала, что Франц говорил об узкоколейке. Но чтобы планировалось... Нет. Я отлично помню, что предложение шефа не было принято управлением работ.

Я вновь посмотрел на чертежи. На одном из заштрихованных прямоугольников очень нечетко стояли две буквы РХ.

— Скажите, вблизи руссхауза, вот здесь, что располагается!

— Мастерская.

— А вот здесь,— я показал на другой прямоугольник, почти примыкающий к квадратику-мастерской,— что может быть!

— Склад. Инструменты, запчасти к строительным машинам,

— Все ясно. Берите корзину и на место!..

Галя подхватила первую корзину, а я тотчас же спрятал кальку в нагрудный карман и быстро собрал бумаги во вторую корзину. Выключив свет, я уже хотел схватить ее, но дверь вдруг распахнулась и я увидел перед собой растрепанную девицу. Я кашлянул и со словами — прошу прощения! — шагнул, прикрыв за собой дверь. Девица кудакнула и замерла в темноте.

ВыйдЯ, я бросил взгляд назад и увидел, что это был женский туалет. Вот так штука!..

Мы спустились вниз, и, кажется, своевременно — наверх потянулись парочки, которые искали уединения.

— Алло, Браун! — Франц поймал меня за рукав, едва мы появились в зале.— Фроляйн!..

Куда вы исчезли!

— Фроляйн вдруг почувствовала себя неважно, господин Франц. Мне пришлось поухаживать за вашим секретарем. Надеюсь, вы не обидитесь на меня!

— О, узнаю парашютистов!.. — Франц погрозил мне пальцем и прищурился.— Фроляйн, как вы себя чувствуете!

— Спасибо, Франц, кажется, еще не совсем хорошо...

— О, значит, будем пить за ваше здоровье! Фроляйн, я наполняю бокалы и предлагаю тост за красивых русских женщин, которые служат великому рейху!.. За наше счастье, господа!.. простите меня — я несколько пьян. Виноваты друзья, а друзей

у меня...— Он сделал широкий жест.— Так что простите... Обстоятельства!

Через полчаса инженера с трудом отправили спать четыре краснолицых, удивительно похожих друг на друга, эсэсовских офицера. Они тоже были хмельны и поэтому, схватив под руки Франца, вдруг запели «Был у меня товарищ» и потащили его, громко топоча сапогами.

Я не помню, с кем знакомился в эту новогоднюю ночь. Кто-то жал мою ладонь, кто-то пьяно лез обниматься и все порывался поцеловать Галю, которая решительно отбивалась от слишком назойливого поклонника. Внешне казалось, что она чувствовала себя так не, как и другие женщины, сидевшие в этом задымленном сигаретами зале. И лишь ее взгляды — короткие, тревожно ожидающие, которые она бросала на меня, говорили о другом.

А я был, а общем-то, спокоен, Я шутил, говорил плоские глупости подсаживавшимся собутыльникам, пил — вернее, делал вид, что пью, даже танцевал — с Галей и с растрепанной девицей, которая застигла меня в туалете. Она оказалась немкой, женой крупноголового лысого гаупшана с оловянными глазами, сидевшего в обществе двух щебетавших накрашенных девиц.

С большим трудом я отделался от немки и то лишь благодаря Гале, которая своевременно пришла на помощь моей партнерше, у которой вдруг произошло головокружение, прекратившееся тотчас с моим уходом.

Был пятый час утра, когда мы оставили руссхауз и побрели сквозь метель к бревенчатому коттеджу, где жила Галя в двух небольших комнатах, одна из которой была спальней. Кроме нее, за стеной размещались еще две девицы, однако их не было, видимо, они еще оставались в руссхаузе или отправились к своим поклонникам.

Мы разделись. Галя стала длиной к теплой кафельной печке, я присел на стул.

— Что же дальше? — Галя поежилась.

— Что дальше!.. То, что должно быть. Я вернусь в Окск. И надеюсь, что мы еще не раз встретимся.

— Слушайте, Браун... Я говорю серьезно. Вы понимаете, что...

— Я все понимаю, Галя... Вы мне помогли. Это главное. Вы отлично себя вели сегодня, Галя!..

— Нет, нет... Что теперь будет!.. Понимаете, я боюсь!..

— Я сегодня же исчезну, Галя. Вы вне подозрений. Да мыслите же трезвее. Ну!..

— Да, трезвее... Сейчас я это понимаю... Какая же я дура, боже мой!.. Ведь надо же было мне остаться в Окске!.. Могла уехать вместе с Сашей, и — не уехала. Думала — ну, кто я такая, что мне немцы сделают?.. Как мне не везет, как не везет!.. Всю жизнь! — Галя отвернулась, и плечи ее затряслись от рыданий.

— Возьмите себя в руки! — я почти крикнул.— Вы пошли служить немцам, вы стали служить врагу. Теперь у вас есть возможность остаться честным человеком. Хотя... Ну, скажите, как это могло случиться!.. Черт возьми, ведь я тоже помню ночь, полную грозы и ливня!..

— Как!.. Я осталась в городе... Пришли немцы. Меня вызвали в полицию и сказали — либо в солдатский дом, либо будешь работать на нас. Вы знаете, что такое солдатский дом!.. Что те мне оставалось!.. А когда появился Гребенюк, он помог мне уйти из полиции. Сюда, на базу. Здесь тоже не мед. Но все-таки я чувствую себя человеком. Между прочим, Гребенюк познакомил меня и с Крайзером. Вы думаете, я не понимаю, куда я попала, кому я служу и за что!.. А все равно! Я хочу жить. Мне двадцать один год. Правда, глупостей было уйма и до двадцати лет. Но это вина моих домашних. Бог с ними!.. Что прошло — воротить нельзя. Но теперь... Крайзер, Гребенюк — страшные люди. Это Гребенюк и его люди недавно раскрыли группу советских разведчиков. Сейчас Крайзер снимает допрос с некоего Смолякова. Его взяли сегодня... Верней, вчера вечером. И взяли его люди Гребенюка...

Я слушал этот горячечный шепот и молчал. Я понимал — ей надо высказаться, содрать с себя заколеневшую кожу. Я ждал, когда она умолкнет. Более всего во мне вызывало откровенную злобу упоминание о Гребенюке. Я его ненавидел, еще не ведая всего, что

натворил этот предатель, Я теперь знал — начало моей ненависти было там, в детстве, с того дня, как я упал лицом в крапиву на глазах Саши и Гали... Тогда я дал клятву — отплатить. До сих пор я этого не сделал. Я думал — детство мое ушло со всеми горестями и обидами. А оно вновь напоминает о себе — в другом времени, другими бедами, со всей жестокостью и беспощадностью... Что же, Кюнеберг, мы встретимся! Ты ответишь разом и за Лешку, и за повешенных, и за Смолякова. Рано или поздно — наш разговор состоится. Я еще не знаю, как это произойдет, где и когда. Но это будет...

Так думал я, сидя в комнате Гали и слушая ее бессвязную речь. За окнами было по-прежнему темно, лишь фары грузовиков, на несколько мгновений включаемые водителями, иногда выхватывали лучами белые сугробы, оледеневшие кусты у дороги и черные вертикали столбов ограды из колючей проволоки.

Я взглянул на часы — пора выбираться. Я не знал, на чем смогу уехать в Окск, придется, наверное, на попутном грузовике; их здесь немало, все возят и возят туши авиабомб, контейнеры и ящики.

Между тем Галя умолкла. Посмотрев на меня, она вздохнула и громко сказала:

— Вот видишь, ты даже не отвечаешь... Еще бы!.. Я — дрянь, чего со мной возиться... Ну и пусть! Все равно, где ни «дохнуть!»..

Я очнулся.

— Не психуй,— жестко заговорил я,— не теряй голову. У тебя есть возможность остаться советским человеком.— Я подчеркнул последние слова особым током.— Кое-что ты уже сделала. От тебя же зависит дальнейшее. Ты меня понимаешь?.. Вот ты говоришь — бросили, забыли, оставили... А я здесь. Значит, не забыли, не оставили. Только будь архисторожней. Не поддавайся на провокации и — храни язык за зубами. Последнее в твоём положении — одно из главных.— Я говорил так, словно уже был уверен в Гале. Я знал — только так можно сломить ее колебания и опасения, вселить уверенность.

— Если вдруг обо мне возникнет разговор, говори так...— Я изложил ей основное содержание своей легенды.— Скажешь, что все это я выболтал под пьяную руку. И ты действительно встретила меня впервые в жизни в ресторане. Остальное тебя не касается. А теперь вот что: ты расскажешь мне все, что знаешь о Крайзере. Франц меня не интересуется.

Галя задумалась. Лицо ее осунулось, под глазами легли тени.

— Я почти ничего не могу о нем сказать... Станный он, это да... Однажды я слышана его разговор с Францем. Я сидела за машинкой, а они разговаривали в соседней комнате. Я запомнила лишь несколько фраз. Крайзер говорил, что он предпочитал бы иметь вверху другую фигуру... И что не следовало бы драть разом русского медведя и британского льва. Вот и все.

— Что же, и это ладно...— Конечно, я ожидал большего, но Галя действительно ничего не знала.— Мне надо идти. Мой совет напоследок: постарайся в эту неделю чаще бывать в городе. С ночевкой...

Внезапно в углу комнаты что-то загудело. Так мог сигнализировать только зуммер. И действительно, в руках Гали я увидел телефонную трубку.

— Слушаю,— сказала она, А через несколько секунд посмотрела на меня встревоженными глазами. — Да...— Сказала она невидимому собеседнику.— Хорошо, господин Франц... Жду... — И опять повернулась ко мне.

— Вас разыскивает обер-шарфюрер эсэс Вайсберг... Сейчас он будет говорить...— Галя пожалала плечами.

Вайсберг — эта фамилия мне ничего не говорила. Среди тех, с кем я знакомился в последние дни, не было ни одного, кто бы мот ноешь эту фамилию. Что он кочет, этот Вайсберг!..

— Передаю трубку.— Галя подала мне трубку.

— Господин Вальтер Браун! — пророкотал густой мужской голос в трубке.— Здравствуйте... У меня к вам дело. Недавно я встречался с коммерсантом Коненковым. Он сообщил, что завтра придет Иван и принесет вам старую русскую

иконопись. Вы слышите меня!

— Да.

Так вот, я хотел бы предложить вам кое-что из своей коллекции. Прошу простить, что звоню в неурочный час, но обстоятельства таковы, что позже мы навряд ли встретимся. Прошу уделить мне пять минут.

— Хорошо,

— Моя машина у въезда на территорию,

— Через пять минут я подойду.

— Хайль!

— Хайль!

Этот эсэсовец знал пароль!..

Я быстро оделся, проверил исправность парабеллума и, крепко пожав руку бледной и притихшей Гале, вышел в серый сумрак. Шагая по накатаной дороге к темному строению контрольного поста, я испытывал некоторое недоумение.

Этот Байеберг, обер-шарфюрер эсэс или бог его знает кто, знал пароль, известный только мне. Чернобородому и Виноградову. Что это — провокация!.. Провал!.. Если так... Я переложил в карман пистолет. Черт возьми, мне не хотелось именно сейчас ввязываться в рискованное дело...

В проходной меня задержали и проверили документы, но не пропускали до тех пор, пока я не переговорил по телефону с Францем. Лишь после этого я оставил за спиной караулку и, пройдя около полусотни метров, увидел легковой автомобиль. От него отделилась высокая фигура человека и направилась мне навстречу. Я опустил руку в карман и несколько замедлил шаги. С этим эсэсовцем я наверняка встречался. Когда мы уже сошлись, я вспомнил — вчера, верней, сегодня, когда мы ехали сюда, он останавливал нашу машину! Мой указательный палец лег на спусковой крючок парабеллума,

— Лейтенант Браун!.. Чертовски рад вас видеть! — эсэсовец протянул руку. Жест был подкупающе широкий, и мне ничего не оставалось, как сделать то же самое. В конце концов, тому, кого хотят доставить в гестапо, руку не подают.

— Я еду в Окск. Может быть, подвезти вас!.. Заодно и поговорим.

Мы подошли к «мерседесу». Вайсберг гостеприимно распахнул дверцу, затем зашел с другой стороны и сел на место водителя.

И устроился на заднем сиденье. Отсюда мне была видна дорога, встречные машины и широкие плечи и затылок обер-шарфюрера. В общем, позиция оказалась отличной.

Вайсберг рванул машину с места, и мы покатали в морознее утро.

— Я вас слушаю, господин обер-шарфюрер.

— Рад вас видеть, лейтенант.

— Гм!.. Благодарю. Радость ваша, честно говоря, несколько неожиданна...

— Ничего... Сейчас пойдете.— Вайсберг прибавил газа и заговорил:

— Дали вы нам хлопот... Чернобородый недоволен вами, Браун. Вы неоправданно рискуете. Честно говоря, этой ночью я не спал рада одного вас. Мы опасались, что проникнув на базу, вы не выдержите и полезете на рожон... Я пытался вас предупредить от необдуманных действий сначала в ресторане, затем в дороге, но с вами были люди... В конце концов, Чернобородый приказал мне увезти вас... Пришлось беспокоить высокое начальство...

У меня на сердце стала так легко, что я не выдержал.

— Так какого же черта!! А ведь я думал...

— Индюк думал и в щи попал.— Вайсберг засмеялся.— Что-нибудь успели сделать!

— Да... Кажется то, что нужно.

— Отлично. Тогда прямым ходом к Котюкову. Сколько на ваших часах!.. Надо поторапливаться.

БРАУН СТАНОВИТСЯ ГРОМОВЫМ

— Надо поторапливаться,— то же самое сказал и Чернобородый, завершая наш долгий разговор в присутствии обер-шарфюрера.

Суть этого разговора можно передать в трех словах: мне сделали большой нагоняй за авантюризм, как выразился Котиков. Наверно, <я заслуживал большего, «о меня спае лоскут кальки с < чертежами. Чернобородый внимательно рассмотрел его и улыбнулся, пожав мою руку,

— Это важно. Срочно переправим в центр. А теперь давайте закругляться. Обер-шарфюрер, да и вы, лейтенант, уже валитесь с ног. Отдыхайте, Браун. Если будет новое — сообщу.

В доме фрау Ангелины я появился к полудню и сразу же нырнул в кровать, приказав хозяйке не будить меня.

И все-таки меня разбудили легким, но настойчивым стуком в окно. Было уже под вечер, снег и деревья, выбеленные инеем, розовели от морозного заката, каждый шаг отзывался скрипом — к полуночи мороз обещал быть до тридцати.

У калитки меня ждал полицей.

— Вам пакет от обер-шарфюрера господина Вайсберга. Получите!..

Полицей не торопился уходить. Поеживаясь, он терпеливо переминался с ноги на ногу, пока я читал содержимое пакета.

— Подождите меня. Я сейчас.— Прикрыв калитку, у которой уже вертелась Ангелина, я направился к себе, сжег письмо и быстро собрал свои пожитки. Затем позвал хозяйку.

— До свиданья, фрау Ангелина. Я срочно уезжаю в часть. Прошу извинить, что не мог предупредить об отъезде заблаговременно. Служба! Здесь, у вас, я чувствовал себя превосходно. Буду рекомендовать вас своим друзьям. До свиданья. И — большой привет Петеру.

Уходя, я положил на стол небольшую пачку оккупационных марок, чем привел в восторг хозяйку, которая уже получила плату вперед за два месяца.

Фрау Ангелина проводила меня до ворот. Полицей вытянулся, щелкнул каблуками — и мы пошли по отчаянно визжавшему снегу...

В эту ночь лейтенант Браун был переправлен в Зеленое урочище, где провел сутки в партизанском блиндаже, а затем с двумя сопровождающими не без приключений пересек линию фронта. На другой день самолет доставил меня в Елец, где уже ждали полковник Смирнов и майор Ржавин,

После того, как Котюков сообщил мне приказ центра о немедленном возвращении, я ломал голову в догадках — чем вызвано это приказание!.. Я мысленно перебирал события последних дней, как бы отчитываясь сам перед собой — и не мог ответить на поставленный вопрос.

Разгадал этот ребус майор Ржавин. После моего отчета полковник Смирнов исчез вместе с куском кальки из кабинета и Ржавин долго сидел, молча, потирая свою поблескивающую лысую голову. Потом он с непроницаемым выражением лица посмотрел на меня исподлобья, закурил и начал:

— Сделаем выводы... Итак, Браун, как таковой, пока остался вне подозрений для немецкой контрразведки. Зато Громов...— Ржавин закашлялся и зло раздавил окурок з пепельнице.— Громов рисковал, очертя голову... Скажите, какого черта вы объяснялись с этой девицей сомнительного поведения!.. Какие были для этого основания!.. Никаких. Эмоции я не считаю. Разведчику они противопоказаны. Вы же знаете железное правило — работать только со своими людьми! У вас был Котюков. Почему же вы, Громов, полезли к черту в зубы!..— Я было хотел заговорить, но майор продолжал: — Я отвечаю за вас, не торопитесь. Вы хотели как можно скорее выполнить задание. Поскольку группы Винокурова и Смолякова были провалены, Громов решил, что в данных условиях следует действовать в одиночку. И предпочли черному парадный вход. Конечно, кое-что вам удалось сделать. Но вам просто повезло. А в результате пришлось отвлечь группу наших людей от их прямых

заданий на то, чтобы вытащить вас из Окска. Вы понимаете меня!..

Я молчал. Что ни говори, человек — странное существо. Только теперь, сидя за две сотни километров от Окска, я увидел себя в совершенно ином свете. Действительно, как неразумны, опрометчивы мои поступки!

Я не заметил, как в кабинет возвратился Смирнов. Ржавин вновь закурил, забарабанил пальцами по коробке «Беломора» и уткнулся в раскрытую папку. Я даже вздрогнул, когда рядом со мной зазвучал голос Смирнова.

— Ну, все выдал Громову!

— А! — майор дернул плечом, и настроение мое окончательно испортилось.

— Ну, ладно, ладно, хватит,— Смирнов сел против меня и пытливо глянул в мои глаза.— Я вам скажу более приятное. Этот кусок кальки превосходен. Главное — масштаб выдержан. Немецкий педантизм опять помог нам. Так что завтра, самое позднее послезавтра мы эту базу...— Смирнов скрестил указательные пальцы.— Депо за авиацией. Но я не об этом хотел сказать... Видите ли, Громов, мы заинтересовались данными о Крайзере, Шмидте, Кукине и других, знакомых вам. Сегодня же вы подробно напишите о них все, что знаете. Вот, пожалуй, и все на этот раз... У тебя, майор, что-нибудь будет!..

— Будет...— Ржавин хрупнул пальцами и посмотрел на Смирнова. Тот, видимо, понял его и махнул рукой;

— Валяй!

— Так вот что, Громов... Считай, что ты прошел первую обкатку. И вывод таков: рановато Громову предоставлять самостоятельность. И не обижайся, брат. Разведчик, как сапер, ошибаться не должен. Ошибка — смерти подобна...

Смирнов кивнул, подтверждая слова Ржавина.

— Поторопились мы. Я бы сказал — увлеклись одной идеей. Да к тому же и ситуация была чересчур острой, не терпела отлагательств. Ну, да что о том! — Смирнов встал и прошелся по кабинету, поскрипывая ярко начищенными сапогами.

— В общем, отдохнешь, Громов, и...— Он сделал жест, похожий на взмах крыла,— Полетишь, брат, в Дебрянск...

Так закончилась моя встреча со Ржавиным и Смирновым.

Можно представить, в каком состоянии я находился. Меня даже не утешило то, что Смирнов говорил о Дебрянске. Главное — я не сумел, более того — я рисковал глупо и неоправданно. Эх ты, чекист Громов!

Позже, когда я несколько поостыл, бродя по заснеженным тихим улочкам, я попытался мысленно проанализировать свои поступки.

Ну, хорошо, вот встреча с Галей. Что бы я мог сделать в ином варианте!.. Убедить ее, что сна ошибается!.. Невозможно. Не знаю, как у подлинного Брауна, а у меня была примета — небольшая мушка-родинка под правым глазом. О ней-то Галя знала еще с давних дней, она даже пошутила как-то, смазав, что мушки, оказывается, ставят не только девицы, но и парни...

Далее. Допустим, что я не последовал бы за ней там, в ресторане. Да ведь кто знает, не сообщила бы она обо мне гестапо!.. При мне Галя этого не смогла сделать, помня о своей безопасности.

Третье. Я понял в ее поведении самое существенное: она не собиралась меня выдавать. Почему — вопрос второстепенный. А раз так — я пошел ва-банк, ибо случай оказался крайне удобный.

Четвертое. Галя оказалась вовсе не конченным человеком. Благодаря ей я попал на базу. Она же помогла мне добыть столь важный для нас документ. Этим она связала себя. Следовательно, если говорить о шкурных интересах, не в ее расчетах разоблачать мнимого Брауна.

Черт побери!.. Да ведь об этом и сказал вначале нашего разговора майор. Значит, он все взвесил прежде меня.

И все-таки майор был недоволен. Нет, до меня что-то не доходило. Туповат ты, Леня Громов, факт!

Ночевал я в студенческом общежитии, ставшем казармой истребительного батальона. Меня определили всего на одну ночь по записке Ржавима, который обещал на другой день устроить меня получше.

В небольших комнатах было накурено, шумно, сразу чувствовалось присутствие штатских людей, не привыкших к армейскому порядку.

Бродя по комнатам, я наткнулся в одной из них на груды лишенных переплетов книг. Многие из них обгорели, Я развернул наудачу первую попавшуюся и пробежал глазами. Какой-то герой долго и нудно размышлял о времени и о себе, говорил округленные красивые фразы, демонстрируя свою эрудицию, сыпал сентенциями и афоризмами и все сводил к тому, что он, такой хороший, такой симпатичный и талантливый, не понят целым миром...

Я бросил книжку в кучу — мне показалось, что в чем-то я сейчас похож на этого хлюпика.

— А ты, брат, не швыряйся! — Какой-то седоусый железнодорожник, если судить по его шинели, подобрал книжку и бережно положил ее. — Знаешь, кто ее написал?.. Байбаков!

Я пожал плечами — фамилия мне была неизвестной. А седоусый взорвался:

— Байбаков, наш, елецкий, понял!! У меня в мастерских учеником работал. На глазах вырос! Сейчас фронтовой газетой заправляет. А главное — так и не увидел книжки своей. Типографию немецкой бомбой разбило, и весь тираж накрылся... Вот только и осталось. Для него берегу. А ты швыряешь!

Я молча отошел в сторону. Какое мне дело до всего этого! Байбаков, типография, бомба... Надо идти спать. Утро вечера мудренее.

Я разделся и укрылся с головой, стараясь не слушать негромкий гомон в соседних комнатах. Когда я заснул, страшные видения возникли перед моими глазами. Сначала Крайзер, потом Гребенюк вошли в комнату и стали у дверей. Затем появился чернобородым Котюков, почему-то он смахивал на седоусого железнодорожника, и я начал обалдевать от сознания нереальности того, что видел, пытался проснуться, но Чернобородый вдруг затряс меня за плечо и голосом железнодорожника сказал:

— Подъем!.. Подъем!..

С трудом я разжег веки и впрямь увидел над собой седоусого.

— Эк тебя разобрало! Хоть из орудий пали! Вставай! Тревога!..

Седоусый сел на койку и начал натягивать охотничьи порыжевшие сапоги. В коридоре раздавался гулкой топот, кто-то вызывал четвертое отделение, хриплый бас чертыхался, слышалось звяканье железа.

— Да ты что? — железнодорожник вскочил с койки и зло посмотрел на меня. — Немецкий десант в районе совхоза! Марш на построение!..

Я вскочил, тщательно наверхнул портянки, натянул сапоги и, запахнув шинель, бросился за седоусым. На неосвещенном дворе я пристроился к колонне и, после команды «шагом марш», затопал вместе с остальными. На какой-то темной площади нас остановили, прямо с грузовика роздали гранаты и винтовки (оказывается, без оружия был не только я), и посла этого мы двинулись по узким переулкам и улочкам к неведомому совхозу.

В глубоком, заснеженном овраге нас разбила на несколько групп и спустя десять минут мы уже шли между рядами голых деревьев, то и дело, проваливаясь в сугробы.

Я шагал за седоусым, оказавшимся старшим нашей группы. Дуя низовой морозный ветер, обжигавший щеки и кое, пробиравшийся ледяной рукой к телу сквозь сукно шинели. Увязая з снегом, я чертыхался — черт дернул фрицев сбросить десант в такую студеную ночь, черт дернул меня увязаться за истребителями, сейчас лежал бы в тепле и никакой доуки. Кроме всего прочего, еще недоумевал, почему меня в батальоне считают за своего, ведь этак любая сволочь может пристроиться, где же бдительность!..

Внезапно впереди резко полоснула ночную мглу автоматная очередь. По звуку я понял — это «шмайссер», значит, впереди фашисты,

Я нырнул за гребень сугроба, однако седоусый продолжал идти, он даже заторопился в

сторону выстрелов, остальные тоже побежали, с трудом выдергивая ноги из снега. Если немцы их видят — не сдобровать истребителям. Я привстал, и в этот миг сумрак ошестинился струями трассирующих пуль. Десантники были в трех десятках метров от нас, я даже увидел одного — он стоял на коленях за стволом промерзшей яблони. Взлетели сразу несколько ракет, кто-то закричал, забухали винтовки, автоматная трескотня раздавалась со всех сторон, несколько раз с дребезгом рванули гранаты. Начался суматошный ночной бой.

Седоусого все-таки ранило, он лежал за каким-то кустом и стонал — сдерживаясь, сквозь зубы, и изредка матерясь. Кажется, немцы убили и ранили еще трех человек, но зато остальные лежали в снегу и палили беглым огнем. Почему-то немцы умолкли, я больше не стреляли. Неужто, они пытаются уйти, пользуясь нашей остановкой!..

Я окликнул лежавшего слева от меня, тот подполз и, заикаясь, сказал, что никто не знает, что теперь делать — то ли ждать, то ли идти вперед. Командир ранен, другого поблизости нет.

— Ракетница есть! — Я слышал, как седоусый еще в овраге говорил о ракетнице. Оказалось, что она была у седоусого, я на карачках добрался к раненому и взял у него неуклюжий пистолет с мешочком рэкет,

— Лежи, отец, сейчас мы их тряханем, — сказал я, отправляясь на свое место.

и выпустил две ракеты и при трепещущем свете все-таки увидел фрицев — они перебежали вправо, к смутным очертаниям какого-то строения.

— За мной! Цепью! — я вскочил и бросился наперерез уходившим. Метров через пять я кувырнулся в сугроб головой, ракетница мне мешала, я отдал ее кому-то из подбежавших людей, а затем опять запрыгал по сугробам.

Мы все-таки опередили немцев и те залегли, беспорядочно стреляя из автоматов.

— Сдавайтесь,— крикнул я по-немецки. — Сопrotивление бесполезно, вы окружены.

«Шмайссеры» умолкли. Перестрелка теперь слышалась слева и правее нас.

— Ну, что надумали! — Я привстал и дал знак, по которому в небо вновь взмыла ракета.

— Сдаемся! — кто-то ответил мне на русском языке,— Не стреляйте!..

— Бросить оружие! И по одному сюда! — и повторил это еще раз по-немецки.

Через минуту я их увидел — семь фигур с поднятыми вверх руками цепочкой шли к нам.

— Гады! Они в нашей форме! — кто-то из нас даже присвистнул. В самом деле, десантники были в русских дублених белых полушубках и шапках со звездочками.

Их тотчас окружили и обыскали. А я отошел в сторону, Мне казалось, что там, между колючими кустами крыжовника, есть кто-то еще.

— Сколько вас было! — спросил я рослого десантника.— Отвечать!

— Десять, господин офицер. Трое убиты.— Немец вытянулся передо мной.

— Ладно, проверим.— Я приказал захваченных вести вниз, в овраг, а сам с тремя истребителями пошел в сторону строений.

Я сделал несколько шагов — три может быть, четыре — и увидел мгновенную голубоватую вспышку автоматной очереди. Тяжелый бич стегнул меня в бедро, сбил с ног, и я повалился лицом в морозную шершавую корку снега...

Когда я открыл глаза, надо мной висели колючие, игластые звезды в черно-синем небе. Я попытался привстать — и воля выбила из меня дыхание.

Часть третья

Канун грозы

Снова Браун

Минуло полтора года с того дня, как я вторично оставил Окск. Три пули, на мое счастье не разрывные, пущенные из «шмайссера» раненым парашютистом, на полгода уложили меня в

госпиталь. Теперь я прихрамываю, каждый мой шаг — «руль двадцать». А на правой скуле — узкий рубец шрама — до самой ушной мочки. Со временем хромота пройдет, так говорил мне хирург, выписывая из госпиталя. А я этим не очень озабочен. Я по-прежнему строевой и, самое главное — не чувствую никаких болей. Рамы зажали как на собаке.

Теперь я дивизионный разведчик, старшина разведроты. Когда я из госпиталя прибыл в дивизию, меня сразу «засек» начальник дивизионной разведки, а я не очень-то сопротивлялся. Поэтому сейчас я обитаю в блиндажах, выкопанных на крутом берегу Зуши, За спиной дотла сгоревший русский городок Новосельем, впереди — низкий противоположный берег. Там — немцы. В стереотрубу мы отлично видим все, что у них происходит.

Сейчас вся наша рота с командиром капитаном Худояровым днюет и кочует на передовой. Фрицы что-то замышляют. В течение коротких июньских ночей мы слышим гул танковых моторов, подозрительную возню в глубине немецкой обороты.

Пробиться за рему почти невозможно, поэтому мы ведем круглосуточное наблюдение, засекаем появление новых пулеметных гнезд, артиллерийских и минометных батарей. Это — наша работа.

Худояров наслышан о моей истории. Оказывается, он знаком с майором Ржавимым. Вообще, у него масса самых различных знакомств. Например, с нашим командующим, генералом Коплакчи. Я был свидетелем их встречи. Генерал, человек весьма живого и беспокойного характера, недавно побывал в наших траншеях. Худояров хмуро следовал за командующим, а затем все вытерпел и сказал, что генералу нецелесообразно лазить по окопам. Достаточно того, что здесь находится он, капитан Худояров, располагающий исчерпывающей информацией. Говорил он не по-уставному, резко, не скрывая своего неудовольствия. И сопровождавший командующего только удивились, когда генерал пожал плечами и согласился с нашим капитаном.

Худояров же, проводив командующего, ворчал что-то себе под нос, а когда с той стороны полетели фрицевские гостинцы, сказал мне:

— Генерал-то мужик хороший, но в гости лучше я сразу к нему буду ходить... Чуешь, что фрицы делают!..

Потом я узнал, что капитан в свое время окончил военную академию, был на штабных должностях в нескольких военных округах. Этим и объяснялся обширный круг его знакомств, А со Ржавиным — знакомство особое. Худоярову приходилось несколько раз провожать людей Ржавина через линию фронта, а затем встречать их.

За меня капитан держится двумя руками — дело в немецком языке. Хотя в штате есть два переводчика, Худояров предпочитает иметь в роте своего. Когда же мы ходим за контрольным-пленным, капитан четко определяет мою задачу — не вступать ни в какие переделки. Мое дело — используя знание языка, действовать наподобие манка. Пока фриц поймет, кто перед ним — русский или свой — его по рукам и ногам, вяжут мои товарищи по группам захвата.

Я уже привык к своему делу, осечек у нас, как правило, не бывает, верней — не бывало. Лишь за последний месяц мы никак не можем перебраться за реку. Оборона стабилизировалась, немцы пристреляли каждый квадратный метр земли и реки, даже ночи нас не выручают.

Недавно мне пришлось побывать в штадиве, и там я увидел карту — обыкновенную школьную карту, которую вешают на классную доску на уроках географии. Линия фронта на ней своими флангами упирается в моря — северный фланг в Баренцево, а южный — в Черное море. Сверху она протянулась к Ладоге, Свири и Ленинграду, у Великих Лук повернула на восток и ниже образовала топоробразный выступ, ограниченный с севера Окском, а с юга — Белогорском. Ниже этого топора линия фронта легла восточнее Харькова, потянулась по Северному Донцу и Миусу к Азовскому морю... А там — Темрюк, Новороссийск...

Этот «топор» нейдет из памяти. На чью шею он обрушится?..

Теперь воевать легче. Недавно Информбюро сообщило сводку с итогами боев с ноября сорок второго по апрель сорок третьего. Цифры внушительные. Сотня перемолотых дивизий — это около миллиона с четвертью битых фрицев, больше двадцати тысяч орудий, четыре тысячи самолетов... В железный хлам превращены семь тысяч с лишним немецких танков, не считая прочей техники и транспортных средств. Лупим мы фрица, дождались-таки!.. Один Сталинград чего стоил Гитлеру. Между прочим, ему и по соседству с нами обломилось — вышибли фрицев из Воронежа, Острогожска, Россоши, Касторкой.

А у нас — это я по своему участку вижу — сипа растет, да какая! Во вторых эшелонах полно танковых частей, артиллерия — на каждом шагу, да и авиация подтянулась, не дает фрицам покоя. Наши бомберы гвоздят тылы каждую ночь, а «ястребки» гоняют «юнкерсов» и «мессеров».

Что-то назревает, факт. Приметы верные.

Иногда я вспоминаю сорок первый год. Худояров слушает, и его глаза при этом делаются злыми. Обычно немногословный, он однажды в ответ на мои разглагольствования по поводу неудач первого года войны выдал мне такое, что я оторопел.

— Тоже мне, военный историк нашелся! Ты же ведал всего-то на километр вокруг себя, а уже выводы норовишь сделать. Все это, брат, не так просто, как на первый взгляд кажется. Я поболее твоего, Громов, насмотрелся, а не спешу с выводами. Отвоюем свое, фрицев задавим — вот тогда и наступит время для всяких таких выводов. Брось, не морочь голову. Гляди в корень — фриц иным стал, своротили мы ему спесь вместе со скульями. Бойтся он теперь нас — это главный вывод!..

Да, Худояров прав. Немец стал другим. Я несколько раз был на сборном пункте, где содержались пленные фрицы. Маня они принимали за своего — я надевал немецкую форму. И то, что я слышал от них — убеждало, что живут они одной мыслью — скорей бы конец войне. Правда, не все так думают. Есть оголтелые из числа эсэсовцев и офицеров. Но таких убежденных нацистов немного. И если бы не гестапо, не железная дисциплина — уварен, что з плен шло бы гораздо больше фрицев. Даже из числа офицерства.

Так, в обороне, проходили дни. Все реже и реже вспоминал я о Чернобородом, Гале, Гребенюке — Кюнеберге, гестаповце Вайсберге. Они были далеко, да и были ли!.. Слишком много прошло времени.

И все-таки Ржавин не забыл обо мне. Помнится, чудесное солнечное утро началась для меня вызовом к Худоярову.

— Здорово, Громов... - Капитан почесал похожий на кактус подбородок.— В корпус тебя требуют. Да еще аллюром в три креста.

— Кто!

— Подполковник Ермишин. К пятнадцати ноль-ноль. Ермишин из «смерша», пеняя!.. Сдается мне — хотят тебя у меня сцапать... Ну, давай бриться. Усы-то срежешь! Нет!.. Ну, валяй, сейчас вторую бритву ординарец принесет.

Намыливаясь, Худояров молчал, но затем, поправляя бритву, сказал:

— Ты смотри, не оседай там... Без тебя я как без рук, ясно!.. К тому же одна операция предполагается...

И позже, когда я выбритый, благоухающий одеколоном, одетый в новенький офицерский комплект обмундирования, стоял перед Худояровым, он вздохнул и выбросил мне широкую ладонь:

— Ну, двигай, Громов. Дай бог свидеться...

— В Берлине, капитан!

— Лады! Будь жив...

Через полчаса попутный грузовик вез меня в штаб корпуса.

Подполковника я отыскал быстро. Он оказался молодым, очень стройным человеком. Одет Ермишин был в обычную форму, но выглядел в ней очень элегантно, как выглядят лишь кадровые офицеры.

Ермишин принял меня в своем буккере, расположенном на глубине не менее семи метров.

Протерев замшей льдинки пенсне, подполковник бегло взглянул на мои документы и тотчас принялся вызывать кого-то по телефону.

Я курил предложенную толстенную папиросу марки «Пушки», сохранившуюся, вероятно, еще от довоенных времен, и с любопытством осматривал буккер. В таких бывать мне еще не приходилось. Крашенный пол, стены, отделанные фанерой, покрытой голубоватой масляной краской, аккуратный стеллаж с книгами, несколько небольших этюдов в багетовых рамках, на тумбочке — полированный ящик радиоприемника, даже бра на одной из стен — чем не кабинет!.. Вправо от входа виднелась узкая дверь — там, вероятно, стояла койка подполковника.

Да, это не наша нора у Зуши. Наша — каверна, дыра, говоря словами Матэ Залки. А здесь можно жить.

Между тем Ермишин опустил трубку и посмотрел на меня. Все в порядке. Значит так: машина сейчас подойдет, сядешь и отправишься в Елец. А там тебя встретят. Желаю успехов! — Он еще раз с любопытством посмотрел на меня и вдруг спохватился: А ты пообедал!.. Нет!.. Егоров!.. Сваргань закусок, да побыстрей!..

Егоров — сержант с рыженькими усиками, выглянул из соседней дзэри и поманил меня пальцем.

Я ел свежий белый хлеб, намазанный черной икрой, — Егоров предварительно налил мне полстакана коньяка. Затем я закусил настоящей чесночной колбасой и жареной картошкой с соленым огурчиком — роскошь по тем временам невероятная.

В блаженном состоянии я сел в «виллис» рядом с водителем и, пригретый солнышком, уснул, привалясь к дверце. И уже вечером, очутившись в большом кирпичном доме с зашторенными окнами, я встретился с полковником Ржавиным. Да, да, с полковником Ржавиным.

Говорят, жизнь — цепь случайностей. В сущности, подобное утверждение не может вызвать возражений. Где он, тот человек, прошедший жизнь по заданной программе!.. По программе можно изучить какую-нибудь научную дисциплину, скажем, юриспруденцию, или математику. По заранее разработанным планам ведутся войны и осуществляются ночные налеты грабителей, совершаются государственные перевороты. Однако сколько их провалилось в силу случая, обстоятельств, которых не может предусмотреть ни план, ни программа!.. Его величество случай вмешивается в наши дела ежечасно, ежеминутно. Но ведь случайность — неосознанная необходимость, как утверждает диалектика, И, ежели, налицо цепочка таких случайностей — это уже закономерность. Вот в силу ее и попал Леонид Громов к своему бывшему начальнику.

Ржавин выглядел так, словно я оставил его только вчера. Но изменения в нем все-таки были. Изменился его взгляд. Исчезло отсутствующее выражение, которое было ему свойственно в те, отдаленное теперь, время.

Наверно, и Ржавин приглядывался ко мне. Заметив мою хромоту, он, словно одобряя, улыбнулся.

— Садись, Громов... Удивлен!.. Ничего, брат, ничего. Ты в свое время сам меня удивлял. Дернуло же тебя десантников ловить, а!.. Ну, ладно, ладно, это я к слову. Дело прошлое. Вот что, не потрянешь ли стариной!.. — Он лукаво сощурился. — По старой памяти, по старым адресам, но с совершенно новой задачей.

Говоря так, Ржавин все еще присматривался ко мне. В этом я убедился, когда он довольным тоном сказал:

— А ведь придется Громову надевать форму знакомого Брауна!.. По-моему она придется впору... — Он продолжал шутить. - Еще одну звездочку на погон, железный крест на грудь — все, как положено... Как думаешь! — И сразу стал серьезен.

— Слушай внимательно, Громов. Ситуация на нашем участке фронта в настоящее время складывается довольно грозной. Немцы подготовили план нового летнего наступления, имеющий кодированное название «Цитадель». Они хотят взять реванш за поражение под Сталинградом и сейчас накапливают силы, усиленно перебрасывают

пехотные и танковые дивизии в район Окска и Белогорска. Наступление планируется в района Курского выступа. (Я тотчас представил себе тот самый «топор», который видел на карте). Мы располагаем сведениями, что командование вермахта пошло даже на то, чтобы перебросить в этот район крупные соединения из Франции и Германии. Танковые части получили на вооружение новые тяжелые танки типа «тигр» и «пантера», штурмовые самоходные установки «фердинанд»; если добавить, что отмечено перебазирование пяти крупных авиагрупп — ясно, что это будет главная операция нынешнего лета...

Мы знаем, что южнее Омска создан целый кулак из восьми пехотных, шести танковых дивизий и ряда других частей, вошедших в состав 9-й немецкой армии. Не знаем весьма существенного: срока, когда кулак обрушится на наши позиции. Сейчас в этом направлении работают разведки нашего Брянского Центрального и Воронежского фронтов. Но пока начало операции — икс, неизвестное.

Мы готовим группу, которая будет работать в Дебрянске и Окске, Времени у нас в обрез, но что делать. Так вот, Громов, ты отлично знаешь Окск и людей в нем... И они тебя знают.

Кстати, оттуда передают тебе привет Чернобородый и Ирина. Что ты удивляешься!..

Я пожал плечами. Чернобородый — это Котюков, спасибо ему. Но вот Ирина...

Ржавин усмехнулся.

— Ирина с Чернобородым сидят в Окске с самого первого дня, ясно!.. Л вот откуда ей известна твоя личность — это, брат, для меня тайна. Ну, да ты сам скоро с ней увидишься... Работать вместе будете. Но продолжу о главном.

В Окске ты продолжишь знакомства, заведенные еще в сорок первом ряду. Что тебе придется делать — об этом будет инструктаж попозже. Конкретные задания на месте будешь получать у Чернобородого, ты — в его полном подчинении. Я хочу сказать о другой стороне вопроса.

Хотя Браун для гестапо и абвера остался темной лошадкой, может случиться, что обер-лейтенант привлечет их внимание. Поэтому рекомендую поближе сойтись с абвером, в частности, с Крайзером. И вот почему... Когда-то ты обстоятельно сообщил нам данные об этом абверовце и прочих. Теперь мы располагаем весьма полезной информацией. Она облегчит задачу и в значительной мере обезопасит твое пребывание в Окске.

Так вот — это ты должен положить ват сюда.— Ржавин постучал указательным пальцем по своему виску,— еще в тысяча девятьсот тридцать восьмом году в Берлине мне удалось получить сведения, по тем временам мало вероятные... Тогда-то, в общем, к ним у нас так и отнеслись. Но последующие события подтвердили то, что мне стало известно. Короче говоря, и в тридцать восьмом году, и в настоящее время среди части высшего офицерства и представителей германских промышленников существовала и существует оппозиция Гитлеру. Более того: весной этого года один из оппозиционеров или заговорщиков, небезызвестный генерал фон Тресков, начальник оперативного отдела штаба группы армии «Центр», пытался взорвать самолет с Гитлером с помощью мины, искусно замаскированной под бутылку коньяка... К сожалению, фюреру повезло, мина не взорвалась.

Кроме фон Трескова, в вермахте немало других высших чинов — фельдмаршалы Клюге, Витцлебен, Бах и прочих, опасаящихся за судьбу рейха и свою собственную и думающих как-то убрать Гитлера... Правда, это не мешает им выполнять все его приказы по истреблению советских людей и сил сопротивления оккупированных государств. Но среди оппозиционеров находится слой молодых офицеров, которые следуют за своим лидером, неким полковником генштаба Штауффенбергом, человеком очень решительным и в известной мере просоветской ориентации. Они не столь влиятельны как первые и гораздо малочисленнее... Рассчитывать на них, конечно, невозможно, так же, как и на фельдмаршалов — асе у них довольно шатко и бесформенно... Но это в общем. А конкретно вот что: Крайзер связан с группой Трескова, идейный вдохновитель которого некий Герделер, являвшийся, как я его помню, в прошлом обер-бургомистром Лейпцига,

впоследствии он стал имперским комиссаром цен. Этот человек связан с рядом промышленных тузов и банками... У нас есть подлинник и копия письма Крайзера к адъютанту Трескова. Вот козырь, который необходимо будет использовать в крайнем случае. Теперь о Штейне. Один из помощников адмирала Канариса, шефа абвера, некий Лахаузен, также в числе оппозиции. Штейн часто сносится с Лахаузенем и Штауффенбергом не без помощи Крайзера. Все они, несмотря на некоторые расхождения идейного порядка, связаны в конечном счете с Герделером. Наверняка между Крайзером и Штейном существует единение... Вот второй козырь, я не вникаю в детали, ты с ними сможешь познакомиться завтра, но, очевидно, возможно, если не поймать, как говорится, на удочку этих контрразведчиков, то обезвредить хотя бы на время... Намекни, что в наших руках достаточно документов, чтобы их персонами занялся Кальтенбруннер или сам Гиммлер.

Сложнее обстоит дело с гестапо... Вот почему я говорил о сближении с абвером — эти два ведомства как два пса над одной костью. Кто кого укусит — Канарис Гиммлера, или Гиммлер Канариса — сказать трудно, но палок в колеса они суют друг другу предостаточно. Имение на этом и следует сыграть. Зацепи Крайзера, попробуй потянуть за ниточку, может быть, доберешься до клубочка. Но держи ухо востро! Абвер есть абвер, хотя адмирал Канарис не прочь бросить булыжник в огород Гиммлера. Это старый шпион и диверсант, фашист до мозга костей. Теперь адмирал чувствует, что пахнет жареным рябчиком. Целый ряд провалов фашистской агентуры в ряде стран и в первую очередь у нас вызвали серьезное недовольство райхсфюрера. Если добавить сюда Кальтенбруннера, шефа имперского управления безопасности, готового прибрать к рукам ведомство Канаржа — вполне понятна двойственность адмирала, Короче говоря, с этой сволочью нам еще ой-ой как придется бодаться.

В общем, Громов, твоя задача — расколоть Крайзера и с его помощью, или без нее, вывести группу на цель. Так сказать, в два этапа: сначала ты действуешь, затем остаешься в резерва Чернобородого. Пожалуй, все...— Ржавин потер привычным движением руки макушку и посмотрел на меня.

— Удивлен, Громов!..

Нет. Я не был удивлен. Я был ошарашен всем, что так спокойно высказал Ржавин. Бог ты мой! В Германии, среди генералов и промышленников, среди контрразведчиков — заговор! Не-уж-то фюрера могут свалить свои же!.. О задании я почти не думал.

А Ржавин словно читал мои мысли.

— Не обманывайся, Громов. Гитлеризм суждено уничтожить нам. И то, что разведка обязана сделать — окажется для Гитлера сильнее, чем взрыв мины каких-то оппозиционеров...

Мы проговорили за полночь. Дым в кабинете висел синими слоями, в горле першило, не помогал теплый и почти лишенный газа «нарзан».

Ржавин и появившийся около полуночи рыжеватый капитан проинструктировали меня самым тщательным образом в отношении наиболее важных деталей предстоящего дела, и только тогда я почувствовал усталость и желание немедленно заснуть. Ржавин видел это и подбадривал меня колкими шуточками. Когда все было закончено, полковник отпустил рыжего капитана, выключил верхний свет, оставив гореть лишь настольную лампу под плотным абажуром и, подняв маскировочную штору, распахнул окно.

— Ну, вот так, Громов... Отыскал я тебя все-таки, хотя Смирнов и противился. Махнул он на тебя рукой. Недисциплинированный парень, сказал он,— такой не будет разведчиком...

Вот уж чего я не ожидал от Смирнова! Скорее я мог это предположить в отношении Ржавина, однако, произошло наоборот. Нет, люди — ей-богу, вещи в себе!

Смирнов, оказывается, был несколько месяцев назад переведен в Москву, и его отсутствие развязало руки Ржавину.

— Трудновато было с ним работать.— Ржавин прислонился к подоконнику.— Мужик излишне самолюбивым оказался.

Где-то над темным горизонтом всплескивались дрожащие крылья зарниц — видимо,

бушевала гроза. А здесь стояла тишина, нарушаемая стуком сапог патрулей. Слабо, почти неслышно шумела листва деревьев, легкий освежающий ветерок от реки обдувал наши лица. Город спал, словно где-то там, за невидимым горизонтом, не было никакой войны.

Хорошо... Только ночью и дышишь,— сказал Ржавин...

Я вспомнил Худоярова — что-то сейчас поделывает мой капитан! Вот поморщится-то он, узнав о моем исчезновении. И вдруг без всякой связи с этими мыслями, у меня вырвалось затаенное:

Товарищ полковник... Хочу посоветоваться... Верней, прошу разрешения в случае, если это, конечно, не повредит операции... Мне с Кюнебергом необходимо потолковать. Есть о чем!..

— А, с Гребенюком! — Полковник помолчал.— Понимаю, Громов... Вот что: пусть решает Котюков. Да, да, он. Он знает обстановку — ему и решать. Договорились; Ну, давай отдыхать! Давно пора.

ВАШУ РУКУ

Если посмотреть со стороны — что особого в двух обер-лейтенантах, которые неторопливо идут по тротуару, прячась от солнца в еще редкую тень свежей зелени! Один вышагивает, почти не сгибая в коленях ноги, другой, прихрамывая, идет позади, в девяти — двенадцати шагах от первого, идет с безразличным лицом, едва отвечая на приветствия встречающихся солдат.

Передний — Крайзер. Задний — Браун. У Брауна на кителе «железный крест», а над верхней губой аккуратно подстриженные «бабочкой» усы. У Крайзера лицо чисто выбрито, под глазами — тени. Сейчас он повернет за угол, и тогда Браун его окликнет.

Ничего особенного, что могло бы обратить на себя внимание со стороны, не происходит.

Я как бы смотрю на себя в зеркало и остаюсь доволен. Все в порядке, говоря словами Худоярова. Крайзер поворачивает за угол, я бросаю взгляд назад и вижу в отдалении чуть подвыпившего полицаю. Он что-то рассматривает на крышах. Все в порядке. Прикрытием я обеспечен.

— Господин Крайзер!

Обер-лейтнант круто поворачивается. В его голубых глазах сначала недоумение, потом удивление и сразу же настороженность, которую он маскирует деланной усмешкой.

— Браун!! Неужели!.. Действительно вы... С неба, что ли, господин парашютист!..

— Вы почти угадали, если подразумевать транспорт,— отвечаю я.

Крайзер протягивает мне сухую ладонь, и мы идем теперь рядом.

— Вы исчезаете и появляетесь подобно фантому,— говорит Крайзер.— Не правда ли!

— Что поделать, служба,— в тон ему произношу я и продолжаю: — Рад вас видеть, господин Крайзер. Очень рад.

— Благодарю.— Крайзер подчеркнуто вежлив.— Простите, я вас не поздравил... — Он смотрит на мой «железный крест».

— Фюрер ценит своих солдат,— скромничаю я.— Это за Сталинград...

— О! — Крайзер смотрит на меня заинтересованным взглядом.— Разрешите пожать вашу руку еще раз.

— С удовольствием!

Лед сломан. Теперь разговаривать легче.

— Крайзер, не отметить ли нашу встречу! У меня есть пара бутылок доброго «арманьяка». Зайдем ко мне!.. Здесь неподалеку.

— Благодарю, господин Браун. Ко не сейчас. Если не возражаете — вечером, часов в семь-восемь.

— Отлично! Встречаемся на бульваре ровно в семь.

— Договорились! — Крайзер подносит два пальца к лакированному козырьку

фуражки, и мы расходимся, он идет дальше, я поворачиваю в первый попавшийся переулок. Полицай следует за мной. Я снимаю фуражку и держу ее в руке, вытирая платком лоб. Это — условный знак, после которого полицай исчезает.

Крайзер точен. Ровно в семь я встречаю его на бульваре, и мы направляемся ко мне, в дом, стоящий на крутом берегу Оки. Дом большой, он покинут жителями и теперь там нечто вроде гостиницы или частного пансионата, где хозяйничает — кто бы вы думали! — Ангелина. Петер по-прежнему в качестве подручного своей оборотистой супруги. Фольксдойчи, как могут, извлекают из своего положения выгоду.

Между прочим, я даже благодарен Ангелина. Она явно питает ко мне чуть ли не материнскую симпатию. Благодаря ей я избавился от целого ряда хлопот и осложнений, связанных с моим вторичным появлением в Окске. Вот что значит зарекомендовать себя добропорядочным немцем!.. Мне даже не пришлось идти в ортс-комендатуру — всю церемонию оформления документов проделала Ангелина Филипповна. Мне это стоило около ста марок — в качестве вознаграждения.

Я и Крайзер сидим друг против друга (неправда ли, как парадоксально звучит эта фраза!). Крайзер молчит; больше говорю я — в данном случае это самое рациональное. Я вспоминаю эпизоды — самые подлинные, без грана выдумки, их мне рассказал в Ельце рыжий капитан, — говорю о тяжелых для Германии днях, пережитых солдатами фельдмаршала Паулюса, и клянусь его за малодушие и неверие в фюрера.

— Знаете, Крайзер, — доверительно говорю я, — я честный солдат. Я верю в великий рейх, но, простите, мне многое непонятно... Сначала под Москвой, затем — Сталинград, мрак навис над нашим правым крылом на юге... Миллионные потери, если говорить откровенно. А русские обрели второе дыхание! Что дальше! Почему мы медлим! Надо рисковать. Надо бросить на Москву пять, десять дивизий парашютистов — верьте мне, наши парни сделают невозможное. Баварцы, ганноверцы, пруссаки утвердят флаг нации над Кремлем!.. Будущее принадлежит нам, десанникам... Где-то в штабах этого не понимают.

Крайзер отхлебнул небольшой глоток арманьяка и поставил рюмку на стол.

— Не горячитесь, Браун... Думаю, что здоровые начала германской нации обязательно проявятся. Кстати, Москву необязательно брать парашютистам, и понимаю вас, я ценю парней типа Скорцанк, но простите меня... Думаю, что вскоре мы сможем предъявить русским вексель за Сталинград.

— Я вас не понимаю... — Я пожал плечами. — По-моему, пока вексель оплачивать приходится нам.

— Да... Издержки производства, Браун... Сожалею, что не могу сообщить вам нечто очень серьезное. Но в двух словах!.. Здесь создана настоящая крепость, Браун... И ворота из этой цитадели вскоре будут распахнуты, армия фюрера сделает то, что предуготовано Германии самим всевышним. Выпьем за успех, Браун! Мы вновь на пороге великих событий! — Крайзер поднял рюмку и чокнулся. — Надеюсь, в этот исторический момент мы честно послужим фатерлянду.

— Как было всегда! — Я пригубил и, держа рюмку на весу, сказал почти равнодушно: — Солдат ждет приказа. Но не будем об этом. Лучше скажите, что с моими давними знакомыми — господином инженером, фроляйн Галей!

Крайзер аккуратно вытер губы салфеткой и слегка пожал плечами.

— Франц отбыл в Германию... Простите!.. Вы же многого не знаете, Браун. Дело в том, что в начале сорок второго года русские сделали из авиабазы форшмак... Их бомбардировщики перевернули там все вверх дном до такой степени, что базу пришлось перевести куда-то под Дебрянск. Так вот, Францу повезло: он был слегка контужен и получил за это крест. Поскольку фатер Франца человек весьма влиятельный и со связями, его сын отбыл за границы рейха и ведает ныне целым управлением ТОДТа... Вот что значит иметь родство с сильными мира сего, Браун.

— Да... Не всегда так бывает, господин Крайзер. В какой-то мере я тоже мог бы

пристроиться в безопасном и теплом местечке. Но вы видите — я избрал другое.— Я искоса бросил взгляд на Крайзера.— Право, я не понимаю психологии этих, извините, маменькиных сынков, мнящих себя элитой нации. Я — дворянин, Крайзер. Правда, из всего, что имел мой отец фон Браун, ничего не осталось — старик любил цирк и женщин, и промотал все, вплоть до родового замка — тем не менее связи остались. Однако я использовал их только для того, чтобы стать рядовым офицером на первой линии огня. В этом весь смысл моего существования.

— Bravo, Браун!.. — Крайзер с любопытством оглядел меня.— Еще раз bravo! Чувствую душу прусского рыцаря, однако, любезный Браун, вы не одиноки. Мой шеф майор Штейн такого же склада. Я рад почувствовать это сходство.

Передайте вашему шефу искренний привет. Я был бы рад с ним познакомиться.

Да!.. — Крайзер с какой-то иронией посмотрел на меня. — Что ж... Передам с удовольствием... Но мы иногда бываем чертовски заняты, Браун. Как говорят русские — у нас большое и довольно беспокойное хозяйство. Так что относительно встречи...

— Конечно, абвер есть абаер! — Я кивнул. Что-то не понравилось мне в поведении Крайзера.

— Омск — город, может быть, не слишком крупный, но вражеская агентура еще дает себя знать, Браун. С местным подпольем у нас все, в общем-то, покончено было еще полгода назад. Господин Кукин и шарфюрер Кюнеберг выполнили свою миссию неплохо. Но вот советская разведка... Кстати, вы в каком звании у русских!..

Крайзер теперь пристально смотрел на меня.

— Я ценю юмор, господин обер-лейтенант! — Я наклонил голову. Вот она, провокация! Или он, в самом деле, что-то подозревает!.. Внимательней, Громов!..

— Вы отличный собеседник, Браун.— Крайзер не улыбался. Глаза его светились огоньками.— Я, конечно, шучу. Да, вы спрашивали относительно фроляйн Гали... Так вот: после бомбардировки базы она, как и остальные русские из обслуживающего персонала, была передана в русское гестапо... К сожалению, она была очень молчаливой во время допросов... Это ей лишь повредило. Мы все-таки установили личность человека, проникшего на территорию базы. Что с вами, Браун!.. Или вы еще переживаете мой вопрос! — Крайзер откинулся к спинке стула.— Повторяю — я, действительно, пошутил... Профессиональная привычка.

— Я не нахожу слов, господин Крайзер.— Я деланно возмутился.— За эти шутки...

— Настоящие солдаты бьют по физиономии. Согласен.— Крайзер опять улыбнулся.— Однако фон Браун человек воспитанный, не так ли! Кстати, это ваш пистолет! — Он бросил взгляд на мой парабеллум, лежавший на столе.— Отличное солдатское оружие, не правда ли! — Он хотел еще что-то продолжать, но я перебил его:

— Давайте напрямую, обер-лейтенант. Вы меня в чем-то подозреваете!

— Нет. Я просто уверен. Я уверен, что господин Браун истинная находка для рейха...

Аи да Крайзер! Я чувствую себя в положении мышонка, который стал забавой кошачьих лап.

— Давайте выльем, как говорят русские, посошок и расстанемся. Я чертовски устал, Браун.— Крайзер сам наполнил рюмки.— Если вдруг вам захочется увидеть меня в ближайшие дни — вот мой телефон, запишите: два-три-два. А сейчас — прозит!

— Прозит!.. — Мы чокнулись. Я готов был поклясться — в глазах Крайзера теперь действительно светилась усталость и ничего более.

Мы сухо простились, и Крайзер вышел первым. Я проводил его на улицу, и вскоре его прямая фигура исчезла в вечерних сумерках.

Первой моей мыслью было — немедленно бежать к Чернобородому. Однако, поразмыслив обстоятельнее, я отказался от этого намерения. Допустим, Крайзер в самом деле заподозрил меня. Бели так — за мной уже установлено наблюдение. Я могу привести за собой хвост. Значит, уж если и идти к Котюкову — то завтра, днем. И не к нему, — а на одну из явок.

Этим я отведу удар от Чернобородого. Если я останусь, абверовец должен заключить, что Браун спокоен и, следовательно, считает подозрения Крайзера шуткой. Во всяком случае, это психологически спутает игру Крайзера. Человек, в висок которого уперся ствол пистолета, не может быть спокойным, не может ждать момента, когда грянет выстрел. Инстинкт самосохранения заговорит в нем. Именно на это, вероятно, и рассчитывает Крайзер.

Что ж, попробуем, господин Крайзер, кто кого... Во всяком случае, абверовцы пока не пришли. Буду последователен до конца.

Я лег на кушетку, не раздеваясь, предварительно погасив свет и откинув штору с окна. Дверь я запер на ключ и на всякий случай забаррикадировал ее тумбочкой. Вдруг они решат все-таки сделать ночной визит... Парабеллум я сунул под подушку, запасные обоймы рассовал по карманам. Теперь враспloch меня не застанут...

Где-то часы пробили полночь. Слушая басовитые звуки, я вспомнил все детали разговора с Крайзером. Кажется, с моей стороны все было в порядке. По крайней мере, я вел себя так, как подобает подлинному Вальтеру Брауну. Но вот Крайзер... Неужели Галя действительно была схвачена и подверглась допросу!.. Возможно. Но ведь она не выдала имени разведчика. Если бы это случилось — Крайзер разговаривал бы со мною иначе. Это факт. Он не пришел бы, а приехал со сворой эсэсовцев.

Да, значит, Крайзер только делает предположения. Эх, Галя, Галя!.. Вот и пошла было к немцам из-за слабодушия, а все-таки нашлись в ней силы остаться человеком. Как жаль, что тогда я не мог ей помочь!.. Жива ли она! Вряд ли. Контрразведчики знают свое дело. После них вместо человека остается мешок с костями. Ну, что ж, и это я учту. Счет мой растет.

Я курю сигарету за сигаретой. Голова моя была свежа, сон отлетел, и я напряженно думал. Крайзер упоминал о Кукине и Кюнеберге. Эта сволочь, выходит, по самое горло в крови наших людей. Винокуров, Смоляков — это только наши, армейские, погибшие от руки предателей, а сколько схвачено других патриотов, остававшихся в городе!.. Кое-что я уже слышал.

Вот группа Ковалева, инженера железнодорожного узла. Она должна была взорвать железнодорожный мост. Предатель, подосланный Кукиным, выдал группу Ковалева гестапо... Половина из них уже расстреляна за городской тюрьмой. Удалось бежать только двум.

А история с Гречиным! Вовку Гречина я отлично знал еще по школе. Это был невысокий, очень развитый физически паренек, на полтора года моложе меня. Гимнаст и неплохой футболист, он жил вместе со мной в одном доме. Гречин принес много неприятностей фрицам. Он был членом бюро подпольного райкома комсомола, сколотил вокруг себя ядро отчаянных ребят, и вот...

Те же руки привели его к веревочной петле. Гребенюк знал его, очень хорошо знал.

И Сашку Белкина с тремя товарищами постмгла та же участь. Белкин был нашим связным. Он несколько раз приносил ценнейшие сведения о противнике. Вместе с Кузьмичем — моим бывшим директором/л школы — его забили насмерть эсэсовцы... Сколько же на счету Кюнеберта и Кукмна светлых жизней, честных и бесстрашных сердец!.. А я еще на встретился с предателем!..

Что ж, пока не время. Сначала — задание. Сначала я выиграю поединок с Крайзером. Остальное потом. Слышишь, полковник Ржавин!

Уснул я неожиданно для себя, а когда пройнулея — было около девяти утра. Ночь тревоги прошла.

КАРТЫ ОТКРЫВАЮТСЯ

С Котюковым я встретился в середине дня, в домике, прилепившемся возле самой стены бывшего мужского монастыря. Помню, как мальчишками мы перебирались за эту кирпичную, с узкими бойницами, стену и рыскали по старым монашеским могилам и склепам.

Ребята постарше говорили о золоте и драгоценностях, якобы зарытых вместе с монахами. Мы однажды даже вскрыли один склеп, но кроме истлевших досок, тряпья и костей ничего там не обнаружили. Правда, нашли какой-то старинный орден, который потом едали в краеведческий музей.

Теперь я опять здесь.

Чернобородый внимательно выслушал весь мой рассказ о встрече с Крайзером. Машинально перебирая свою бороду нервными пальцами. Котиков долго молчал, обдумывая услышанное. — Да,— сказал он,— ситуация... Думаю, твое решение правильное. Но черт его знает, как может повернуться дело... Вот что: задание будем выполнять по двум параллельным линиям. Выделяю тебе в помощь двух надежных товарищей. На связь с тобой они выйдут сами. Запомни пароль: завтра придет Иван, Да, старый пароль... Запомнил; Теперь мой совет: с Крайзером играй в открытую. Используй данные, полученные у Ржавина. Этот абверовец сразу убавит спеси. Главное — напони: в случае чего гестапо получит сведения, достаточные для того, чтобы он и его близкие были привлечены за преступления перед фюрером и рейхом.

А теперь о другом... Он говорил о «Цитадели». Черт! О «Цитадели» кое-что нам известно.— Чернобородый сморщил лоб, словно припоминая что-то, ускользающее от внимания.— Ну, ладно, это моя забота. А ты не робей, Браун. У нас и здесь силенка есть. О нашем разговоре я сделаю сообщение в центр. Что касается Кукина и Гребенюка — Крайзер очень близок к истине. Понимаешь, в чем сложность Обстановки для нас!.. Свои предатели в сто крат омерзительнее и опаснее прямого врага. Кстати, они подобрали штат холуев под стать себе, завербовали многих сексотов. Лишь благодаря этому «читаю, им удалось выявить многих патриотов из групп, оставленных в городе. Очень важно и то, что в числе руководителей службы абвера имеются немцы, бывавшие в городе до войны, имевшие непосредственные связи с группой лиц, ныне пользующихся покровительством своих знакомых... Вот, например. Штейн Пауль, кстати, дальний родственник командующего второй танковой армией генерала Шмидта... Все это объясняет многие наши трудности... И все-таки мы делаем свое дело. Вот так, Вальтер Браун.— Чернобородый усмехнулся, шевеля бородой.— Ну, разбежались. Иди в сторону берега, там спокойней.

Мы расстались. Нет, что ни говори, но чувствовать за спиной поддержку Чернобородого — великое дело. Два года он сидит у фрицев, два года они рыщут вокруг него, встречаются с ним и не подозревают, с кем встречаются. Котюков, торговец антикварными редкостями и всяческим барахлом... Впрочем, какой он Котюков. Я, как и немцы, не знак» его подлинной фамилии и имени. Знаю одно — это умный и бесстрашный человек, мой шеф, и мне вместе с ним вести схватку с фрицами...

Возвратившись в гостиницу Ангелины, я позвонил Крайзеру. Обер-лейтенант ответил мгновенно, и я не уловил в его голосе ноток удивления.

— А, господин фон Браун! (Единственно подчеркнутое «фон»). Вы свободны сегодня вечером! Не возражаете, если я вам покажу сегодня нечто любопытное! Тогда в девятнадцать тридцать я заеду за вами, До встречи!..

Я повесил трубку. Любопытно, что желает мне показать абверовец!.. Ну, что ж, посмотрим.

Остаток дня я провел дома, затем пообедал в новом ресторане, размещенном в здании довоенного кафетерия и к семи был вновь дома.

Крайзер оказался точен. Грязно-зеленый «мерседес» остановился у моего окна, и я услышал сигнал.

Когда я подошел к машине, Крайзер предупредительно раскрыл дверцу. Обер-лейтенант сидел рядом с водителем, а на заднем сиденье сопел какой-то полный офицер с усиками а-ля Гитлер и такой же челкой.

— Садитесь, Браун... Поехали!

Я не помню, о чем говорили мы в минуты, когда «мерседес» мчался по городу. Я запомнил лишь улицы и повороты. Уже на выезде из города мы догнали машину, крытую железом, похожую на фургон, в котором развозят хлеб. Эту машину сопровождали мотоциклы с

люльками, в которых сидели немецкие автоматчики, и открытый грузовик с группой русских полицаев.

Мы обогнали грузовики, «мерседес» прибавил скорости и через двадцать минут притормозил уже за городом. Слева от шоссе стоял густой лес, местами вырубленный. Машина свернула на просеку и, прокатив еще метров двести, остановилась.

Мы вышли, я предложил Крайзеру сигарету и он, кивнув, повертел мой блестящий портсигар в руках.— Ценная вещица, господин Браун! Чувствуется солидность....

Толстый офицер также с интересом воззрился на портсигар, и на лице толстяка засветилось подобострастное выражение,

Между тем грузовики уже гудели моторами на просеке и через несколько минут, миновав нас, остановились на краю небольшой полянки.

Полиции спрыгнули на землю и стали цепью. Кто-то распахнул двери фургона — и я увидел группу изможденных, окровавленных людей. На их лицах были кровоточащие следы побоев. Подталкиваемые прикладами, они выстроились вдоль полого уходящего вниз оврага. Последними из машины вытащили старика, прижавшего к груди старую скрипку, дядю Фи>му, и двух детишек — мальчика и девочку лет пяти или шести. Вел детей невысокий рыжеватый человек. Я посмотрел на его крупные уши — и тотчас вспомнил — это Кукин. Кукин подвел детей к угрюмо молчавшим людям, девочка почему-то заплакала, мальчик обнял ее пухлой ручонкой, и она замолчала, тряхнув черными косичками, в которые были вплетены желтые замусоленные ленточки.

Крайзер заметил мой взгляд и сказал:

— Юден... Старик и дети... А это... Группа диверсанта Йова-лева. А этот, с перебинтованной грудью, бывший бургомистр города...

Я молчал. Я смог только пожать плечами. Хотя я еще в городе смутно догадывался о предстоящем, и у меня было время, чтобы внутренне собраться с силами — сейчас я едва сдерживался. Ну, что — выхватить парабеллум, выпустить одну, две обоймы в Кукина, Крайзера, убить двух-трех полицейских! И все. Меня изрешетят на месте. Автоматчики уже стояли с четырех сторон поляны, положив руки на «шмайсеры».

— Обер-лейтенант,— сказал я вслух, — вам это доставляет удовольствие!..

— Служба... — Крайзер достал платок.— Служба доставляет прежде всего хлопоты. Впрочем, я вам обещаю подлинное удовольствие... через полчаса. Господин Кукин!.. — крикнул он, — Поторапливайтесь.

Кукин скомандовал полицаям, они вскинули винтовки. Девочка вновь заплакала, размазывая слезы по щекам грязной ручонкой. Стоявший рядом малыш вдруг нагнулся, сорвал стебелек с лиловыми колокольчиками и поднес девочке, утешая ее... А старый дядя Фима вдруг поднял каким-то чудом уцелевшую скрипку и заиграл... Я оторопел; он играл «Интернационал». Он распрямился, ветер раздувал его седые волосы, изрезанное морщинами лицо неожиданно просветлело.

— Файер! — резко крикнул Крайзер. Лицо его побледнело... Треснул залп, второй, третий...

— Доктор, вы займетесь своим делом... Господин Браун, поехали!

Мы сели в машину, шофер дал газ, и мы покатали. Сзади из чащи леса доносились сухие автоматные очереди. Я их почти не слышал. Мне чудилось негромкое хриплое пение скрипки и крики детей...

— Может быть, продолжим разговор, господин Браун! Вы спросили, доставляет ли это мне удовольствие! — Крайзер обернулся ко мне.— Для солдата нет более приятного зрелища, нежели поверженный враг.

— Вы правы,— стараясь сдержаться, ответил я.— Это закаляет душу.

— О, да!.. Кроме того, как говорят французы,— аппетит приходит во время еды... — Крайзер был возбужден.— В последнее время мы провели несколько подобных акций. Перед лицом грядущих событий тыл вермахта должен быть чист!

Ах ты, сволочь! Ну, уж я не откажу в удовольствии уязвить тебя!..

— Однако ваши старания, господин лейтенант, пока не эффективны... Право, мы, парашютисты, с детьми не имеем дела, но зато с вооруженным врагом справляемся неплохо. Но вот что я хочу спросить, когда же вокруг Дебрянска будет наведен порядок! Партизаны там чувствуют себя вольготно.

Крайзер хмыкнул.

— Ваша информация, Браун, несколько устарела... Что ж, если хотите, русские партизаны уже ощущают силу массированных ударов полевых частей вермахта. Думаю, что июнь окажется для русских слишком жарким.

— Вашими устами да мед бы пить... - Я засмеялся. — Пусть будет по-вашему. Но я, увы, не столь оптимистичен.

— Заметно, господин Браун.

— Се ля ви, как говорила одна моя французская подруга в подобных случаях. Что поделаться, если наши многочисленные службы безопасности до сих пор не могут идти в ногу с бойцами переднего края...

Крайзер промолчал. Я тоже умолк, испытывая некоторое облегчение от сознаний того, что надавал этому абверовцу несколько щелчков.

Промчавшись по городским улицам, машина остановилась на бывшей Театральной площади, ныне Адольфплатце. Передо мной было знакомое здание старинной архитектуры, здесь прежде размещались горком партии и горсовет.

— Прошу, господин Браун! Вас ждет майор Штейн. Он любезно согласился на вашу просьбу о знакомстве.— Крайзер учтиво показал на кованную медью дверь. Часовые чугунными взглядами ощупали меня с нот до головы.

Кровь застучала в моих висках. Вот он, Рубикон!..

Пройдя полутемные коридоры, мы очутились в небольшой приемной, где над телефонами сидел унтер-офицер — эсэсевец. Другой эсэсевец вырос у меня за спиной. Мой пистолет мгновенно оказался в его руках.

— Что это значит, господин Крайзер!.. — Я остановился.

— Обычная мера предосторожности. Дайте, Густав! — Крайзер взял пистолет у эсэсовца и положил его в свой карман,— Прошу!

Дверь распахнулась, и мы вошли в обширный кабинет, устланный толстым ковром. Лучи солнца пронизывали комнату, в правом углу стоял под громадным портретом Гитлера не менее громадный письменный стол. Еще правее на стене был развернут крупномасштабный план города.

— Господин гауптман, обер-лейтенант Вальтер Браун!..

Чепоак в штатском поднялся из-за стола. Лысоватый, с редкими коротко стриженными волосами, пет сорока пяти, он вовсе не походил на того, кого я ожидал увидеть. Где же Штейн!

— Садитесь, Браун...

Я сел в указанное мне кресло.

Лысоватый исподлобья «вершил меня глубоко спрятанными под лохматыми бровями бесцветно-серыми глазами,

— Какой части!.. Кто командир!.. Где дислоцирована часть!.. Когда прибыли? Цель пребывания!.. — Все эти вопросы посыпались на меня один за другим. По-моему, гауптман даже не утруждал себя необходимостью выслушать ответы и думал о чем-то другом, покачиваясь над столом и хмурия седоватые брови.

Лишь когда его рука скользнула к задней кромке стола и послышался негромкий, ко характерный щелчок, я понял — гауптман использовал звукозаписывающий аппарат.

— Вы, насколько это нам известно, учились в частной гимназии господина Нагеля, Припомните фамилии преподавателей, присутствовавших на вашей конфирмации,— Гауптман спрашивал, глядя на небольшой листок, который он извлек из своего кармана. Тщетно я пытался разглядеть, что еще таил этот злополучный пи-сток. Похоже, строки там были расположены в два столбца. Значит, слева должны быть вопросы,

справа ответы. Если так — абвер действительно почувал в Брауне чужого... Я на приколе.

— Повторяю, Браун: назовите фамилии преподавателей, присутствовавших на вашей конфирмации!.. — Гауптман поднял голову и воткнулся в меня немигающими глазами.

— Я не желаю вам отвечать. Достаточно того, что вы позволяете себе.— Я вскинул голову

— я все еще пытался играть, для этого у меня оставались возможности.

— Не знаете! — Гауптман прищурился.

— Извольте! Вайскопф и Рудерманн. Остальных я не назову.

— Почему! — Гауптман подался вперед.

— Они были грязными евреями.

в кабинете наступило молчание, во время которого я молча торжествовал. Две фамилии, названные мной, были отчетливо написаны в документе, который лежал в моем кармане. Что касается евреев — я присочинил.

— Так... — Гауптман вновь бросил взгляд на листок. Крайзер, сидевший за моей спиной, заскрипел портупеей.

— Как бы вы проахали с восточного вокзала Кенигсберга до гавани! Назовите улицы, следуя по этому маршруту.

— Давайте договоримся, господа... — Я повернулся к Крайзеру, а затем посмотрел на гауптмана,— Я отвечаю и на этом прошу избавить меня от дальнейшего спектакля. Могут быть два кратчайших маршрута... — Я мысленно представил план Кенигсберга — в свое время Ржавин, а затем рыжий капитан, инструктировавший меня, гоняли, что называется, до седьмого пота, пока я не изучил все городские магистрали этого прусского города.

Я перечислил гауптману все улицы и площади первого маршрута, а затем второго. Самым удивительным оказалось то, что гауптман оказался несколько растерянным, очевидно, на его листке был иной ответ.

— Прошу принести план Кенигсберга, господин гауптман, чтобы убедиться, прав ли я... В конце концов, я требую этого!

— Резонно! — гауптман вскинул голову.— Крайзер, принесите из библиотеки энциклопедию. Кажется, двенадцатый том. В общем, посмотрите сами!..

Четко стуча каблуками, Крайзер исчез. Отсутствовал он минут пять-шесть, в течение которых ни я, ни гауптман не обмолвились ни одним словом. Также молча гауптман взял у возвратившегося обер-лейтенанта толстый том энциклопедии и, шелестя страницами, отыскал план Кенигсберга.

— Ну-с, повторите... — Гауптман взял карандаш. Он медленно вел им, пока я перечислял улицы и, наконец, с нескрываемым любопытством, словно видя впервые, уставился на меня.

— Вы правы, Браун... Хорошо. Еще два вопроса. Ради завершения нашей беседы... — В голосе гауптмана даже появились какие-то теплые нотки,

— Расскажите-ка, где погребены ваши родители, Браун!..

И этот вопрос был предусмотрен полковником Ржавиным. Я без запинки повторил все, что должен был ответить.

— Обстоятельно и убедительно, не так ли, Крайзер! — гауптман пожевал губами и вдруг, перегнувшись над столом, спросил:

— Кем вам приходится Мария-Тереза фон Таубе! Таубе... Кто она!.. Я не знаю такую фамилию.

— Смотря как подходить к этому... — Я тянул время. Ржавин учил — в таких случаях надо заставить противника проговориться, намекнуть на то, что мажет послужить спасительной нитью.— Дало в том, что я незаконнорожденный и поэтому...

— Вы хотите сказать, что Мария-Тереза мажет считаться по линии вашего отца родственницей, а по матери нет!

— Справедливо, господин майор.

— Тогда оставим этот вопрос... — Гауптман взял сигарету из раскрытого

портсигара. — Крайзер, вы можете продолжить разговор с Брауном.

— Будет исполнено, господин гауптман!

Лысоватый встал и с тем же бесстрастным лицом ушел в дверь, искусно замаскированную под видом составной части деревянной панели, облицовывавшей стены.

Крайзер уселся за стол и с подчеркнутой иронией сказал;

— Вот вы и попались, господин Браун... Дело в том, что Марии фон Таубе в природе не существует.

Нет, черт тебя дери, Крайзер, ты хитришь. Хотя я и не знаю этой Таубе, но она наверняка существует. Если бы я в самом деле влип на этом вопросе, лысоватый не ушел бы. Я ведь знаю, что такое охотничье чувство...

— Полноте, обер-лейтенант, в таком уважаемом учреждении, как абвер, работники должны быть более серьезными... По крайней мере, я так всегда полагал.

Крайзер сощурился и покачал головой.

— А вы хладнокровны, Браун... Это делает вам честь. Я уважаю коллег-противников именно за это. Ну-с, а теперь будем говорить в открытую... — Крайзер изменил полушутливый тон на серьезный, и я насторожился. Я и так был взведен, как пружина, но в глазах абверовца мелькнуло нечто, заставившее меня стать еще более собранным.

— Я не знаю, кто вы. Ни имени, ни фамилии, ни военного звания. Но то, что вы не Браун — вне сомнения. Легенда, данная вам, безупречна. Это делает честь советской разведке, и отвечали вы на вопросы заместителя Штейна безукоризненно. Вы правы — фрейлейн фон Таубе, как таковая, не выдумка. Но... Дело в том, что эта девица скончалась в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, то есть, если верить вашим документам, в момент, когда вы жили под родительским кровом... Логично!..

Я пожал плечами, сознавая одно; Крайзер сейчас взорвет мину, а тот продолжал:

— Вы ни разу не обмолвились о ее кончине. А ведь подлинный Вальтер Браун в течение трех лет воспитывался под наблюдением Марии-Терезы, двоюродной сестры вашего, так сказать, папаша. Этой детали в вашей легенда не было предусмотрено.

Что вы можете сказать мне!

Мина была взорвана. Черт бы драл эту Марию-Терезу!.. На чем они меня накрыли!..

— Продолжим... — Голос Крайзера звучал словно металлический звон. — Нами установлено, что лейтенант парашютных войск Вальтер Браун исключен из списков своей части в тысяча девятьсот сорок первом году, как пропавший без вести... Но Браун в действительности сдался в плен вместе с десантной группой в сентябре сорок первого года. Об этом свидетельствуют показания штурмфюрера Эрнста Бокля, бежавшего в начале сорок второго из лагеря военнопленных и бывшего там вместе с Брауном...

Вы, господин икс, появились в Омске в конце сорок первого года, если не изменяет мне память и не лгут документы городской кригскомендатуры. Произошло раздвоение личности Брауна, не так ли!.. — Крайзер улыбался, торжествуя победу, Я же молчал, стараясь быть как можно собранным.

— Далее... Из донесения караульного начальника обер-лейтенанта Винера от двадцатого декабря тысяча девятьсот сорок второго года явствует, что Вальтер Браун был задержан в запретной зоне авиабазы... Гауптман Кольвиц также подтвердил факт... Вальтер Браун интересовался базой, очевидно, как турист! — В словах Крайзера звучала ирония.

— Но продолжим... А может быть, достаточно! — Крайзер в упор посмотрел на меня голубыми льдинками глаз.

— Нет... Продолжайте. — Я закурил сигарету. Мне было ясно — абвер, идя по моему следу, настиг меня.

— Отлично!.. В ночь на первое января сорок второго Брауну удалось проникнуть на авиабазу. Затем он исчез из Окска. Из показаний некоего Петрова-Лаврушина, входившего в состав группы Смолякова, — вам знакома эта фамилия! — стало известно, что русские планируют крупную диверсию на авиабазе... Спустя четыре дня после визита и загадочного исчезновения Брауна русские бомбардировщики уничтожают авиабазу...

Если следовать логике, какой вывод вы смогли бы сделать, Браун, став на мое место!..

Я пожал плечами:

— Совпадения.

— Так сказать, роковые!.. — Крайзер сощурился.— Нет. Совпадения исключены. Как исключена и случайность, якобы обусловившая вашу встречу с фрейлейн Галей. Эта русская девка была неплохим вашим агентом. Жаль, что она скончалась от сердечной недостаточности. Мы заставили бы ее заговорить!.. — Крайзер откинулся к спинке кресла, взгляд его мгновенно стал колючим.

— Между прочим, Браун, как вам удалось обработать ее! Не поймите меня превратно — это вопрос чисто профессиональный... Впрочем, можете не отвечать. Короче говоря, нам стало известно, что Вальтер Браун — русский шпион. И вот господин Штейн и ваш покорный слуга разыграли с Брауном небольшой шахматный этюд, в котором неминуемо проигрывают черные, то есть, простите, красные... Можно объявить мат, но... Нам бы хотелось знать цель вашего нового появления, Браун, Но об этом повременим. - Вам, кажется, не по себе, Браун! Я выль приперт, что называется, к стене. Да, что говорить, немцы вовсе не глупы. Ну, Громов, остается единственный шанс... Вытянешь ли ты его!..

— Сегодня мной был проделан эксперимент,— Крайзер иронически усмехнулся сухими узкими губами.— Чисто психологического порядка. Я воспользовался случаем, представленным мне господином Кукиным и Нюнебергом. Вы вели себя точно так, как я и предполагал. Безукоризненно... Хотя я в то же время рисковал получить в затылок пулю из вашего парабеллума. Кстати, парабеллум номер две тысячи триста пятьдесят восемь «Б» никогда не принадлежал Вальтеру Брауну. Это личный пистолет адъютанта генерала фон Зейскварта, плененного под Сталинградом восьмого января тысяча девятьсот сорок третьего года. Номер зарегистрирован в управлении кадров в Берлине...

Вот и еще одна мима грохнула подо мной, не оставив никаких остатков иллюзий относительно того, что меня берут «на пушку».

— Ну, будем продолжать! — Крайзер обошел стол и сел в кресло,— Или вам достаточно того, что я сказал!..

— Недостаточно. — Мои губы стали на какое-то время деревянными.— Продолжайте, Крайзер, это любопытно... — Я тянул время, мне надо было вспомнить и привести в порядок все, что я слышал от Ржавима и рыжего капитана службы госбезопасности, На удар следовало ответить ударом.

— Хорошо... — Крайзер улыбнулся.— Известная вам фрау Ангелина, кстати, наше доверенное лицо, сообщила о странных посещениях господина Брауна русским полицаем... Знаете, этот высокий, с крупным лбом, в кожаной куртке!.. Кстати, не он ли шел вслед за нами при первой кашей встрече!.. Можете не отвечать. Личность его установлена, и он расстрелян вчера вечером, как русский агент... Ну, а теперь будете говорить вы.— Крайзер прикоснулся рукой к столу, и я вновь услышал негромкий щелчок. Звукозапись включена!..

— Хорошо... — Начал я. Этот тип еще почувствует, каково быть в моей шкуре.— Вы уличили меня... Но разрешите сначала передать вам привет от адъютанта господина генерала Трескова, начальника оперативного отдела штаба группы армий «Центр»...

— Что!! — Крайзер вскинул голову.

— ...А также от некоего Штауффенберга, господин обер-лейтенант... Надеюсь, вам понятно, в какой связи это говорится!..

— Не понимаю... Что вы хотите сказать, называя эти имена.

— Сначала выключите звукозапись. Неосторожность повредит вам.

— А, черт! — раздался щелчок, и Крайзер откинулся к спинке кресла.

— Ну, вот... Вы можете меня выслушать до конца!..

— Это мой долг!

— Отлично... И дайте сигарету! — Теперь шел в наступление я. Закурив, я положил ногу на ногу и испытующе посмотрел на Крайзера. Ну, господин абверовец, я тоже сейчас укушу.

— Так вот, господин Крайзер... Нам достаточно известны ваши — да и не только ваши — связи с группой доктора Герделера,— Здесь я несколько перегнул, но не мог же я отказать себе в удовольствии щелкнуть по носу этого фашиста!..— И Гиммлер, и Кальтенбруннер, которым мои друзья могут представить соответствующую информацию, были бы не очень огорчены, ликвидировав вас, ваших близких и единомышленников как врагов рейха... Думаю, что подобная перспектива не очень радостна, не так ли! — Я пустил голубое колечко дыма.

Крайзер с каким-то насмешливо-ироническим выражением пристально посмотрел на меня. Глаза его сузились. В них даже промелькнул огонек не то любопытства, не то злорадства. Тонкие брови сошлись к переносице, губы сложились в усмешку.

— Старый прием, Браун! — сказал он.— Со мной он не уместен. Не советую, — как это по-русски! — да, не советую пускать пыль в глаза.— Он надменно вскинул голову.— Игра закончена. Да, у обер-лейтенанта была отличная выдержка. Или он в самом деле не допускал мысли, что все сказанное мною имеет основания!

— Может быть... Но чья — это вопрос...— Я взял новую сигарету. — Подумайте, Крайзер, хорошенько. Уговаривать вас не буду.— Я закурил, стараясь это сделать как можно хладнокровнее.

— Знаете что! — Крайзер сжал кулак. Карандашик, который он вертел до этого пальцами, хрупнул.— Я сейчас отправлю вас вниз... Для первичной обработки, так сказать. Уверяю - вам вырвут язык, но прежде заставят поделиться с нами кое-какими данными. Это я вам гарантирую!..

Ого!.. Крайзер грозит! Я внимательно посмотрел на него. А ведь Ржавин прав! Этот тип честно служит фюреру, против которого вместе с другими замышляет недоброе... Странная логика! От скудоумия это или... Черт подери, вот тебе и парадокс. Однако мне, как бы там ни было, от этого не легче.

— Это не по-джентльменски, Крайзер! — я пошел на приступ.

— Я не джентльмен, я работник службы безопасности вермахта, а вы — русский шпион!

— Знаете что, Крайзер!.. Надо работать изящнее. Выше классом.— Я постарался снисходительно улыбнуться.— Вы все-таки нервничаете и теряете способность трезво оценивать противника. Хотите, я скажу, о чем вы сейчас думаете!..

Крайзер забарабил пальцами по столу и дернул плечом.

— Что ж, любопытно... Любопытно послушать противника выше классом...

— Язвительность — не признак силы, Крайзер. О классности вы составите мнение попозже. Так вот, вы сейчас идете по пути наименьшего сопротивления. Учтите — Петровы-Лаврушины у нас исключения, Вы думаете, какой я делаю ход в этой комбинации. Ложный или тот, после которого король отдает корону.

— Продолжайте.

— Так вот, Крайзер, чтобы убедить вас, я предлагаю ознакомиться с этим письмом к некоему Лахаузену... Вы узнаете свой почерк!..

Крайзер влился глазами в поданный мной листок,

— Зачем же нервничать, обер-лейтенант! — Я видел, как рука Крайзера потянулась к кобуре пистолета.— Я вас уже предупредил. Вот здесь,— я постучал себя по нагрудному карману,— есть еще фотокопия вашего письма к адъютанту фон Трескова... Кстати, в нем идет речь и о вашем шефе...

Крайзер смял копию первого письма. Лицо его покрылось пятнами. Впрочем... Я, вероятно, выглядел не лучше. Мне было жарко, я чувствовал, что нижняя рубашка напиталась потом. В этом поединке хладнокровие или даже видимость его давалась мне с невероятным трудом.

— Итак, Крайзер!.. Идем вниз!.. Или вы прочтете фотокопию для большей убедительности!..— Я встал.— Идемте в вашу преисподнюю, Крайзер!..

— Не надо!..

«Не надо!..» — Слово, сказанное по-русски, повисло в тишине. Я невольно поднялся. Передо мной был Пауль Штейн. Шеф Крайзера. Мой давний знакомый.

— Идите, Крайзер. И ждите в приемной!

— Яволь! — Бледный обер-лейтенант вскинулся, как пружина, четко стукнул каблуками и на негнущихся ногах вышел из кабинета.

Когда за ним бесшумно затворилась массивная дверь, Штейн спросил:

— Кто вы!

Я смотрел на его крупный, с легкой горбинкой нос, на гладко причесанные, с белым пробором, волосы, на выдавшийся вперед тяжелый подбородок и молчал. Вдруг, в какую-то долю секунды перед глазами пронеслось мое детство, я увидел черную шавку, машину с мертвым Лешкиным отцом, перевернутую лодку и скрывающуюся в темной воде голову Пауля...

— Кто вы!.. Я все слышал. Садитесь... — Штейн явно не узнавал меня.

Я продолжал стоять. Он все слышал. Ну да, через микрофон, спрятанный где-то здесь. Вот и сейчас он что-то выдернул из стола, я услышал стук упавшего на пол предмета. Штепсель... Значит, он предпочитает разговор без свидетелей. Значит... Догадка диктовала мое дальнейшее поведение. Я сел и спросил:

— Как поживает фрау Роза, Пауль!

Штейн вздрогнул, сдвинул брови, еще раз пристально взгляделся в мое лицо и тико, словно в раздумье, произнес:

— ...Громов?!

— Да, Пауль.

Штейн с минуту смотрел на меня, покачивая головой, как бы сомневаясь в моем существовании и вдруг нажал на кнопку, белешую в правой части стола.

Дверь отворилась, на пороге встал Крайзер,

— Машину!

— Яволь!

— Возвратите обер-лейтенанту Брауиу пистолет!

— Одну минуту, господин майор!.. — Крайзер подошел ко мне и подал парабеллум. — Вызываю машину!

— И можете быть свободны, Крайзер...

— Яволь! — Крайзер исчез. В кабинете наступила тишина. Слышно было, как на подоконнике чирикали воробьи. Я посмотрел на часы — было около девяти вечера.

За окнами раздался протяжный гудок автомобиля. Штейн надел фуражку и кивнул на дверь:

— Поедем, Громов.

НОЧЬ НА 2 ИЮЛЯ

Он так и не смог произнести правильно мое имя в течение трех часов последующего разговора.

Трудно, почти невозможно передать все, что происходило в тот июльский вечер между ними. Мы были врагами, а сидели рядом, среди темноты, на берегу черной реки... Оказывается, помимо того, чем разделила нас война, было и нечто связывавшее нас вопреки логике событий. Связь тонкая, едва уловимая, скорее символическая, но она присутствовала. Да, происходило почти невероятное: советский разведчик и шеф оперативного отдела абвера мирно беседовали о событиях, ставших достоянием времени. И лишь когда все была помянуто — этакий лирический кавардак — Штейн заговорил о настоящем. Он просил считать разговор в абвере недоразумением, ошибкой и так далее и тому подобное.

И все-таки я ему не доверял, И он это понял.

— Хорошо, — оказал он. — Как вы, русские, говорите, — сказав а, говори б... Так

вот, чтобы не было недоразумений... Не в моих интересах передавать советского разведчика Громова в руки гестапо. Почему — особый вопрос... Поэтому все материалы, которыми располагает мой отдел на обер-лейтенанта Брауна, будут немедленно уничтожены... Но если ты споткнешься на гестапо,— он вдруг перешел на ты,— тут я бессилен... Канарис, увы, ныне не та фигура, чтобы на нее можно было опереться... Фюрер болезненно подозрителен, в чем ему немало способствует шеф гестапо... Адмирал Канарис не в фаворе, боюсь, что его звезда закатилась.

— Хорошо. Постараюсь не споткнуться. - Все-таки Штейн темнил, намекая на нечто особое. Мало ли кто кому в детстве спасал жизнь. Когда в отношении людей вмешивается борьба двух классов, двух социальных систем — это теряет, утрачивает свое значение. Штейн — участник оппозиции, к которой принадлежал и Крайзер... Штейн желает просто-напросто сохранить свою шкуру. Это главное. Чем больше я размышлял, тем более во мне росла уверенность в этом предположении.

Штейн, словно прочтя мои мысли, сказал:

— Настоящие немцы сейчас серьезно задумываются о судьбах будущей Германии... Война с Россией стоит колоссальных жертв, Германия теряет свой потенциал, Россия его наращивает. Настоящий немец должен быть трезвым в оценке положения и — делать соответствующие выводы...

— Что-то мало видно настоящих немцев,— съязвил я, не удержавшись.— Эти самые настоящие немцы концентрируют дивизии и танковые корпуса, чтобы снова продолжить дранг нах Ост... И вообще... Руки настоящих немцев по локоть в русской крови. Но в русской ли одной!.. И как это совместить с думами о будущей Германии!..

— Немецкая нация — дисциплинированная нация... В этом ее и сила, и слабость.— Штейн вздохнул.

— Оболванил Гитлер немецкий народ, вот что... Народ, давший миру Маркса, Энгельса. Вот ты, Пауль, в общем-то вырос в России, семь с лишним лет жил бок о бок с нами, а кем стал! Заклятым врагом!.. Что ты на это скажешь!..

— Все эти семь лет мой отец преданно служил фатерлянду... Сыновья же хотят походить на отцов... Что поделаться, такова жизнь. Для меня семь лет в России не прошли бесследно... Германии, вероятно, не следовало бы ссориться с вами. Во всяком случае теперь это становится очевидным фактом.

События сорок второго — сорок третьего годов наглядно иллюстрируют это. Я знаю русских. Вы, следуя своей поговорке, медленно запрягаете, зато быстро ездите... К сожалению, так думаю; не все из тех, кто стоит у штурвала моей родины. И все-таки есть люди, которым не безразлично будущее нации...

— Например, Канарис!.. — Я пнул сапогом камень.

— О, нет!.. Это старый наци, ориентация его на западные круги... Более молодые думают иначе... Впрочем, что об этом!»

— Да!.. Вы задавили у себя коммунистов. Это была сила, с помощью которой Германия могла стать подлинно великой нацией... Задушили, а теперь, когда положение рейха стало неопределенным, думаете, как бы спасти корабль... На кого же вы рассчитываете!

— На себя.

— Чепуха! Кучка оппозиции, лишённая поддержки народа, способна в лучшем случае на дворцовый переворот... Сомнут вас! Гитлеризм так не уничтожишь. Гитлера — можно, но гитлеризм... Это сделаем мы, Пауль.

Штейн пожал плечами и промолчал.

— Так вот, Пауль... Случай свел нас при чрезвычайных обстоятельствах, и сейчас меня интересует другое.

— Что же!..

— Ест Штейн серьезно озабочен судьбой родины — ведь это так! — он может помочь ей...

— Да, хотел бы. Но не ценой предательства.— Пауль встал с каменного обломка, на котором мы сидели.

— Боишься!

— Боюсь!.. Нет. Не то. Я уже связан и знаю, на что иду. Но быть изменником...

— Нелогично, Штейн. Что такое измена Гитлеру! Гитлер — не народ. Пауль до последнего был верен фюреру, но в конце концов прозрел...

— Знаю. Читал.— Штейн не дал мне договорить.— Не будем более об этом. Разрешите вопрос!

— Пожалуйста.

— Откуда у вас сведения о группе Герделера!..

— Слухами земля полнится.

— Если это станет известно Гиммлеру — покатаются светлые головы... Это ужасно.

— Я думаю, такое не в наших интересах.

— Логично...

Штейн замолчал, раскуривая сигарету. Я его понимал. Конечно, он боялся за себя. И сейчас думал над выходом из той мышеловки, в которую попал благодаря усердию Крайзера. Расчет полковника Ржавина оказался безошибочен — и Штейн, и Крайзер, связанные с оппозицией, уже не могли причинить мне вреда. В их интересах теперь оградить меня от всяких случайностей, от гестапо, от гауптфельдполицай, от всего, что могла мне грозить. Даже случайность, чистая случайность, в силу которой со мной мэггло произойти что-либо серьезнее, влекла для них неизбежный конец в камерах имперской службы безопасности... Так во всяком случае думал Пауль Штейн.

Я представлял, как аи желал отделаться от Вальтера Брауна!

Из мышеловки был только один разумный выход, но Штейн его пока не желал видеть. Что ж, пусть поищет другой... В конце концов, яблоко созреет и само упадет с ветки в корзину.

— У меня есть предложение...— Штейн перебил мои размышления. — Не предпринимай акций, которые связаны с... как это...

— Риском!

— Да!.. Вот именно.

— Но я разведчик...

— Я понимаю. И поэтому спрашиваю: какие сведения нужны! Ого!.. Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Что же, попробуем...

— Точную дату наступления ваших армий в районе Курского выступа.

— Я так и предполагал... Какое сегодня число! Первое июля... Да. Так вот, мне известно лишь одно: вчера в ставку рейхсфюрера «вольфшанце» были срочно вызваны с командующим группой армий «Центр» командир девятой армии генерал Модель и мой троюродный дядюшка, командующий второй танковой армии Шмидт... Очевидно, речь будет идти о точном дне начала операции... Возможно, это случится четвертого или пятого. Больше я ничего не знаю.— Штейн бросил сигарету и она, прочертив широкую огненную дугу, с шипением упала в воду.

— Благодарю.— Я встал. При всей неопределенности сообщение Штейна было исключительной важности. Чутьем я понял — Штейн не лгал. Теперь я думал об одном — как можно быстрее добраться к Чернобородому.

— Едем!

Мы поднялись на вершину прибрежной кручи, прошли по узкой тропе к пыльной ленте дороги, на обочине которой чернел силуэт машины...

Через четверть часа я вылез из «мерседеса» и направился к знакомой монастырской стене. Там я огляделся еще раз и направился к старому дому с покосившимся крыльцом.

...Я никогда не видел Котюкова в состоянии, в которое он пришел после моих слов. Он облепил меня так, что я попросил пощады.

— Ты понимаешь, что значат эти сведения!.. Ни черта ты не понимаешь!.. Молодец!..

Я действительно не понял, почему я молодец. Выходило, что я молодец потому, что ни черта

не понимаю.

— Терять времени нельзя. Промедление смерти подобно. Ира!.. Сюда!..— Чернобородый приник к «толу над листком бумаги. В дверь вошла женщина — высокая, гибкая и удивительно стройная в своем плотно обтягивающем фигуру вязаном джемпере.

— Познакомься, моя бессменная радистка.— Чернобородый на миг оторвался от своего занятия. А я, протянув руку, застыл от изумления — передо мной стояла Саша. Да, да. Богатырева Саша, ставшая еще более красивой и женственной.

— Что такое!..— Чернобородый положил карандаш.— Никак вы истуканами стали!.. Ира, марш к рации и давай на всю скорость! — Он передал Саше листок. Та схватила его и улыбнулась той самой улыбкой, которая когда-то кружила мою глупую мальчишечью голову...

Нотюков почти не отреагировал на мое состояние.

— Бывает, бывает, Браун... Ты вот что, расскажи-ка, как все у тебя получилось с абвером!..

И я, прислушиваясь к слабому попискиванию рации, подробно рассказал все, начиная с приглашения Крайзера. Конец истории я рассказывал уже при возвратившейся Саше.

— Понятно, Браун, теперь все понятно...— Чернобородый взлохматил свою шелковистую лопату.— Эх, золотая голова у нашего полковника!.. Но тут, брат, надо помозговать... Абвер есть абвер. Мы потеряли многих. Иной раз глупо, но что поделаешь, Так было с Винокуровым, Не знали, что возле явки жил старый кулек, осведомитель из русского гестапо Кукина, Понимаешь, в дворниках лет десять служил. Тихий, уважительный был, сукин сын, а пришли немцы — сразу продавать наших начал... Ну, да за зт0 он уже ответил. А вот с Вилюиским, ты его знать должен по школе — получилось сложнее. Бесстрашный парень, он внедрился отлично, стал начальником паспортного стола. Через него все наши люди пропусками снабжались. И вот гестаповцы при помощи твоего знакомого Кюнеберга спровоцировали его... Спекульнули на патриотических чувствах, причем очень тонко. Подослали к нему двух потаскух под видом бежавших из концлагеря... Доброе сердце было у парня, оно и подвело его. Дал им пропуск, а гестапо тут как тут. Вечная память ему... К чему я это говорю!.. Ты свое дело сделал. Остальным займутся другие. Есть на нашем приколе один фриц, интендант. Чин у него не то, чтобы высокий, но по роду службы этот фашист занимается важным делом — снабжает горючим чуть ли не целую танковую армию. Думаю, что он-то сейчас и пригодится нам. Конечно, придется кое-что перепроверить, но это уже дела пятое... Значит, так: никаких активных действий в смысле разведанных. Запрещаю! До особых указаний. Ясно; Что касается абверовцев — неплохо бы увести этого самого Штейна. Но не перегибай! Веди игру по-умному. Мы постараемся тебя прикрыть. Вайеберга помнишь! Вот так, И главное — держи связь со мной... Ну, еще раз спасибо, Браун! — Котюков сжал мою руку. — Ирочка, давай-ка чаю. И поесть. Я и господин обер-лейтенант голодны как волки! Пека поедаем и центр отзовется... Кстати: Саши здесь нет. Есть Ирина Забродова, обер-лейтенант Браун. Ясно!

Я кивнул и засмеялся. Что ж, так тому и быть.

И пока Ира хлопотала, Чернобородый рассказал миг о том, что она вместе со вторым радистом уже два года обводила немецких радиопеленгаторщиков вокруг пальца. Ира обосновалась со своей рацией буквально под боком немецкой служебной радиостанции наведения, которая являлась отличным средством прикрытия.

Позже, когда Котюков сам прошел к тайнику, где была установлена рация, мы с Сашей остались одни. О чем мы говорили!.. Обо всем. Словно не было ни этой июльской ночи, ни двух жестоких лет войны, ни Штейна, ни Гребенюка, ничего... Вновь было наше детство, город, полный солнца, тишины и цветов... Почему-то и я, и она обходили все, связанное с тем, чем нам пришлось заниматься теперь. И лишь в конце разговора Саша внезапно умолкла и задумалась. А потом спросила:

— Неужто это мы, те самые, Леня!.. Знаешь, не верится!..

— Мне тоже... Выросли мальчики и девочки из своих штанишек и платьиц... Надели вот это...— Я тронул рукой свои обер-лейтенантские погоны,— и стали другими...

— <А знаешь, я думала, что не встретимся... А ты думал!..

— <А я считал, если и встретимся, то после всего этого... Если уцелеем.

— А ведь надо уцелеть, а! — Саша взяла мою руку.

— Непременно!..— Я сжал ее пальцы — тонкие и очень горячие. Они чуть шевельнулись.— Мы еще в Берлине будем. А потом вернемся в Омск, опять станем тем, чем были...

— Нет. Прежними уже не будем... Лучше станем, чище, и — гораздо мудрее.— Саша тряхнула головой.— Но вот пироги буду печь я для тебя по-прежнему...— Она засмеялась.— И танцевать ты все-таки научишься...— Ее пальцы сжали мои.

Бог ты мой! Неужели я всегда был дураком, слепым мальчишкой!.. Как же здорово, что я наконец-то прозрел!

— Слушай,— сказал я,— давай выпьем. За будущее! ~ Давай!.. А чего выльем!

— Чаю! Наливай, Саша! Нам сейчас иное не положено. Противопоказано!

Вошедший Котюков лишь пожал плечами, увидев, как мы чокаемся чашками с остывшим чаем.

— Братцы, — сказал он,— нам дали добро!.. Час пробил.

А старые настенные часы хрипло пробили два, когда я отправился во владения фрау Ангелины — моей хозяйки и шпионки по совместительству. Дважды меня останавливали патрули и, проверив документы, беспрепятственно пропускали дальше,

Следующий день начался как обычно — солнцам и седой пеленой тумана над розовой окской водой.

Я проснулся от рева дизельных моторов — где-то совсем близко шла колонна тяжелых грузовиков.

По коридору уже стучали сапоги постояльцев фрау Ангелины, кто-то переговаривался, и чей-то звучный баритон повторял фамилию какого-то Ханса Хубера, которому надлежало срочно явиться в штаб корпуса вместе с командой. «Ищи, ищи,— подумал я,— наверняка этот Хубер загулял в «Национале».

Когда через полчаса я вышел на Болховскую, там было полно патрулей. Какой-то широкоплечий русский полицай пристально посмотрел на меня, но в это время со стороны маета показалась процессия легковых автомобилей под эскортом мотоциклистов и бронетранспортеров, полицейши выстроились вдоль тротуара, и я прошел дальше.

На большой скорости машины промчались в сторону Садовой улицы. Худошавый обер-ефрейтор с двумя обеденными судками в руках прогорланил что-то приветственное и, заметив, что я смотрю на него, вытянулся, щелкнув каблуками.

— Любезный,— спросил я,— кто сидел в первой машине!

— О, сам командующий генерал Шмидт! А во второй — господин комендант фон Гамман. Мой земляк, господин обер-лейтенант! — не без гордости ответил обер-ефрейтор и рысцой побежал в ближайший подъезд.

Шмидт возвратился. Значит, будут новости. Удастся ли Чернобородому то, на что он нацелил моих товарищей!.. Товарищи... Люди, о которых я не имею никакого представления. Где они — я не знал. Кто они — то же самое. Может быть, я с ними уже встречался — в ресторане, на улице, в комендатуре или на рынке — кто знает это! Вот, например, гестаповец Вайсберг, тот самый, который так кстати увез меня с авиационной базы. Не случись этого, я и ныне считал бы его подлинным фашистом. Или тот человек, который под внешностью русского полицая следовал за мной и Крайзером. Пять пароль, сочетание нескольких безобидных слов, сказанных при случайной, на первый взгляд, встреча, указывали мне — это свои.

Я знал — в городе действует несколько групп наших разведчиков. Одной из них руководил Чернобородый. Кто остальными — бог весть. Незримые для друзей и врагов, они видели то, что надо было видеть, слышали то, что интересовало разведцентр. Они действовала — в

Окшке то горели склады, то где-то падал под пулями неведомых стрелков предатель и эсэсовец, то среди ночи вдруг взлетали сигнальные ракеты, и наши бомбардировщики безошибочно высыпали свой гремучий груз на важные военные объекты.

Кто говорит, что разведчики действуют в одиночку! Неправда. Локоть товарища чувствуется всегда. Раньше или позже — но чувствуется. И если это не так — удачи не жди. Только когда удивительна повезет... Хотя и нет правил без исключения.

Эту истину я понял. Еще тогда, в сорок втором году. И поэтому, наверно, перешагнул то, что обычно называется страхом. Не солгу—вначале мне думалось, что каждый встреченный фашист уже по одним моим глазам догадывается, кто я. Мне казалось, что чей-то пристальный взгляд — это ситная тревоги, что за мной следят, где бы я ни был, что меня готовы схватить врасплох среди ночи, на улице, дома...

Оказывается, у страха глаза велики. Дело и проще, и в то же время сложнее. Главное — уверенность в себе, способность резко анализировать события. Лиса чует запах зайца и идет по его пятам. Но если вместо зайца встречается сеттер — лиса сворачивает в сторону. Надо быть сеттером, надо знать, что позади идет охотник, который поддержит тебя в любую минуту.

Впрочем, это довольно путанные мысли. Есть специальная литература, в которой все изложено точнее, проще и понятней. Но я недаром заговорил о сеттере. Сегодня я сам вышел на след. Мне был нужен Кюнеберг—Требенюк, и я отправился выяснять его координаты.

Фрау Ангелина — неиссякаемый источник информации. Именно она в последнее время рассказала мне массу самых различных истерий, происшедших в городе. Конечно, эта пища подавалась под соответствующим соусом и в откровенно нацистском оформлении, но я старался из ее мешанины выловить, как говорят философы, рациональные зерна,

Так, я узнал, что после убийства начальника гауляйфепьд-полицай — немецкой службы контрразведки, кстати, убийства весьма дерзкого, среди бала дня,— Кукин и Гребенюк свирепствовали особенно яро. Они схватили несколько десятков ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей и, после допросов с пытками часть отправили в концлагерь, часть передали немецким властям, которые утерли их за стеной той же городской тюрьмы.

Узнал я и иное — однажды бургомистр города дал бал в честь свадьбы гауптмана «Люфтваффе», немецкого летчика и русской, некоей Маркович Софьи. Самым важным оказалось то, что! я знал Маркович еще по заводу, где она числилась активной общественницей. Шатенка среднего роста, с пышным узлом волос, кокетливой родинкой на правой щеке и полными, вишневого цвета, губами, она была очень красива. Говорят, что полячки очень импозантны. Маркович была по происхождению полячкой.

На свадьбе в числе приглашенных присутствовали русские из полиции Гребенюк и Кукин со своими заместителями... Когда молодожены и немецкие гости покинули помещение, оставшиеся перепились и подняли стрельбу. В перестрелке был ранен бургомистр Лопаксин. Говорят, что произошло это не без ведома самого начальника полиции, или как ее привыкли называть — русского гестапо, Лопаксина подозревали в связи с партизанами...

Так вот, в середине дня я отправился на Приреченскую улицу, отыскивал здание городской полиции.

Это был угловой дом, довольно обширный, с подвальными помещениями и вместительным двором, у ворот которого стояли несколько полицаев и группа женщин с узелками в руках. В глубине двора виднелась закамуфлированная желто-зелеными разводами легковая машина, стекла которой протирал чернявый мальчишка. Поодаль от машины на траве сидели угрюмые люди, и около них расхаживал толстый полицай с куском черного резинового шланга в руках, Я видел, как он с размаху ударил какого-то мужчину в разорванной нательной рубашке, и тот закрыл руками лицо, на котором тотчас вспух рубец.

Со стороны толкучки, расположенной неподалеку, все время приводили женщин и мужчин. Некоторые, вероятно, торговки и перекупщицы — отчаянно бранились с конвоирами, другие шли покорно и лишь беспокойно озирались. Часовые у ворот похотывали и бесцеремонно лезли за содержимым кошелок и узлов, которые несли эти люди. От полицаев густо разило

перегаром самогона и чесноком.

— Чепугин!.. Заводи мотор! — на лестнице деревянного дома показался взлохмаченный, медвежьего вида мужчина в немецком мундире. Чернявый шофер сделал жест рукой и полез на водительское место.

— Вы, осторожней!..— Один из полицаев-привратников цыкнул на своих товарищей.— Сам Крупенников вылез.

— А! — Широколицый полицай беспечно махнул тушкой курицы, которую он вытянул из мешка пожилой плачущей крестьянки. — Крупа сам не прочь... Да ему не до нас, он русского летчика в гестапо повезет. Упорный, дьявол, попался. Всю ночь мы его спрашивали, молчит. Когда прибор ему зажали — сознание потерял, а ничего не сказал... Коммунист!.. Ну, зато теперь будет раскорякой ползать, гад!..

— В гестапо язык развяжут. В руки Кюнеберга попадет и заговорит. — Полицейский зевнул и смачно сплюнул себе под ноги. — Чертова наша работа! Ночью по городу рыщешь, днем — Дежурить изволь. Поспать бы!..

— Слушай, ты..— Я несколько приблизился к недовольному и поманил, его пальцем. Он сначала уставился на меня бараньими глазами, затем сорвался с места и вытянулся передо мной.

— Слушаю, господин обер-пейтенант!

— Вы говорили о Кюнеберте... Где я могу его увидеть!

— В гестапо, господин обер-лейтенант. Знаете дом, что на Адольфплатце! Вход со стороны реки. Господин Кюнеберг на новой службе уже месяц. Хотя... Сегодня он работал всю ночь, мы ему партию железнодорожников доставили. Значит, он дома сейчас. А его адрес — Пушкинская, дом...

— Спасибо, адрес я знаю! — Я не дал договорить полицая и, как бы, завершая разговор, поднес два пальца к козырьку фуражки. Полицай сделал налево кругом и отправился к воротам, а я неторопливым шагом двинулся к толкучке. Что-что, а дом на Пушкинской улице я знал.

Теперь мне надо было отыскать Чернобородого. Я прошел на толкучку, похожую чем-то на город, вывернувший вдруг свои бесчисленные карманы. Горы тряпья, рухляди, ржавых инструментов, каких-то заводских приборов, запахи печеной картошки, моченых яблок, неумолчный говор и пьяные крики. Все было здесь пестрым, сумбурным и бестолковым.

Лавка Котюкова оказалась закрытой.

Я еще дважды подходил к голубому ларьку, но тщетно. Чернобородого не было. Посмотрев по сторонам, я уже решил уйти, когда мое внимание привлек человек в помятой шляпе и спортивной кожаной куртке, державший в руке обшарпанный саквояжик. Откуда он появился, я не заметил. Он смотрел на меня странными глазами и, встретив мой взгляд, приподнял шляпу. Затем человек приблизился и, оглянувшись, спросил:

— вы интересуетесь старыми иконами? Есть несколько. Кстати, завтра придет Иван... С тем же товаром.

Это был пароль, данный Котюковым.

— Идемте... К реке, там филеров поменьше.— Человек пошел впереди, я следом в некотором отдалении. Мы вышли на крутой берег и остановились.

Раскрывая саквояж, человек полушепотом сказал,

— Отправляйтесь к Ирине. Вас ждут. Есть новости. — И громко добавил: — Извините, я ошибся. Работы мастеров шестнадцатого века уже проданы. Не хотите ли девятнадцатый!

— Данке. Эти не нужны...— Я пожал плечами и с недовольным видом направился за угол. Навстречу шли два немецких жандарма. Когда я обернулся, человека в помятой шляпе уже не было.

Был седьмой час вечера, когда я оказался у монастырской стены.

Чернобородый ждал меня.

— Наконец-то!.. Ну, Браун, поздравляю!.. Три часа назад я сообщил Центру о выполнении задания...

— Уже?! — Я даже привстал за столом.— Генерал Шмидт ведь только утром возвратился из ставки.

— Уже, Браун... Ребята поработали на совесть. Наступление планируется на период с третьего по шестое... Судя по всему, это произойдет пятого июля, рано утром... Так думает наш интендант. Сегодня второе. Время у наших есть. Ирина, дай карту...

Саша подала Чернобородому немецкую карту. Тот развернул ее, и его палец с обломанным ногтем заскользил по глянцевиной поверхности:

— Смотри: вот наша тринадцатая армия. Немцы планируют удар в самом центре, на Ольховатку. Это — главное направление. Вспомогательные удары наверняка будут в направлении Малоархангельска и Гнильца, по стыкам с семидесятой и сорок восьмой армиями. Здесь — крупные танковые соединения, оснащенные машинами типа «тигр» и штурмовыми орудиями «фердинанд». Численность машин до пятисот штук. Рассчитывают немцы на внезапность, это их козырь. Но теперь он бит!.. Эх, черт, мне бы туда! — Котюков вцепился в бороду.— Ты извини, я ведь общевоинский, так что это моя слабость...— Он почему-то смущенно заулыбался и свернул карту.— Спрячь, Ирина. Пригодится. Ну, а теперь главное, зачем я тебя вызвал. Части наших людей приказано возвратиться за линию фронта в ближайшие четыре-пять дней. Ты в их числе,

— А вы!..

— Я и Ирина будем обеспечивать переход. А дальше — как прикажут. Между прочим, я за свою явку начинаю опасаться... Что ты хочешь сказать?

— Почему меня?..

— Большого я ничего не могу добавить. Такое приказ полковника... Да ты не вешай носа! Вы с Иришкой еще увидите! Вот расколошматят наши фрицев и увидите!

— Чернобородый весело блеснул глазами и хитро подмигнул.— Так и быть, попрошу у командования неиспользованный отпуск за два года и погуляю на свадьбе обер-лейтенанта Брауна и своей радистки...

Саша вспыхнула и отвернулась, скрывая предательский румянец.

— Ну, что застеснялась! Ты знаешь, Громов, она ведь о тебе мне такое наговорила, что будь я девицей, обязательно подставил бы ей ножку! — Чернобородый захохотал и подтолкнул меня в бок.— Эх ты, мужик! Сам как красна девица засмутился... Ничего, ребята вы мои, все идет своим чередом. Чую — крышка будет фрицам на этом выступе...

Да, на всю жизнь врезался в мою память этот ранний вечер второго июля тысяча девятьсот сорок третьего года. И хотя спустя двое суток землю потрясут грозные удары тысяч немецких и наших орудий, хотя в удушливой гари пороха и копоти пожаров только начнет явственно обозначаться контур того, ради чего мы и находимся здесь, в придавленном, страдающем Окске, хотя нас еще ждали утраты и тысячи, долгие тысячи верст по разбитым дорогам гремящих сражений — второе июля стало для меня той вершиной, откуда смотрится далеко-далеко... Может быть, тут сыграло и нечто глубоко субъективное, может быть, тот первый поцелуй Саши, от которого мир вокруг меня вдруг засиял всеми цветами радуги и встал в своей первозданной красоте, чистоте и свежести... Может быть, И все-таки это было только второе июля — канун нависшего урагана. Назавтра я должен оставить Окск. Я донимая — мое присутствие необходимо в другом месте, И еще чувствуя на своих губах теплое дыхание Саши, я сказал перед уходом Чернобородому:

— Я вышел из игры. Разрешите мне взять Кюнеберга. Я должен это сделать! Иначе совесть заест меня... Понимаете!..

— Взять Кюнеберга!.. Гм... Вероятно, в смысле убрать его!

— Пожалуй, это точнее.

— Ты все продумал!

— Да.

Чернобородый вздохнул. Потом он пытливо посмотрел на меня.

— Сумеешь ли!.. Помощников я тебе не дам. Не могу. Не то есть причины. А ведь Кюнеберг

не дурак. Запросто с ним не разделаешься. Поэтому я спрашиваю...

— Он еще спрашивает!..

— Ну, хорошо... Верю.— Чернобородый опять почему-то вздохнул.— Только умно. Я не хочу, чтобы ты...— Он не договорил. Л мне и так было понятно недосказанное. И я пожал его твердую ладонь.

— Не сплюшаю, поверьте.

— Верю... По Гребенюку давно осина плачет.— Глаза Чернобородого внезапно повеселели, он улыбнулся:

— А ведь знаешь... Дам я тебе помощника. Абсолютно толковый парень. Но — для второй роли. Квартира Гребенюка охраняется — это я знаю. Ты расположение улиц помнишь!

— Еще бы!..

— Так вот, против дома, где живет Гребенюк, парикмахерская. Парикмахер — наш человек. Он отвлечет внимание охранников. Может быть, не всех, но большинства. Ну, скажем, организует день рождения с выпивкой или что-то в том же плане. Часов в десять вечера. Это тебя устроит!

— Вполне!

— Решено. Но ты парикмахера не знаешь и не должен знать. Считай, что действуешь один.

— Понятно.

— Погоди... А ежели твой визит наделает шума, маршрут отхода продумал!

— Я там все ходы и выходы как пять своих пальцев знаю. Уйду по садам и дворам.

— Тогда — держи! — Чернобородый сунул мне свою папу.— Жаль, что это вне программы!.. Можно было бы и поосновательнее заняться Гребенюком, Стой!..— Чернобородый с виноватым видом постучал себя пальцем по лбу.— Склероз, что ли!.. Вроде бы не по возрасту... Ты вот что, внимательно осмотри квартиру Гребенюка. Могут оказаться документы, представляющие для нас особый интерес.

— Об этом я уже подумал.

— Топай, господин Браун. И — поосторожнее. Срок тебе — одна ночь.

— До свиданья, Борода! До завтра, Саша!..

ПОГОВОРИМ, ГРЕБЕНЮК

«До свиданья. Борода», — эту фразу я повторял неоднократно, пока шел через весь город. Вечерний закат тускло просвечивал сквозь марево — в воздухе стояла пыль. Тряслась земля, тонко дребезжали перекрещенные бумажными полосками стекла оконных рам — по улицам лязгали танки — огромные, тяжелые, неуклюжие. Тракторы тащили укутанные в чехлы осадные орудия, бесшумно катились за автомашинами зенитки. Где-то в вечернем неба гудели самолеты — не то немецкие, не то наши.

На некоторых зданиях из-под слоя вылинявшей верхней краски проступали метровые буквы: «враг не пройдет!» На стене Ильинского собора я прочел: «Берегись шпионов и провокаторов!». А на Пушкинской, с кирпичного забора, у бывшего здания райисполкома, кричала надпись: «смерть фашистскому зверю!» Надписи были первых месяцев войны, немцы их смывали и замазывали, но тщетно. Краска оказалась чрезвычайно стойкой.

На одном из перекрестков я остановился — отсюда была видна часть корпуса дома, в котором я жил перед войной. Он был весь в серых и зеленых пятнах маскировки. Я знал — там устроена казарма для солдат и склад продовольствия. Но более половины дома пустовало — немцы выгнали из него всех жильцов.

Я пропустил мимо себя колонну грузовиков с покрытыми пылью солдатами, которая длинной змеей потянулась на Курскую улицу, а затем медленно направился к высокому зданию, Вот оно, логово Гребенюка.

Я не спешил. Мне надо было дождаться темноты. И я продолжал неспешно прогуливаться неподалеку, пока не затихло движение и мрак опустился на город.

Это был старый двухэтажный дом, фасадом выходивший на Новосельскую и Старо-Московскую улицы. Войти в него можно было со двора — сначала в ворота, затем в темный подъезд с крутом каменной лестницей, ведущей на второй этаж.

А вот и парикмахерская — старое, купеческой постройки кирпичное здание. Окна прикрыты ставнями. Из-за них доносится музыка. Видимо, крутили пластинки на патефоне — я услышал мелодию танго «Брызги шампанского». Значит, парикмахер делает своз дело. Отлично! Теперь мне пора идти к Гребенюку.

Я бросил сигарету и направился к воротам. Из темной ниши вывернулась человеческая фигура. Полицай, Стало быть, Кюйеберг бережет свою персону. Что же, бояться он должен.

Я пошел прямо на полицая. Он подпустил меня на два шага и тотчас вытянулся, уступая дорогу.

— Спишь, свинья! — выругался я по-немецки. — Почему пропуск не требуешь!..

Полицай что-то забормотал, видимо, не поняв меня. Я зашагал по двору и оглянулся с порожков подъезда. Полицай остался за воротами. Вот так, напролом и надо действовать с этими сволочами.

Стараясь не стучать каблуками, я поднялся по лестнице наверх. Слабый свет проникал сквозь окно, но я бы и в полной тьме отыскал нужную мне дверь.

Что-то стеснило мое дыхание, и я остановился. Надо успокоиться. Я должен быть абсолютно спокойным. Именно сейчас... Так я простоял у двери около минуты. И вдруг я подумал — а если он не один!.. Это может помешать. Была — не была!.. Судя по тишине, в квартире никого нет. Может быть, и самого Гребенюка нет...

Я взвел пистолет и вновь вложил его в кобуру. Надо стучаться. И уже подняв руку, мельком подумал: а все-таки я не железный...

Я постучал — три раза, с паузами. За дверью раздался едва уловимый шорох. Я постучал вновь — если он не откроет — я буду ругаться по-немецки. Я знал уже — это отлично действует в таких случаях.

Однако вслед за стуком я услышал голос:

— Кто здесь!.. — это говорил сам Гребенюк,

— Обер-пейтенант Браун. Служба абвера. — Я отвечал по-немецки. — От господина Штейна.

— Айн момент, герр Браун! — звякнул запор, и дверь отворилась. Передо мной стоял Гребенюк — в черных галифе и белоснежной рубашке с черным же галстуком. Я узнал его, несмотря на полумрак и этот костюм.

— Войдите. Чем могу служить!..

— Одну минуту, господин Кюнеберг... Нам не помешают! У вас есть еще кто-нибудь!..

— Да... Но... Это не важно... Прошу в гостиную!.. — Гребенюк закрыл на запор дверь и учтиво пошел впереди меня. Так я и знал, что у него люди! Это осложняет мой визит.

Однако в гостиной, которую освещала большая керосиновая лампа в виде китайского фонаря, сидела одна женщина, вернее девушка в розовом, с красными тюльпанами, халате, е высоко взбитыми и закрученными в локоны белокурыми волосами,

На столе стоял поднос с кофейными чашками и вазочкой печенья. Похоже, здесь было рандеву тет-а-тет,

— Леночка, извини... — Кюнеберг слегка пожал плечами и сделал жест в сторону следующей комнаты. Девица, стрельнув по мне масляными глазами, неохотно поднялась, небрежно запахнув халат на груди, и скрылась за дверью, из замочной скважины которой торчал ключ. Вероятно, там был рабочий кабинет, Я подошел к двери и повернул ключ.

— Это излишне... — Кюнеберг нервно пожал плечами, хотел что-то произнести, но я опередил его;

— У вас есть телефон!.. Отлично. Садитесь! — Я сел рядом с аппаратом, стоявшим на полированной тумбочке.

— Еще раз, господин обер-лейтенант, что вам угодно! — Гребенюк начал волноваться.

— Садитесь... Вот сюда... — Я указал на мягкое кресло поодаль от стола.— Вооружитесь небольшим запасом терпения...

Кюнеберг неохотно сел. На его лице было, как говорят в этих случаях, написано нескрываемое недоумение. Он меня не узнал. То ли я действительно изменился, то ли немецкая форма изменила мою внешность, но это было так, и я мгновенно решил сыграть на этом.

Я вытащил из кармана клочок гимнастерки и бросил его Кюнебергу.

— Что вы можете сказать об этом, господин Кюнеберг!..— Буду искренним — внутренне я весь дрожал от напряжения, лишь ценой невероятных усилий мне удавалось удерживать внешнее спокойствие, вернее — подобие невозмутимости. Я уже раньше заметил, где висел мундир Гребенюка — на спинке стула, стоявшего рядом со мной. На той же спинке висела и кобура пистолета. Так что Гребешок сейчас был в сущности безоружным, если в его кармане не лежал другой пистолет.

— Что вы можете сказать об этом, господин Кюнеберг!..

Я смотрел на его лицо, половину которого скрывала тень. Око пополнело, стало еще красивее! Светлые, гладко зачесанные назад волосы аккуратно подстрижены и покрыты бриллиантином. Красавчик, ничего не скажешь. Тип породистого производителя. Пожалуй, внешностью он смахивал на немца еще больше, чем я,

Сейчас он внимательно рассматривает клочок собственной гимнастерки, вертит его в руках и пока еще ничего не понимает. Любопытно, что будет дальше?.. Узнает меня или нет!..

— Что вы можете сказать об этом, господин Кюнеберг!.. Мне кажется, что руки Гребенюка, его длинные, нервные пальцы, покрыты кровью. Я почти физически ощущаю, как ее капли падают на пол с мягким шорохом и разбрызгиваются на темных лощеных квадратиках дубового паркета... Конечно, это капает вода в раковину, что находится на кухне, рядом с прихожей, это я понимаю, и все-таки мое ощущение не проходит. Ведь он весь в пилкой крови, этот бывший товарищ из моего детства, мой бывший однопольчанин, бывший согражданин, бывший Гребенюк, а теперь Кюнеберг... Бывший, бывший, бывший...

— Что вы можете сказать об этом, господин Кюнеберг!..

Почему он молчит!.. Три складки пересекли его лоб, он смотрит то на тряпку, то на меня. Ну, ну, давай, Гребенюк! Извивайся, юли, лги! Стань на колени — ведь ты понимаешь, зачем пришел я!.. Или ты еще ни черта не понимаешь!.. Тогда я напомним!.. Я снимаю фуражку и кладу ее на стол. Ну!.. Смотри!..

Я прозевал какую-то долю секунды — ровно столько, чтобы на успеть вытащить парабеллум. Он кошкой метнулся ко мне, опрокинув кресло. Еще доля секунды — и его кулак с хряском ударил бы в мой подбородок. Однако ничего не произошло. Я мгновенно ушел от сокрушительного удара вправо и в то же время мои руки повторили раз навсегда заученный прием. Рывок, несильный удар по вывернутой руке Гребенюка — и он на полу, мычит от боли.

— Ах, какая ты гадина, Гребенюк! Вставай!..

Гребенюк медленно поднимается, кривясь от боли, и почти падает на стул.

— Учти — осечки не будет. - Я кладу на колени свой пистолет.

Гребенюк бледен. Я вижу, как пот покрывает его высокий чистый лоб мелкими капельками. За запертой дверью раздается какой-то нежный шум. Я громко говорю:

— Вы, там, за дверью... Если хотите уцелеть — сидите молча. Ясно!

Испуганная девица торопливо произносит «да» — сначала по-немецки, потом по-русски. Ну, с этой все. Шавка ползала хвост.

— будем говорить,— спрашиваю я Гребенюка,— или сразу завершим эту встречу!..— Я поднимаю пистолет. Мне, в общем-то, церемониться ни к чему. Он не церемонился, когда допрашивал и предавал.

— Между прочим, у тебя еще есть время, Гребенюк. Я не спешу.

Он молча глядит на меня. Тонкие губы прыгают, передергиваются. Ну, да, еще бы! Трусит. Он всегда был трусом.

— Ну, рассказывай. Все, начиная с нашего последнего боя. Выкладывай, Гребенюк. Как ты ухнул в омут. Говори!.. Хоть один русский будет знать твою историю.— Голос мой звучит твердо, я почти спокоен.— Ты думал, что мы до тебя не доберемся! В Гитлера уверовал, надеялся на немецкие автоматы! Коммунистов истребить хотел» А видишь — коммунисты и здесь подлецов находят. Всех вас найдем, рано или поздно. Никто не скроется, уж в этом можешь мне поверить. Вместе с Гитлером в гроб загоним...

Я отводил душу. Я не надеялся на ответ. Я его хотел казнить — сначала морально. И я ошибся. Да, Гребенюк не был так прост. В этом я убедился, когда он вдруг заговорил низким, прерывистым голосом.

— Знаешь, Громов... Ты можешь понять, что сейчас я жалею, что не пустил пулю в твой затылок еще там...

— Я мо знаю. Дальше.

— Ну, так вот... Я долго ждал сорок первого года. Да, да! Ты думал — я пацан!.. Я и пацаном думал об этом. Только молчал... Моего дядю, горного инженера, гепеушники закатали на Беломорканал еще в тридцать втором году. За что!.. За то, что он, видишь ли, вдруг оказался вредителем. Какая-то шахтерская пьянь нарушила технику безопасности и сдохла в собственном г... Дядя же ответил за это лагерным туберкулезом... Моего отца в тридцать восьмом году загнали в Воркуту. Об этом я молчал. Теперь знай. Д за что! Он был учителем физики — и только. Не его вина, если у него был аналитический ум... В общем, десять лет — это срок. Л я!.. Сейчас бы я учился в институте. Разве я не имел на это права!.. Вы отняли его у меня. Я должен был идти в цех, мусолить железо, набивать мозоли... Но я не хотел быть рабочим быдлом!.. Я не хотел, не хочу быть серым среди серых. Я многое смог бы. А мне — от ворот поворот. Сын врага народа! Да, сын!

— Дальше!..

— А дальше все понятно...— Он вскинул голову.

— Да... Значит, страдалец за правду!.. На кого же ты озлился, кого стал ненавидеть, с кем встал в одном ряду!.. — Я поднялся и оперся о стол.— На народ, на родину обозлился! Вместе с бывшим буржуем Кукиным стал в один ряд. Убивать начал своих!.. Да что ты понимаешь в серых! Эти серые сейчас не щадят себя, животы кладут, бьются с фашистами за Россию, за Родину, прежде всего! Они всю жизнь горбачили, а ты хотел на чужом хребте в рай въехать! О дяде заплакал... Да, он подлец, шахтинец самый настоящий. Таких расстреливать надо, а не...— 55 даже задохнулся.— Рабочее быдло... Это быдло на тебя хребет гнуло, чтобы ты мог образование получить. Мозоли, видишь ли, он набил! Задницу тебе надо было набить. Система ему не по нраву... За фашизм ухватился, сволочь!.. Это же ты потонул в дерьме, Гребенюк, виноват — герр Кюнеберг. Ладно. Мне теперь все ясно. Но как ты мог убить Лешку!.. За что!..

— Я его не убивал...

— А Винокурова?.. А Галю!.. А сотни людей, которых ты предал в руки гестапо!..

Гребенюк молчал.

— Становись к стенке, Ну?! — Я вскинул пистолет, Гребенюк неотрывно смотрел на дуло парабеллума. Глаза его расширились. Он поднялся, пошатываясь, вышел на середину комнаты и вдруг рухнул на колени.

— Не надо!.. Не надо, Громов!.. — Губы его тряслись, слюна бежала из уголков рта.— Я ведь могу пригодиться, понимаешь!..

— На пугало!.. Не годишься. Становись!..

— Я серьезно!.. У меня есть...— Голое его осекся.

— Что?! Выкладывай!

— Но ты не будешь стрелять!..

— Что у тебя есть!!

— Списки... Кукин поручил их подготовить мне. Списки благонадежных и неблагонадежных... Это почти триста человек. Они здесь, завтра я должен представить Кукину для отправки в гестапо... Я уже сделал их набело.

— Откупиться хочешь! — Я надел фуражку, продолжая не спускать глаз с Гребенюка, Черт возьми, а ведь есть резон посмотреть, что это такое. А вдруг дельное...

— Ну-ка, где они!..

— В кабинете...

— Открывай!..

— Сейчас!..

Он отомкнул дверь, и мы вошли в кабинет. Девушка с визгом забила за шкаф с книгами, мы не обратили на нее никакого внимания,

Гребенюк выдвинул средний ящик письменного стола и достал скатку.

— Вот...

Да, перед моими глазами были поименные списки людей, сотен людей, половина которых была втянута Кукиным в гнусное предательство, а другая — обрекалась на уничтожение. Первый список насчитывал до ста сорока человек, второй кончался порядковым номером сто пятьдесят семь. Среди фамилий первого я увидел несколько знакомых. Вот фамилия фрау Анжелины. Вот Ланские, брат и сестра... Значит, я тогда, в детстве действительно не ошибался!..

Стук двери заставил меня вскинуть пистолет. Я выстрелил два раза, но было уже поздно. Ключ, неосмотрительно оставленный в двери, повернулся. Гребенюк поймал меня в мышеловку! Надо уходить!.. Но куда!.. Я схватил скатки и, сунув их за пазуху, ринулся по комнате. Раздался визг, девушка, очевидно, насмерть перепуганная мною, с разбегу бросилась к окну. Я опередил ее. Стекла задребезжали, черная штора упала, рамы распахнулись. Я услышал, как вдруг под моими ногами гулко охнуло железо, и память мгновенно подсказала: здесь кровля примыкавшего одноэтажного дома.

Через несколько секунд я уже бежал по скату крыши, обращенному во двор. Добежав до чердачного выхода, я вскочил в «его», включил фонарик и, найдя четырехугольник входа на чердак, прыгнул вниз...

Где-то кричали люди, потом затарахтели мотоциклы, а я петлял по проходным дворам и садам — эта дорога мне давно знакома. Задворками можно было беспрепятственно пройти к парку пожарников, а оттуда — путь открыт на любую улицу.

В последний раз перепрыгнув через низенький полуразобранный заборчик, я стал в тени высоких кленов и прислушался. Все в порядке, кажется, я ушел благополучно.

Досада была, пожалуй, самым сильным чувством, которое в данный момент охватило меня. Мысль, что Гребешок перехитрил меня, приводила в ярость. Надо же было так заняться списками! Ведь Гребешок на это и рассчитывал. И я попался на удочку. Но что теперь!..

После драки кулаками не машут. Теперь нужно срочно доставить списки Кукина Чернобородому. И как можно быстрее. Пока по моему спаду не пошло гестапо.

Держа руку с парабеллумом в кармане, я зашагал к темному перекрестку. Там мелькнула чья-то тень, я остановился, вглядываясь, но ничего подозрительного не увидел.

Я уже миновал перекресток. Дальнейший путь пролегал по Алексеевской, Кузнечной, мимо руин завода текстильных машин вплоть до Оки. Там бы я счел себя в безопасности. Река в этом месте обмелела, можно было перебраться на левый берег, затем по пустынным глухим улочкам добраться вплоть до гостиницы фрау Анжелины. А до янки Каткова — рукой подать. Даже если овчарки гестапо бросятся в розыск, все следы оборвутся в реке.

Так или примерно так думал я, минуя перекресток. И вдруг кто-то властно приказал мне:

— Стой! Руки вверх!..

Еще продолжая идти, я сообразил: это русский полицейский. И круто повернувшись, сказал по-

немецки:

— Вас!.. Комм цу мир! Что! Иди сюда!

Из тени, отбрасываемой забором, выдвинулась темная фигура человека с винтовкой на изготовку.

Может все обошлось бы, не случись непредвиденное: облака, закрывавшие небо, разорвались, и лунный свет миг сделал ночь голубой и прозрачной.

Полицай взгляделся и вдруг почти радостно ахнул:

— Громов!..

Я вздрогнул. Вот уж если не повезет, так не повезет!.. Перед моими глазами стоял не кто иной, как Пашка Калянцев, наш бывший центр нападения из «Рот-Фронта»... Недаром между нами была если не вражда, то явная антипатия. Бывший жулик теперь пошел к немцам в услужение — а как же еще! Пораженный гнилью овощ разлагается...

Громов, да еще под офицера... А ну, вверх лапы!..— Он вскинул винтовку.— Я тебя уже засек на Болховской. Ну, теперь не уйдешь, гая, вверх...

Я нажал на спусковой крючок, не вынимая пистолет из кармана. Калянцев без стопа пошатнулся и, перегнувшись, упал вперед, лицом в землю. Винтовка стукнулась о камень и звякнула... Собаке — собачья смерть.

и метнулся в тень заборов и побежал. Когда возле мертвого Пашки окажутся немецкие патрули — я должен быть далеко-далеко...

Обливаясь потом, задыхаясь от непрерывного бега, я, наконец, добежал до берега масляно поблескивавшей реки, вдохнул напоенный сыростью воздух и шагнул в воду...

Будь ты проклят, Гребенюк!..

ПРОЩАЙТЕ, РОДНЫЕ

Будь ты трижды проклят, человек, изменивший своей родине!.. Враг — есть враг. Предатель и отступник — враг вдвойне. Как я клял себя за оплошность, которая была чревата неисчислимыми опасностями!.. Гребенюк использовал единственный свой шанс. Он ушел, улизнул, чтобы вновь кусаться ядовитыми зубами немецкого холуя. Каков же будет счет загубленным людям, скольких еще истребит в своей патологической ненависти этот оборотень! Я мог его уничтожить и — не сделал этого...

Даже сверток бумаг, списки, которые я нес под своим мундиром, не могли хоть в малой мере успокоить меня, притулить жгучее чувство досады, сознания своей вины.

Я не помню, как добрался до монастырской стены. Кажется, я все-таки наскочил на патруль, наорал на двух пожилых немецких солдат и молоденького лейтенанта, обескураженного моим взъерошенным видом. Пока он читал мое удостоверение и пропуск, я выложил иносказательно все, что накипело на сердце... Наверно, патруль принял меня за хмельного, потому что уходя, я слышал их негромкий и незлобный смех.

Чернобородый, наспех накинувший на себя пиджак, только развел руками, услышав обо всем, что произошло, — Эх, угораздило тебя... Ладно, показывай свои трофеи,

Я развернул оба списка. Чернобородый пробежал их глазами и многозначительно крикнул.

— А ведь нет худа без добра... Это пригодится. И ежели судить по назначению вот этого... — Он ткнул пальцем в список «неблагонадежных» — людей надо срочно укрывать. Успеем ли!.. — Котиков на миг задумался, тень пробежала по лицу.— Попробуем связаться с подпольем. Понимаешь, немцы прежде чем почувствуют себя на вертеле, займутся этими людьми в первую очередь... Жаль, что нас здесь останется в обрез... Ну, будем хлопотать... Хвоста за собой не заметил!

— Как будто нет.

— Добро. Мы остаемся здесь всего одну сегодняшнюю ночь. Завтра перебазиремся. Ирина уже осваивается на новом месте. Ты вот что: в абвер не показывайся. В крайнем случае, воспользуйся телефоном. Этот Гребенюк мог поставить на ноги всю службу безопасности. Рисковать не следует. Ночевать останешься здесь. А завтра к

двадцати ноль-ноль, будь добр, кровь из носу, а явись в дом двадцать пять по Больничной улице. Пароль прежний — завтра придет Иван... Ну, вот... Да, сбрось эту форму, документы получишь новые. Можно сбрить усы — не потребуются. Я сам со своей единственной, первой и последней, тоже сегодня прощусь.— Он ласково потерял свою роскошную бороду.— д сейчас ложись спать. Мне еще придется похлопотать...

Это были последние его слова и последняя моя встреча с Котиковым. Наутро я ушел, так и не повидав его.

С почтама я позвонил сначала Крайзеру по два-ноль-три. Чей-то раздраженный голос прокричал мне:

— Мы его сами разыскиваем, черт побери! А кто его спрашивает!

— Племянник и родная тетя.— Я повесил трубку.

С Крайзером что-то произошло. Чернобородый как в воду смотрел — тучи сгущаются. Что ж, теперь надо поесть. Подумав, я отправился в маленькое кафе на Болховской улице и быстро позавтракал — голод донимал меня, к тому же неизвестно было, смогу ли я поесть в продолжение дня...

Я уже допивал кофе, когда в зал вошли два подтянутых офицера и расположились неподалеку от меня. Они заказали легкий завтрак и, посмотрев в мою сторону, утратили всякий интерес к моему существованию.

Я сидел еще несколько минут и поднялся. Один из офицеров вытер губы салфеткой и, глянув на наручные часы, заторопился, Я пропустил его вперед, взял у гардеробщика фуражку, перчатки и вышел из кафе.

Офицер, опередивший меня, остановился, стараясь прикурить сигарету от зажигалки. Это у него не получилось, он оглянулся по сторонам, и глаза его остановились на мне.

— Простите, обер-лейтенант, моя адская машина отказала. Не дадите ли прикурить!

— Пожалуйста! — я вытащил свою австрийскую зажигалку и поднес ее к сигарете. И неожиданно услышал:

— Спокойно, господин Браун!.. Советую не горячиться. Вам привет от господина Штейна!

Офицер смотрел на меня в упор. Я оглянулся. Позади стоял второй, вероятно, вышедший следом за мной,

Все было сработано точно. Я еще не успел, как следует разобраться в ситуации, как послышался шум мотора, и я увидел подкативший «мерседес».

— Прошу! — офицер, не мигая, смотрел на меня, делая приглашающий жест в сторону машины. Второй подхватил меня под локоть, и по его хватке я понял — это опытный дзюдоист... Абвер меня застукал.

Меня почти втокнули в машину, где сидел третий офицер.

Это был Пауль Штейн.

«Мерседес» тронулся, шторы были задернуты, мой пистолет перекочевал в руки Штейна. Никто не произносил ни слова.

По тому, как нас начало подбрасывать, я понял — мы выехали на какую-то неблагоустроенную дорогу.

— Куда вы меня везете. Штейн?

Пауль, сосредоточенно смотревший на какую-то никелированную кнопку переднего сиденья, коротко и сухо ответил:

— Сейчас узнаете... Мы уже подъезжаем.

Машина качнулась еще несколько раз, затем мягко остановилась. Штейн кивнул головой, и оба офицера вышли, оставив нас одних.

— Я вас доставил в безопасное место... Произошло нечто, что заставило меня поступить именно так. Известный вам Кюнеберг после свидания с вами поставил на ноги службу ээс и эсде. Полтора часа назад сотрудники гестапо получили приказ арестовать обер-лейтенанта парашютных войск Вальтера Брауна... К счастью, мне

удалось опередить специалистов ведомства Гимmlера. Я сам решил арестовать вас... на несколько часов. Так будет полезно мне и вам.— Штейн снял с потного лба фуражку и вытер его обшлагом мундира,— Кстати, Крайзер покончил с собой на квартире любовницы. Думаю, что причина самоубийства вам понятна. Это произошло после тревоги, поднятой Кюнебергом... Примите также к сведению — гестапо сегодня обнаружило явочную квартиру советских агентов на Монастырской улице... Во время перестрелки были убиты два неопознанных лица. Сейчас гестапо охотится за очень крупной дичью — резидентом советской разведки, который в течение двух лет водил нашу контрразведку за нос. Фамилия его — Котюков, это владелец антикварного магазина на местном рынке... Вы поражены! — Штейн с кривой усмешкой посмотрел на меня.

Да, что скрывать, я был поражен. Сколько тревожных событий произошло за несколько часов!.. Но вдруг все это — ложь, провокация, искусная игра! Ведь такое бывает!..

— Все абсолютно точно, господин Браун! — Штейн вновь надел фуражку. Он был подчеркнуто сух и официален, словно мы были случайными знакомыми,— Ваши соотечественники Кукин и Кюнеберг неплохо поработали, надо отдать им должное.

— Ничего, выстоим! — это сорвалось с моего языка помимо воли.— Мы тоже неплохо поработали, смею вас уверить!..

— Каждому свое... - Штейн невольно вздохнул опять и отодвинул штору.— Видите это строение. Здесь вы будете в безопасности до тех пор, пока мы что-нибудь не придумаем,

— Придумывать не надо. Я прошу доставить меня в город, сегодня же, не позже девятнадцати часов.

Штейн поднял голову и потер подбородок. Светло-карие глаза его смотрели на меня с ожиданием.

— Думаете продолжить игру!

— Кто знает... Но я должен быть в городе точно в это время.

— Хорошо...— Штейн толкнул дверцу.— Идем!

Мы направились к старому бревенчатому зданию, стоящему в глубине обширного парка. Здесь Штейн отдал мне пистолет, предварительно разрядка его, а затем, молча тронув козырек фуражки, ушел к оставленной машине. За ним последовал офицер, просивший у меня огня у кафе.

— Пройдите сюда! — Оставшийся распахнул передо мной дверь, и мы вошли в прохладную комнату с неоштукатуренными стенами, окна которой выходили в сторону дороги.

— Садитесь. Времени у нас достаточно, — Офицер вытащил пистолет и сел у стола, не спуская с меня глаз.

Я до сих пор не знаю, где находилось, для каких целей служило это здание абверу, и почему именно сюда доставил меня Штейн.

Сидя против гитлеровца, следившего за каждым моим движением, я мучительно думал над случившимся. То, что произошло со мной, вовсе не походило на арест. Пожалуй, со стороны Штейна подвоха здесь не было. Обезопасив меня, он обезопасил и себя. И мое положение показалось мне не таким уж мрачным. Но происшедшее с Чернобородым не давало покоя. Неужели я привел-таки за собой хвост на Монастырку... Нет, в этом я был уверен. Да и Крюков не даром говорил о необходимости перехода на другую явку. Значит, он что-то предчувствовал.

Мысли мои обратились к Саше. А что с ней; Неужели кровавые лапы гестаповцев добрались и до неё!.. От этой мысли я даже заскрипел зубами, а мой страж положил руку на пистолет. Я не удостоил его вниманием. Мне было не до него...

Так, в молчании, шли час за часом, пока косые лучи солнца не зажгли верхушки высоких берез, выстроившихся вдоль ухабистой и пыльной дороги. В один из этих часов я обнаружил, что парк и дом охраняются — я увидел группу немецких автоматчиков, прошедших по густой парковой аллее. Очевидно, к вечеру здесь усиливались посты.

«Мерседес» прибыл ровно в восемнадцать тридцать. Возвратившийся абверовец выложил передо мной кучу пропусков и пару верхнего штатского платья.

— Переоденьтесь и возьмите документы... Свои сдайте мне.

Ну, что ж, давай, фашист, сделаем так, как ты предлагаешь...

Я чуть не усмехнулся — парадоксальная вещь!.. Обо мне, о советском разведчике, так трогательно заботится контрразведка гитлеровского абвера!.. Вот расскажешь кому-нибудь — не поверят!..

Я преобразился в штатского, похожего чем-то на актера или художника. Офицер подал мне несколько снаряженных обойм, я вложил одну в парабеллум, и мы вышли из моего домзака.

В девятнадцать тридцать я был в городе, в двадцать ноль-ноль уже стучался в двери дома номер двадцать пять по Больничной улице.

Невысокий, с залысинами над покатым лбом человек приоткрыл дверь. Лицо его показалось мне очень знакомым. Говоря пароль, я старался вспомнить, где мог его видеть. И лишь когда я вошел в комнату,— вспомнил. Да ведь это маркер из бильярдной ресторана «Националь»...

Ну да, он!..

— Вы уже переделались, Браун! — человек одобрительно оглядел меня.— Как с документами!

Мне пришлось рассказать о моем лжеаресте.

— Ловко! — Человек присвистнул.— Давайте-ка эти документы мне. Вот вам другие. Берите бритву — она на окне. И поторапливайтесь — все уже в сборе. — Человек говорил властно, голое его был ровен и спокоен,— Через четверть часа отправляемся, Я спросил, что известно о Котюкове, и знает ли он о последних акциях гестапо. Человек кивнул, бросив коротко:

— Знаем.

— А... Что с Ириной!

— Поторапливайтесь, у нас нет времени...

Десятого июля, спустя пять дней после отчаянной попытки гитлеровцев прорвать оборону наших войск севернее и южнее Курска, я прибыл в Елец к полковнику Ржавину.

Спустя еще два дня мы узнали: Котюков, он же капитан Иван Яковлевич Данилов, руководитель разведгруппы фронта, погиб в неравном бою с гитлеровцами, выводя из окружения своих товарищей. Среди раненых, захваченных гитлеровцами, была и Ирина Стругина, она же младший лейтенант Советской Армии, Александра Георгиевна Богатырева. Она умерла в камере гестапо, на допросе у шарфюрера эсэс Кюнеберга...

ИВАН ПРИШЕЛ

Проселочная дорога, по которой бежит наш юркий «виллис», вся исклевана снарядами. Шофер чертыхается, яростно раскручивая баранку и то и дело нажимает на тормоз.

Нас трясет, подбрасывает, когда машина то правым, то левым скатом попадает в воронки. Мне и прокурору — сухому, очень моложавому человеку — ничего, а вот моему соседу — майору госбезопасности Шлипову, человеку зрелого возраста, несколько тучному — чувствуется неважно, хотя он и старается держаться молодцом.

Кто такой Шлипов?.. В тот день, когда с завода привезли мертвого дядю Петю, Шлипов и был тем самым энкаведистом, который разговаривал с моим батей. Услышав мою фамилию еще в управлении, он сам сказал мне об этом. А теперь мы с целым взводом бойцов войск НКВД, двигавшимся вслед за нами на грузовиках, едем в Окск. Сегодня пятое августа, наши войска уже дерутся на его улицах. Иван пришел в Окск!..

Мы объезжаем вереницу штабных машин. Это — тыловые службы корпуса, которым командует Гор-Горыч, Я уже виделся с ним. Постарел генерал. Теперь вся голова его кажется отлитой из дюрала — поседел.

Он все знал. И мне не пришлось говорить ему слов утешения. Он обнял меня, я, как кутенок,

ткнулся носом в его грудь и замер,— так, как бывало на отцовских коленях... А Гор-Горыч что-то говорил мне, подбадривая. Подумать только! Он же меня подбадривал!.. Есть же люди-кремни!.. Старая гвардия, что еще скажешь...

На дороге перед «виллисом» появился регулировщик — кругленькая, очень решительного вида девица с автоматом на высокой груди.

— Объезд направо... Куда вас несет! Я говорю — объезд направо.

— Спасибо, ягодка! — шофер крутанул руль, и «виллис» свернул на свежую колею.— Бывает же этакий товарищ... Где встретимся, малинка!

— Валяй! Валяй! В Берлине увидимся! — Девушка отмахнулась флажком и повернулась к следующей машине.

Над полем клубились столбы дыма, пахнувшего нефтью и жженой резиной. Догорали танки. Только справа я насчитал тринадцать железных закопченных коробок. В низинке, которую мы пересекли, задрали к небу хвосты два самолета — немецкий «Ю-88» и наш «Лавочкин». В кустах, посеченных, вывернутых с корнем, виднелись пушки, вдавленные в землю. Видимо, батарею проутюжили немецкие танки.

Потом я увидел «тридцатьчетверку». Башня танка была сорвана могучим ударом и валялась метрах в двадцати от машины. На грязно-зеленой бронзе, словно потеки сургуча, стыла кровь...

— Да, было...— Майор Шлипов покрутил шеей.— Пекло!..

Со стороны города катился грозный гул, из которого выделялись нечастые контрабасы тяжелых орудий.

— Товарищ майор, глядите! Вон они, «тигры»! — Шофер даже притормозил, указывая в сторону косогора, покрытого черной сгоревшей рожью. Там, подобно двум слонообразным животным, стояли вплотную друг к другу два «тигра». Пушечный ста о л одного из них распустился пятью железными лепестками. Второй казался невредимым. Но оттуда тоже тянуло смрадом — видимо, разлагались трупы.

Через некоторые мы проезжали. Они уже стали плоскими, словно их сплюснул стальной пресс. Когда же мы вкатились на пригорок, я не удержался, чтобы не присвистнуть — гречишное поле было сплошь завалено мертвыми немцами.

— Под «катюшу» угодили,— тоном знатока пояснил водитель и дал газу.— Побыстрее отсюда, не то от вони травить начнем.

Да, вот что делает Иван, когда начинает шагать на Запад!..

— Наших здесь тоже полегло, — сказал молчавший до сих пор сержант, сидевший рядом с водителем.— Трудно его, гада, выковыривать...

Вдали, за синим перелеском, вставало серое марево. Казалось, шла гроза. Солнце с трудом пробивалось сквозь дымную пелену, было рыжим и неярким. Гулкие удары катились навстречу нам.

— Рвут город, сволочи! — Шлипов облизнул пересохшие губы. — Газуй, шофер! Еще два дня назад начали рвать. Камня на камне не хотят оставить.

Андрей Петрович Шлипов мой земляк. Мне понятно его нетерпение побыстрее попасть в Окск. Да и то, зачем мы туда спешим — не терпит отлагательства. В планшете Шпинова— копия списка Гребенюка. Покуда «благонадежные» Кукина и фюрера не забились, как клопы, по щелям — их следовало обнаружить и вырвать ядовитые жала.

Наш «виллис» останавливается — впереди длинная колонна пленных. У них землистые, запыленные лица, они едва волокут ноги в тяжелых сапогах.

— Фриц-блиц!.. Навоевался? — водитель обращается к долговязому желтоволосому немцу, стирающему пот со лба пилоткой.

— Гитлер капут! — заученно восклицает немец, и мне вдруг становится нехорошо. Они тоже умные, знают, как потрафить победителю. Но дай этому фрицу автомат и поставь шофера или меня, или Шлипова в его нынешнее положение — он бы показал, на что способен. Недаром на его петлицах два алюминиевых зигзага — это солдат из эсэсовской дивизии. Хотя... Время снимет повязку с его глаз. Ведь и с глаз Пауля

Штейна она упала. Этот абверовец выбрал все-таки единственно верный путь. Я уже знал от Шпинова — месяц назад, в ночь на пятое июля, Штейн с приказом командующего Окским укрепрайоном, переодевшись в мундир рядового сапера, перешел пинию фронта... Все-таки Россия, если вдоволь надышаться ее воздухом, очищает душу человека... А Штейн вдохнул его немало.

Мы въезжаем в дымящийся, полыхающий город. Мои руки вцепляются в железный борт — я не узнаю Окска. Слева, где был вокзал, Дом культуры железнодорожников, магазины — пусто. Бесформенные глыбы кирпича, скрюченные прутья железобетона, чадающие остатки деревянных перекрытий и горелое железо кровель — все лежит грудями...

Я смотрю направо — вместо знакомого завода пустырь. Лишь колонны опор высятся над пепелищем и руинами бывших цехов...

И так — всюду... Только в районе сквера, изрядно поредевшего, вытопанного, стоят каменные коробки зданий. На самом высоком плещется красный сгусток флага.

Вой одет далеко за городом, Но и здесь го затихает, то вспыхивает яростная перестрелка. Это каши пехотинцы вылавливают и ликвидируют остатки «зондеркоманд», факельщиков и подрывников, не успевших унести ноги.

Мосты взорваны. Мы слезаем с «виллиса» и по остаткам старой плотины, в теле которой торчат подобно стрелам хвостатые ракетные снаряды «катюши», перебираемся на левый берег Оки. Выше по течению саперы наводят временный мост, над рекой гулко частят топоры и хрипят пилы, а на берегу, на прилегающих улицах — столпотворение машин, пушек, танков и людей... Иван идет дальше.

Мы спешим к дому на Приречной улице, взбегаем по лестнице наверх. Небольшие кабинетами с заляпанными чернилами канцелярскими столами, с портретами вождей рейха, мусором, грудями бумаг и пепла. Сейфы, некоторые из них даже под сургучными печатями с оттиском орла. Телефоны, битые бутылки и снова кучи бумажного пепла.

— Пошли вниз, в камеры.— Шлипов зовет меня в подвал. Он идет первым, двери — дубовые, окованные полосовым железом — открыты. Я, сержант и несколько солдат шагаем сладом. Шлипов скрывается за одной из дверей — и вдруг выскакивает оттуда. Лицо его бледно.

— Это ужасно!.. Зверюги!

Камера полна трупов. Все они исполосованы в упор очередями разрывных пуль. В низком помещении тошнотворно пахнет кровью.

Вот они, следы рук Кукина и Гребенюка!.. Где же эти изверги!..

Мы ищем, но находим только их следы — кровавые следы палачей. Следы за городской тюрьмой. Следы в Медведевском лесу. В Андриабуже. В подвалах гауляйфельдполицай... Среди взорванных стен бывшего танкового училища.

К нам приходят жители. Из их уст мы слышим потрясающие жутью рассказы... Наш прокурор, пожалуй, единственный, кто держится холодно и рассудительно. Он требует факты и доказательства. Эмоции для него противопоказаны.

Нет, Гребенюк, даже если ты ушел на тот свет — я тебя и там отыщу. Клянусь памятью Чернобородого, всех погибших, знакомых и незнакомых — не миновать тебе расплаты. Пусть на это уйдет вся моя жизнь.

БУДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ

Нет, не вся жизнь, а всего лишь четверть века минуло с тех пор. Давно выросли дети тех, кто занесен в списки двадцати миллионов погибших, все в прошлом — боль и ненависть, утраты и победы...

И только память хранит давнее. Иногда она невзначай бьет тревожным набатом — и тогда я вижу людей моей молодости. Иногда кто-то удивительно похожий на одного из них вдруг мелькнет среди повседневной сутолоки — и тогда со всей беспощадностью, как взрыв, встает ушедшее, лишь подернутое дымкой времени.

О прошлом мне напоминает и старый клинок Гор-Горыча. Его «таль по-прежнему иена и остра. Боевое оружие остается символом верности делу революции и для меня, и для моего сына.

В день, которого я ждал десятилетия, боевая шашка вновь «бывала в моих руках. Я выдвинул клинок из ножен и вспомнил слова Гор-Горыча — оружие без надобности не обнажается.

Сегодня я имею право это «делать. Во имя прошлого и будущего.

... Я не знаю, что думал господин, остановивший свой белый «шевроле» у подъезда громадной гостиницы «Россия». В черных очках, спортивном костюме, он казался таким же туристом, как и сотни других — чуть любопытным, чуть равнодушным и основательно многозначительным.

Господин оставил своих спутниц — даму и великовозрастную девицу в автомобиле, а сам вышел и с интересом оглядел площадь и мост, повисший над Москвой-рекой. Затем он взял фотоаппарат, прицелился — и вдруг снял свои защитные очки. Господин из Америки не думал, что последует за этим.

Он снял очки и прицелился опять, а я уже шел к нему, срезая угол тротуара. Он успел щелкнуть фотоаппаратом несколько раз, когда я негромко сказал:

— Я ждал тебя. Гребешок. Он даже не повернул голову.

— Что же, я повторю еще раз... — Я заговорил на немецком. И только тогда он с удивленным видом повернулся ко мне. Его глаза были вновь скрыты светофильтрами.

— Что вам угодно?..

Я засмеялся. Гребешок остается верным себе. Я — тоже,

— Я долго тебя ждал, Кюнеберг.

— Я не понимаю... Вы путаете меня с кем-то. Простите, мне некогда!.. — Он повернулся к своей машине.

Чудак!.. Он сделал вид, будто не узнал Ленку Громова. Он не знал, конечно, другое, что подполковник госбезопасности Громов совсем не случайно оказался у гостиницы в ту минуту, когда из-за Василия Блаженного появился белый «шевроле» с номерным знаком штата Арканзас.

...Позже, находясь уже в моем служебном кабинете, он снял черные очки, читая документ, поданный мною. И пока он читал, я рассматривал его в упор.

Его несколько грузная фигура все еще хранила полуспортивный вид. Лицо выглядело довольно молодо, вместо сорока шести Гребенюку можно было дать лет тридцать восемь. Только лоб пересекали четыре глубокие морщины, да вместо одной фиксы вся верхняя челюсть его тускло поблескивала золотом коронок.

— Это недоразумение,— холодно сказал он, отложив документ, и пожал плечами.— Я подданный Соединенных Штатов Америки и прошу немедленно связать меня с послом Штатов, или поставить его в известность...

— Уже сделано,— ответил я.— Господин посол поставлен в известность. Между прочим, он убедился, что происшедшее — увы, отнюдь не недоразумение... И вот что: хватит вилять, Гребешок. Двадцать лет с лишним я искал тебя.

— Еще раз я требую...

— Хватит! — Я стукнул своим старым портсигаром о стол. — Здесь требую я... Вы, Николай Фёдорович Гребешок, обвиняетесь в тягчайших преступлениях, совершенных в годы минувшей войны. Суть дела вам понятна!

— Нет. Я возмущен поведением советских властей. Я иностранный подданный, у меня все визы в полном порядке. Я требую немедленно освободить меня и дать возможность семье обрести покой...

Я посмотрел в серые, с легкой желтизной, зрачки этого «иностранный подданного». А он, ей-богу, последователен в своей наглости!..

Взгляд Гребенюка стал колючим.

— Я — Макферсон, Джон Макферсон, а не Грабенюк, как вы утверждаете. Я деловой человек, я прибыл в Россию как турист и считаю ваши Действия грубейшим

произволом.— Голос его вибрировал от неподдельного негодования. Отличный актер!.. Но я не был зрителем, а управление госбезопасности театром еще никто не считал. Хорошо... — Я нажал кнопку.— Лейтенант,— сказал я появившемуся дежурному,— приведите арестованного из третьей камеры.

Лейтенант скрылся за дверью, а я закурил. Что ж, Гребенюк, я подготовил тебе сюрприз. И не один.

Когда в комнату вошли двое, Гребенюк безучастно продолжал смотреть в окно.

— Гражданин Кукин,— сказал я,— вы помните этого человека!

Гребенюк вздрогнул и резко повернулся.

— Вам знакомо это лицо! — спросил я небрежно,— Не напомним ли фамилию, под которой этот господин,— а кивнул на Гребенюка,— работал с вами в Окска в период сорок первого — сорок третьего годов!

— Знакомо, гражданин начальник,— Уши Кукина задвигались.— Память мне не изменяет. Это Кюнеберг, он же Гребенюк, старший следователь моего управления, а затем шарфюрер гестапо...

— Достаточно... Продолжим беседу, господин Макферсон!.. Посмотрите на это.— Я достал из стола клочок старой гимнастерки.

Гребенюк медленно бледнел. Через минуту передо мной сидел совершенно серый человек с резко обозначившимися тенями под глазами.

— Уведите! — приказал я лейтенанту и повернулся к Гребенюку.

— Не правда ли, трогательная встреча!..

Гребенюк опустил голову. Я придвинул к нему сигареты.

— Кури, Гребешок, Между прочим, допрашивать тебя я не буду. Этим займется следователь. Мне все ясно, Гребенюк, виноват, Макферсон... Главное отвечать будешь народу, не мне, хотя... У нас с тобой особый счет, не правда ли!..

— Благодарю за приятную перспективу, Громов... — Гребенюк оправился и пустил колечко дыма.— Ты не изменился.

— А ты по-прежнему наездник!..

— Что поделать!.. — Он пожал плечами.— Принцип.

— Конечно... Так о чем же будем говорить! Помнится, последняя наша беседа закончилась несколько необычно...

— Жаль!..

— Что жаль! Ну, смелее. Это не войдет в протоколы.

— Сожалею, Громов, что тогда ты исчез из города... Я бы завершил наш диалог.

— Благодарю. Я в этом не сомневался. Кстати, дело-то прошлое: исчезнуть мне помог абвер. Так что я тут не виноват...

— Мы так и предполагали.

— Кто мы!

— Гестапо... Это стало ясно, когда майор Штейн перебежал к русским. Тогда он спас свою жизнь предательством.

— Вот как!.. — Я с интересом взглянул на Гребенюка.— У тебя, оказывается, был последователь!..

— Гм... — Гребенюк задвигался на стуле.— Но... Это совсем иное дело.

— Логично!.. Между прочим, твой коллега Михаил Иванович Кукин на этот счет имеет свою философскую базу. Например, он утверждает, что стал предателем в силу объективного закона... Впрочем, будет ли тебе интересно!

— Чрезвычайно!.. — Гребенюк опять закурил, ломая спички.— В моем положении 'особенно.

— Ну, так вот, он считает: покуда существует такая общественная форма, как государство, всегда будет предательство и предатели. Второе исчезнет, когда отомрет первое. Логично, верно!..

— Пожалуй.

— О себе же он говорят так: судьбой было уготовано, чтобы именно он, Кукин, стал предателем в данном случае. Не будь Кукина, явился бы Петров, Иванов, Сидоров... То есть, предательство, измена — явление неизбежное, закономерное в своей сути. И коль так — относиться к этому следует без предвзятости. По-опостольски. Богу — богово, кесарю — кесарево. Не правда ли, любопытно!.. Нужны лишь определенные условия — и вот вам Кукин, Гребенюк и иже с ними. Каждый человек — в потенции предатель.

— Да, пожалуй.

— Неужели!.. Опровергнуть! Если есть желание.

Есть!.. Так вот, когда Гребенюк, рядовой пулеметчик второго батальона, поднял руки, Алексей Гришин, первый номер пулеметного расчета, погиб как солдат, выполняя боевой приказ... А ведь что стоило последовать примеру своего однополчанина!.. Руки вверх — и война кончена!.. Что стоило известной тебе Гале сказать в гестапо лишь несколько слов — и она бы избежала вашей обработки, Нюнеберг!.. Что стоило Саше Богатыревой придти в абвер со своей рацией!.. Наконец, зачем Громову было искать рискованных встреч с господами Крайзерами и прочими, вместо того, чтобы стать рядом с тобой, Гребенюк!.. Опять молчишь! Не есть ли в этом некая закономерность!.. — Я встал, чувствуя, что давнее вновь нахлынуло на меня. Чтобы успокоиться, я прошелся по кабинету. Гребешок ерошил волосы, глядя на ковер в одну точку. Он по-прежнему оставался безучастным.

— Хорошо,— улыбнулся я, садясь на место.— Снявши голову, по волосам не плачут. Понимаю. Но ради чего снималась голова! — Я раскрыл папку и подал Гребенюку несколько листов.

— Читай.

Я налил в стакан воды и подвинул его к Гребенюку. Я знал, что произойдет спустя минуту.

Гребенюк дважды прочел текст бумаги. Это была копия протокола суда, в котором говорилось, что Федор Гребенюк оговорил и оклеветал группу честных учителей ряда городских школ, за что и понес заслуженное наказание...

Из Николы получился достойный преемник своего родителя.

Гребенюк молча опустил на стол бумаги и посмотрел на меня. Что-то на миг сверкнуло в темных зрачках его глаз — и исчезло. Он взял стакан и сделал несколько глотков. Стекло стучало о его зубы.

— Уведите арестованного.

За окном металась черная молния — стрижи лепили свои гнезда. По тротуару шла стайка парней и девушек. Звучал транзистор, я слышал гитарные аккорды и ритмичную песню. Легкие тени пересекали улицу, утверждая надвинувшийся вечер.

Что ж, пора. Завтра будет новый день. Рабочий день.

ИЗ ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ

Оксск, 15 ноября (ТАСС). Сегодня здесь закончился судебный процесс над группой государственных преступников — М. И. Кукиным, Н. Ф. Гребенюком — Кюнебергом я другими, сотрудничавшими с немецко-фашистскими карательными органами в Окске в период 1941—1943 гг.

Суд полностью установил прямое участие подсудимых в преступлениях гитлеровцев, совершенных более двадцати пяти лет назад в оккупированном Окске.

Документы и свидетельские показания изобличили обвиняемых как палачей и изменников нашей Родины, на совести которых сотни замученных советских патриотов.

За совершенные злодеяния бывший начальник городской полиции (русского гестапо) М. И. Кукин и шарфюрер гестапо Н. Ф. Гребенюк приговорены судом к расстрелу. Остальные обвиняемые осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

Приговор над шайкой палачей и предателей нашей Родины горячо одобрен трудящимися города Окска.